

ЗАЙН-АД-ДИН МАХМУД ВАСИФИ

**УДИВИТЕЛЬНЫЕ
СОБЫТИЯ**

Директ-Медиа

Москва

2010

ЗАЙН-АД-ДИН МАХМУД ВАСИФИ

**УДИВИТЕЛЬНЫЕ
СОБЫТИЯ**

Пер. А. Н. Болдырева

ОЧЕРКИ ИЗ ЖИЗНИ ГЕРАТСКОГО ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ XV—XVI вв.

“Удивительные события” — мемуары Гератского литератора Зайнад-дин Махмуда Восифи, родившегося в 1485 г. х. э., являются выдающимся источником для изучения культурной жизни Герата и Мавераннахра в конце XV и начале XVI вв. Настоящие “Очерки” представляют собой продолжение моей работы над мемуарами Восифи.¹ Ни эти “Очерки”, ни предыдущие статьи никоим образом не исчерпывают огромного богатства сведений, заключенных в этом замечательном источнике.

Задача критического издания всего текста мемуаров Восифи представляется все более нужной, заманчивой и выполнимой. Необходимые для этого авторитетные рукописи хранятся в Государственной Публичной Библиотеке в Ташкенте.

Если в первой из упомянутых моих статей главное внимание было обращено на общее описание источника с выделением отдельных моментов, непосредственно связанных с культурной жизнью и историей Средней Азии при первых Шейбанидах, то данная работа посвящена прежде всего освещению некоторых фактов жизни Гератского общества самого конца [314] XV в. и начала XVI в., точнее по 1510 год — время захвата Герата шахом Исмаилом Сефевидским и бегства Восифи в Мавераннахр.

В соответствующей части мемуаров Восифи описывает в качестве очевидца такие важные исторические события, как крушение государ-

ства хорасанских тимуридов, воцарение Шейбани-хана и последующий переход власти от узбеков к Исмаилу Сефеву. Однако описание этих событий не является самоцелью для автора мемуаров. Он преследует иную задачу: описание того, что случилось с ним лично во время этих исторических потрясений, которые, таким образом, выступают как фон для основного повествования. На этом фоне разворачиваются эпизоды личной жизни Восифи, в той или иной степени определяемой историческими событиями.

Как стремится показать наша работа, Восифи был рядовым горожанином, обывателем, никак не принадлежавшим к правящему кругу и ко двору. В этом принципиальное отличие Восифи от других, значительно более известных его современников, описывавших те же события, — Бабура и Хондемира. Таким образом, эти события освещены в мемуарах Восифи с иной точки зрения. Как будет показано, эта точка зрения стоит вне традиций официального классического летописания (Хондемир) и не совпадает с точкой зрения венценосного мемуариста этого же времени — Бабура.²

Наряду с этим, в “Очерках” собраны некоторые сведения, разбросанные по мемуарам Восифи и характеризующие городскую среду как активную носительницу и созидательницу культурной жизни Герата конца XV и начала XVI вв.

В приложении дано несколько текстов, не имеющих прямого отношения к ходу изложения “Очерков”, совместно с переводами и замечаниями.

Автобиографические воспоминания характерного представителя той или иной общественной среды неминуемо содержат данные для нашего суждения об этой среде в целом. Соответственным образом ниже изложена биография Восифи, [315] восстанавливаемая на осно-

вании различных автобиографических сведений, рассеянных на протяжении мемуаров. Биография Восифи восстанавливается, соответственно задачам всей работы, только для Гератского периода его жизни, т. е. до окончательного переезда ³ его в Мавераннахр в 918 г. х. э. (1512 г. х. э.).

Биография Восифи является, таким образом, основным стержнем всего изложения. К биографии присоединены переводы нескольких отрывков мемуаров и небольшие тексты.

Для “Очерков” использованы те же три рукописи мемуаров, что и для двух упомянутых моих работ: рукопись Гос. Публичной Библиотеки в Ташкенте № 2129 (условное обозначение Т) и две рукописи Института Востоковедения Академии Наук СССР В 652 и С 401 (условное обозначение В и С). ⁴

Можно теперь добавить, что тексты рукописей С и В чрезвычайно близки друг к другу, отличаясь лишь во второстепенных деталях. Рукопись Т стоит совершенно особо. Она дает какую-то собственную редакцию, доходящую в своей самостоятельности часто до замены не только отдельных слов и выражений, но и целых предложений; в то же время дело идет скорее о разных формулировках той же мысли, а не о разных мыслях. Замены слов свидетельствуют во многих случаях о стремлении упростить лексику, быть может приблизить ее к современному писцу языку. Основана ли редакция рукописи Т на какой-то текстовой традиции, отличной от традиции, легшей в основу текстов рукописей С и В, или же представляет собой продукт деятельности писца, — сказать трудно. Этот вопрос, как и все вопросы критики текстов мемуаров Восифи, может быть разрешен только с [316] привлечением хороших и, к сожалению, в настоящее время мне недоступных ташкентских рукописей.

В части транслитерации имен собственных и некоторых вошедших в научную литературу терминов, в настоящих “Очерках” применен тот же способ, вернее, сочетание двух способов, что и в упомянутых предыдущих работах. ⁵

До настоящего времени сведения о Восифи черпались только из произведений Восифи, а упоминаний о Восифи в каких-либо других источниках, современных ему или более поздних, в научной литературе никогда не приводилось. Одно такое упоминание удалось недавно обнаружить. Оно находится в в тезкире Хасана Нисари “Музаккир-аль-ахбаб”, написанном в Бухаре в 1566 г. х. э. ⁶

Однако это упоминание, хотя и весьма многословное, дает очень мало фактического материала. [317]

Упоминание о совершенствах красноречивейшего из поэтов маулана Восифи. Он из знаменитых поэтов. Быстрые, как луна, мунши и пронцательные, как меркурий, дабиры держали трон почерка его писания. ⁷

“Мое сердце постоянно стремится к писаниям
[выполненным] твоим почерком,
Таково желание моего сердца, если хочет бог!”.

Вельможи всегда были его покупателями и не давали замирать базару покровительства ему. Его пронцательный дух был собирателем сборника достоинств и совершенства и мастером творения мыслей и представлений, глубоко нырял в моря поэзии, извлекая жемчуга поэтических образов. [Восифи] в совершенстве постиг [искусство] стихотворной загадки (муамма-логогриф); он умел разгадывать трудное муамма, не зная разгадки. Хидмат (?) Султан-Али Муфти говорил:

“Ходжа Утарид составил пять муамма на слово, а Восифи разгадал их, не зная разгадки”

“Слышал я, что ты услада души,

А как увидел, [убедился], что в тысячу крат ты лучше!”

Хорошо получилось у него следующее муамма на имя ⁸

Говорят, что у маулана Катиби имеется четыреста оригинальных поэтических образов. ⁹ В том числе следующий бейт. ¹⁰

Мулла Восифи составил пять газелей в подражание этому образцу. Приводим начальные строки этих газелей. ¹¹ **[318]**

Он назвал эти пять газелей “Удивительная пятерица” и проницательные люди им поражаются. Он также написал подражание на оду “Варблюд-келья” Катиби, введя в нее упоминание о четырех элементах. ¹² [Восифи] погребен в Ташкенте”.

На этом оканчивается относящаяся к Восифи выдержка из тезкире Хасана Нисари.

Приведенные в ней сведения могут вкратце быть изложены так: Восифи (конечно, это относится к среднеазиатскому периоду его жизни) пользовался при жизни значительной известностью и вращался в придворных литературных кругах. Он славился своим поэтическим и каллиграфическим искусством. Особенно знаменит был он своим виртуозным разгадыванием муамма, о чем автору тезкире рассказывали очевидцы. Из его литературных произведений наибольшей известностью (в Средней Азии) пользовались его “Удивительная Пятерица” и подражание оде Катиби.

Сведения, сообщаемые Хасаном Нисари, находят себе полное подтверждение в мемуарах. Указание о погребении Восифи в Ташкен-

те дает возможность предположить с большой долей вероятия, что он там и умер, а перед смертью и жил там в течение некоторого времени. Последнее соображение приобретает еще большую правдоподобность в связи с приводимым некоторыми рукописями мемуаров арабским текстом (составленным Восифи?) по поводу смерти его (?) сына Фаридун Мухаммада в 1551 г. ¹³

Возможно, что Восифи был еще жив в 1551 г., т. е. за шесть лет до составления тезкире, однако Хасан Нисари не встречался с ним лично.¹⁴ В пользу того предположения, что этот арабский текст 1551 г. принадлежит перу Восифи (кроме самого факта наличия текста в мемуарах), говорит также указание Хасана Нисари на почтенный возраст Восифи ко времени смерти, а в 1551 г. Восифи было бы 66 лет. **[319]**

Недоумение вызывает отсутствие в тезкире упоминания о том, что Восифи является автором такого выдающегося сочинения, как “Бадаи-аль-вакаи” (“Удивительные события”).

Биография Восифи в Гератский период его жизни восстанавливается только приблизительно. Дата рождения Восифи определяется одним указанием его на то, что ему было 13 лет в год казни Мухаммад-Мумина, внука Султан-Хусейна. ¹⁵ Так как это событие имело место в 903 г. х. (1497), ¹⁶ то датой рождения Восифи следует считать 890 г. х. (1485 г. х. э.), 890 г. х. начался 18 января 1485 г.).

В мемуарах нет нигде указаний на то, что Восифи или его отец происходят не из Герата. Единственная возможность полагать, что отец Восифи происходил не из Герата, а из Астрабада, основывается на том, что родственник отца Восифи, известный Сахибдара, носил нисбу Астрабади. ¹⁷ Самого Восифи можно считать Гератским уроженцем.

В имени Восифи имеются некоторые расхождения. В начале мемуаров оно приводится обычно в форме Зайн-ад-дин Махмуд ибн Абд-аль-джахиль,¹⁸ однако в гл. 7 в тексте арабского письма, Восифи назван Асир-ад-дин Камаль, а в гл. 11 (речь Суюндж-хана) — Камаль-ад-дин.¹⁹

Кроме того, в одном случае Восифи присвоена нисба Ансари.²⁰

Об отце Восифи известно очень мало; его звали Абд-аль-джахиль. У него в Герате был дом, где он жил со всей своей семьей. Догадываться о его занятиях можно только по рассказу о везире Низам-аль-мульке Хавафи,²¹ где Восифи говорит о себе, что он присутствовал вместе с отцом при подготовке казни Низам-аль-мулька и его сыновей в цитадели Ихтиар-ад-дин. Это происходило в июле 1498 г., и Восифи было в то время 13—14 лет. Можно думать, что Восифи был там [320] в этот момент не самостоятельно, а, так сказать, при отце, и что отец присутствовал при таком важном событии и в таком месте, как тюрьма для государственных преступников, конечно, не в качестве постороннего любопытного, а в качестве официального лица, скорее всего в качестве мелкого чиновника с секретарскими обязанностями, мунши-писца и т. п. Отец мог брать подрастающего сына с собой на службу, например для обучения своей профессии. С этим интересно сопоставить краткое указание на присутствие Восифи в другой Гератской крепости — Найарету²² в 912 г. х. (1506/7), т. е. уже через 8 лет. Это указание содержится в словах эмира Ядгара. Слова нарочито подчеркивают разницу между блистательным, богатым эмиром и ничем не выдававшимся Восифи. Позднее Восифи выполняет функции мунши и можно думать, что он наследовал профессию отца.

Дом отца Восифи ничем не выделялся среди домов Гератских обывателей. Это был дом обычной средней обеспеченной Гератской

семьи. Около 1507 г. отец Восифи устроил в доме усовершенствованное подземное водохранилище — сардабе. ²³ В доме было несколько служанок. ²⁴ Свое домашнее имущество в минуту опасности Восифи сумел без труда перетащить в дом своих родственников. ²⁵ Число родственников было довольно значительно — для оплакивания мнимой смерти Восифи собралось около пятидесяти женщин. ²⁶ Эти женщины были достаточно состоятельны для того, чтобы иметь возможность отблагодарить спасительницу Восифи браслетами и перстнями, которые были в этот момент на них.

Мемуары дают немного прямых указаний на общественное и имущественное положение семьи Восифи. Этот недостаток легко возмещается рядом косвенных данных о некоторых **[321]** родственниках Восифи, о ближайших друзьях его и его отца. Эти данные позволяют составить себе достаточно полную картину той среды, из которой происходил и в которой вращался автор замечательных мемуаров.

Из родственников Восифи упоминаются трое: 1) поэт Амани 2) поэт и наперсник Алишера Навои, упоминавшийся выше Сахибдара, родственник Восифи по отцу, и 3) “блестящий” Гератский юноша Гияс-ад-дин, двоюродный брат Восифи с материнской стороны.

Привожу показательную характеристику Гияс-ад-дина, сообщаемую самим Восифи в гл. 31 мемуаров: ²⁷ “В Хорасане был у меня двоюродный брат с материнской стороны, по имени Гияс-ад-дин. Он обладал полными познаниями во всех науках и искусствах, особенно в логике и реторике. В диспуте и словопрении не знал он равных и целиком постиг оккультные науки. В музыке совершенство его достигало такой степени, что он мог импровизировать на любые исполнявшиеся мелодии (аханг), лады (макам) — как в низком, так и в высоком регистрах (шу’ба) и на группы ладов (авазе) [любые] песни (саут, накш), напе-

вы (амаль) и сюиты (кауль), подвергая в изумление мастеров этого искусства. ²⁸ Фокусы изучил он так, что если около компании, [где Гияс-ад-дин показывал фокусы], проходил какой-либо фокусник, то этот [322] фокусник узнав, [что здесь действует Гияс-ад-дин], бросался к нему со всех ног и униженно молил: “Ради бога, не срами нас!”

В смутяньстве и скандальности достигал он того, что не было возможно, чтобы в собрании или обществе, где принимал он участие, не оказалось хоть одного разорванного воротника, разбитой головы и выбитого зуба.

Однажды на каком-то маджлисе по его подстрекательству произошла схватка; в ней семь человек получили удары ножом: из них четверо умерло, а трое еле выжило; кроме того, четыре человека развелись со своими женами, а разорванным воротникам и халатам не было счета. Он говаривал: “Люди — это род человеческий; кто не зловреден — не человек.”²⁹

Состояние Гияс-ад-дина было невелико; это опять-таки можно усмотреть из того, что в минуту опасности он, как и Восифи, быстро и незаметно упаковал свое достояние (имущество, хранившееся в его Гератском доме) и вывез его на вьючных животных вместе со всей семьей и со служанками в Обе. Если бы этот караван представлял собой что-либо выделяющееся из обычной обывательской нормы, то он, конечно, был бы задержан узбеками, которые, как мы увидим ниже, преследовали цель возможно более полного присвоения материальных ценностей, накопленных крупными представителями правящих кругов Герата.

Характерен эпизод с лалом. Когда Восифи и Гияс-ад-дин, попав в руки своих преследователей, были заперты в сарай в ожидании суда и казни, ³⁰ то Гияс-ад-дин предлагает своим простакам-тюремщикам за

освобождение взятку в две тысячи тенге. Те соглашаются. Восифи прекрасно знает, что у него никаких денег нет и тихо спрашивает Гияс-ад-дина, откуда он возьмет требуемую сумму? Гияс-ад-дин ему отвечает³¹. “Когда мы были в бане, ты спросил у меня: что у тебя в кожаном мешечке, подвязанном к руке? — Я тебе тогда ответил, что это амулет эмира правоверных Али. Знай же, что у моей матери был лал, который Хадиджа-бегим торговала у ней за две тысячи тенге, а мать моя просила три тысячи хани. Вот **[323]** этот лал и находится в том мешечке, что подвязал я к руке. Его отдадим мы им, освободим руки от цепей, убьем их и, взяв лал обратно, уйдем!”

Вот этот лал, эта семейная драгоценность, запрятанная в нателном мешечке, хранимая на черный день, как нельзя красочнее характеризует Гияс-ад-дина, как типичного горожанина среднего достатка, хитрого обывателя. В контрасте этого лала с огромными сундуками аристократа-эмира Шахвали или жены Музаффар-Хусейна, припрятанными на черный день (см. ниже, стр. 344, 351), особенно наглядно выражена и определена общественная принадлежность Гияс-ад-дина и того же Восифи.

Другой родственник Восифи — поэт Сахибдара — был тесно связан с Алишером Навои, как говорит Восифи — “отмечен среди всех приближенных великого эмира наибольшей близостью [к нему]”.³²

Эта близость никак не может быть истолкована, как признак особого богатства или высокого общественного положения этого родственника Восифи. Четвертый рассказ в только что цитированной моей работе ясно показывает, что Сахибдара состоял при Навои в качестве лица совершенно зависимого, был чем-то в роде домашнего его приживальщика, наперсника. Доступ к Навои он получил благодаря своим литературным способностям и знаниям. Их же применял он с успехом

впоследствии для прославления нового хозяина Герата — Шейбани-хана.

Наиболее выразительной является третья фигура — поэт Амани.³³ Амани содержал в Герате, у подножия цитадели, лавку по изготовлению и продаже жареного гороха, что, повидимому, являлось его основной профессией. Верхнее помещение этой лавки “служило местом собрания поэтов и просвещенных людей [Герата]”. Восифи был тесно связан с Амани. Связь была настолько известна, что, по мнению Восифи, лавка Амани уж никак не могла служить прибежищем для скрывавшегося Восифи, как только выяснилось, что поиски действительно начались. Опасения Восифи подтвердились: преследователи [324] нагрянули в лавку с обыском через короткое время после его ухода.

Различные, упоминаемые в мемуарах, друзья Восифи или его отца принадлежат к тому же кругу. Так, в Кусуре “местечке, находящемся в пятнадцати фарсах от Герата”,³⁴ проживал некий Султан-Али, который был известен как “сладкогласный чтец” (хафиз). Он был, невидимому, не только чтецом, но и мелким землевладельцем; во всяком случае, его общественное положение было не настолько значительным, чтобы помешать местному правителю (даруге) привлечь (вызвав к себе в присутствие) его и его гостей — Восифи и Гияс-ад-дина — к ответственности, хотя бы чисто формально, за убийство Гияс-ад-дином раба этого Султан-Али.³⁵

В Мешхеде у Восифи был другой друг — известный каллиграф ходжа Насир, специализировавшийся в области почерка талик.³⁶ Он жил в медресе, и Восифи останавливался у него. Уже этих двух обстоятельств было бы достаточно, чтобы сделать заключение о том, что каллиграфия — переписка документов и рукописей, являлась профессией ходжа Насира. Однако далее идет и прямое указание — ходжа

Насир, перед переселением в Мешхед, служил так сказать, штатным библиотекарем у Фаридуна, одного из второстепенных по значению сыновей Султан-Хусейна. Восифи, в то время также состоявший при Фаридуне, составил текст грамоты пожалования ходжа Насиру должности библиотекаря.³⁷ Очевидно, Восифи входил в окружение Фаридуна также в качестве специалиста по “письменной части”.

В этой же связи необходимо упомянуть о другом Гератском юноше, по имени Мирза Байрам. Мирза Байрам не родственник Восифи, но весьма близкий его друг; он и Восифи в течение нескольких лет учились вместе в медресе.³⁸ Мирза Байрам [325] был каллиграфом и музыкантом, но основной его специальностью являлась бухгалтерия. Его знания в этой области доставили ему место финансового чиновника при Рукайат-бегим, престарелой вдове султана Абу-Саида.

Мирза Байраму, так же как Гияс-ад-дину, в мемуарах дана отдельная характеристика. Она, как и весь последующий рассказ о Мирза Байраме, сообщена на том же маджлисе Кельди Мухаммада и следует за рассказом о Гияс-ад-дине. Вот эта характеристика:

“Во времена Султан-Хусейна в Хорасане был юноша по имени Мирза Байрам, совершенство красоты, остроумия и красноречия, хотя и хулиган (гульхани).

В обществе, где он присутствовал, никто не хотел обращать внимания на других известных хорасанских юношей, декламируя по этому случаю стих:

“Там, где ты — нет дела до других!”

Он так писал веема семью каллиграфическими почерками, то не было ему соперника во всех семи климатах, а на гусях (канун) играл так, что гусярка-Венера от зависти кидала свои гусли на землю. Ходжа Абдулла Марварид, который не имел себе равного в этом искусс-

ве,³⁹ частенько говаривал, целуя ему руки и прикладывая их к глазам: “Никогда не видел я и даже вообразить не мог никого столь способного к этим двум искусствам, как этот юноша”.

Кроме того, [Мирза Байрам] знал науку бухгалтерского счета (и благодаря этому сделался главным финансовым чиновником при Рукайат-бегим, которая была одной из жен Абу Сайда).”⁴⁰

Таким образом, мы имеем возможность составить себе довольно ясное представление о круге, в котором Восифи вырос, и о людях, его непосредственно окружавших: это прежде всего горожане, люди, получившие прекрасное образование, применявшие свои знания в качестве своих профессиональных занятий, мелкие собственники. Это — поэты, чтецы, каллиграфы — горожане, чиновники, Гератская интеллигенция среднего достатка. [326]

Самое раннее сведение о жизни Восифи относится к тому времени, когда Восифи было 10—11 л., т. е. к 901 г. х. (1495/6). Это рассказ⁴¹ о том, как Мирза Байрам подводит под смертную казнь маддаха Хасана Али. Эпизод датируется последующим указанием на то, что событие имело место за пятнадцать лет до захвата Герата шахом Исмаилом Сефевии, что, как известно, произошло в 916 г. х. (1510).

В 901 г. х. (1495/6) Восифи выступает только как спутник и неразлучный товарищ Мирза Байрама. Они были знакомы до того уже не менее года.⁴² Мирза Байрам был, вероятно, старше Восифи, так как ранее он выполнял обязанности финансового чиновника Рукайат-бегим и, потерпев неудачу на этом поприще, всецело занялся образованием. Это особенно сблизило приятелей, которые с тех пор не разлучались. Последнее может служить косвенным указанием на то, что Восифи уже в это время также посещал мактаб (медресе?).

Через два года, в 903 г. х. (1497), в Герате разыгралась трагическая история гибели Мухаммад-Мумина, внука Султан-Хусейна.⁴³

Восифи дает очень интересное описание этих событий и последующей казни Низам-аль-мулька, его сыновей и приверженцев. При казни Низам-аль-мулька Восифи присутствовал лично, попав во внутрь цитадели вместе со своим отцом. Приводим это описание в переводе, замененном в некоторых менее существенных местах простым пересказом.

**“Повествование о ходжа Низам-аль-мульке Хавафи,
который был везиром Султан-Хусейна в области
Хорасан.”⁴⁴**

“Однажды в саду Шахрухий к услужению султана [Кельди Мухаммада], собралось некоторое количество поэтов и просвещенных людей. Его высочество обратился ко мне: “У [327] Султан-Хусейна был везир, которого называли Низам-аль-мульк. Известно, что в саду везирства никогда не выросло подобного ему кипариса и что на коврике эмирства никогда не восседало подобного ему вельможи. Он возводил свое происхождение к сотоварищам [пророка], да будут они все в садах Аллаха, и к роду Аббаса. Он составил [соответствующую] родословную, и все вельможи, знатные и простые люди Хорасана поставили свою подпись [в знак подтверждения] на этой родословной. Он послал эту родословную маулана Нур-ад-дин Абд-ар-рахману Джамии, но его светлость отказался поставить свою подпись на родословной.

Ходжа Низам-аль-мульк сам направился к его светлости [Джами] и весьма его упрашивал. Его светлость для шутки сочинил четверостишие с тем, чтобы написать его на родословной:

“Тому, на ком почиет свет Пророка,
Нет нужды в длине и ширине родословной.
Тому, из кого не исходит сей праведный свет,
Родословная не даст ничего кроме проклятий!”

Далее Кельди-Мухаммад сообщает рассказ о том, как Султан-Хусейн похвастался перед придворными новым рубином своей сокровищницы, “весом в восемь хорасанских менов” и, указывая на вошедшего в это время Низам-аль-мулька сказал: “Вот рубин, о котором я говорю”.

Камаль-ад-дин Хусейна, старшего сына Низам-аль-мулька, Султан-Хусейн называл своим левым глазом. Камаль-ад-дин был недурным поэтом и прославленным знатоком поэтического искусства. Далее приводим перевод рассказа самого Восифи.

“Причина гибели этих людей, т. е. Низам-аль-мулька с двумя сыновьями и Имад-аль-ислама и Низам-ад-дина Курд племянника Низам-аль-мулька и ходжа Абд-аль-азиза и ходжа Махмудшаха Фарахи, была такова: Мухаммад Мумин-мирза, внук Султан-Хусейна и сын Бади-аззамана, был правителем в Астрабаде. Султан-Хусейн по наущению Хадиджа-бегим отдал правление Астрабада Музаффар-Хусейну, сыну Хадиджа-бегим. Когда Музаффар-Хусейн повел войска к Астрабаду, Мухаммад-Мумин выступил против него и был взят в плен. Вот стих, который он тогда сказал: **[328]**

“Я тот, меч которого освободил от львов много лесов! Судьба не помогла, о друзья, враг победил ⁴⁵ (“стал музаффаром”).”

В то время Султан-Хусейн стоял лагерем на берегу Мургаба. Музаффар-Хусейн отправил Мухаммад-Мумина в Герат. Когда весть [о прибытии Мухаммад-Мумана] достигла (Герата), жители Герата, мужчины и женщины, все без различия (“белые и черные”), старые и молодые вышли ему навстречу к Пули Салар, что в четырех фарсах от Герата. ⁴⁶ Было решено заключить Мухаммад-Мумина в крепость Ихтияр-ад-дин. Комендантом крепости был бий Бий-Муhibб Джанги ⁴⁷. Султан-Хусейну донесли о стечении гератского народа. Он спросил совета у Низам-аль-мулька: “Люди Герата волнуются. Что делать?”

Ходжа ответил:

“Лучше, если войско непокорного рассеяно,
Лучше, если потрясатель царства обезглавлен!”

Султан-Хусейн в пьяном виде приказал написать бию Бий-Джанги указ (маншур); при получении указа надлежало без всякого промедления отправить Мухаммад-Мумина в дом небытия посредством тетивы лука (т. е. посредством удушения).

Указ пришел в полночь. Комендант передал приказ исполнителю дела. На утро слух [о казни] распространился по городу. Настало светопреставление. Весь город, мужчины и женщины, облекся в траур. В саду Нук, который находится около сада Заган, устроили та'зият (траурное сборище). Поэты Хорасана приступали к [декламированию] стихотворений на смерть (марсие). Гульхани Астрабади, глава поэтов того времени, следующие стихи которого получила всеобщую известность:

“Снова оживился базар тирании

От неверного, который сделал мучеником Мумина веры:

Тогда пришел Язид и порешил Хусейна,

Ныне пришел Хусейн ⁴⁸ и сделал дело Язида!” [329]

прислонился к огромной, стоявшей в середане сада сосне (кипарис?), в тени которой сидела тысяча человек. Вокруг него столпились поэты. Один известный поэт, Гавваси, написал марсие и засунул ее в чалму.

Гульхани сказал: “Ей, Гавваси, вытащи-ка из головы трубу, ⁴⁹ что ты там засунул наподобие трубы Исфафила и протруби!”

Гавваси тотчас же вытащил стихотворение [и стал читать]. Первый стих был такой:

“О сердце, увы, от вращения неверного свода,
Не одно увы, а каждый миг тысяча увы!”

Едва прочел он этот бейт, как Гульхани, подражая ему, продекларировал:... ⁵⁰ и дальше стал говорить такие стиха, что, несмотря на тот сжигающий душу траур, люди от хохота валилась на землю.”

Расправившись с конкурентом, Гульхани выступает с собственным двустишием (матла) на смерть Муммина. Оно получает общее одобрение, однако:

“Мне ⁵¹ было в то время тринадцать лет. Я сказал моему родственнику маулана Амани: “Что это за глупое двустишие?”

Он сказал: “Молчи ты, а то он опозорит тебя на весь мир!”

Тот поэтишка подошел и сказал: “Маулана Амани, что говорит этот мальчишка?”

Амани отвечал: “Он восхваляет ваше двустишие и говорит, до чего хорошо оно [вам] удалось”.

Гульхани сказал: “Что смыслит он в прелести моего двустишия?”

Я встал на колени и сказал: “Если я не понимаю прелесть вашего стиха, то зато я понимаю гнусность вашего стиха!”

Далее Восифи, обращаясь ко всем окружающим, несколькими остроумными доводами изобличает недостатки стиха Гульхани.

Остается пожалеть, что Восифи, как и во многих других случаях, искусно приводит рассказ к самопрославлению и не [330] дает других подробностей этого траурного всенародного собрания в саду.

Привожу перевод дальнейшей части рассказа:

“После этого страшного случая с Мухаммад-Мумином, Султан-Хусейн затаил к Низам-аль-мульку вражду и [однажды] ⁵² захватил его со всеми близкими ему людьми и отправил его в Герат, в крепость Ихтиар-ад-дин. Через месяц Абд-ль-халику, сыну эмира Фирузшаха, пришел приказ отрубить в крепости голову двум сыновьям Низам-аль-мулька, содрать с них кожу и набить соломой, а с самого Низам-аль-мулька содрать кожу на мосту ворот [крепости], с Низам-ад-дина Курда и с ходжа Абд-аль-азиза содрать кожу у подножия крепости, а с ходжа Имад-аль-ислама содрать кожу на базаре Малик, а с ходжа Махмудшаха Фарахи содрать кожу на Чарсу.

В тот день, когда пришел этот приказ, я был вместе с отцом внутри крепости. Утром, когда ходжа Нязам-аль-мульк совершал утренний намаз, ему передали указ. Он прочел и, обратив лицо к небу, вздохнул так, что от жалости сотряслась крепость. Он позвал сыновей и показал им указ. Они прочли и оба упали без чувств и обезумели. Ходжа Низам-аль-мульк сказал: “Дорогие, вспомните об эмире правоверных и семидесяти двух с ним убиенных и претерпите ⁵³”!

Старший брат говорил: “Ради бога, убейте меня первым, ибо я не могу видеть убиение моего брата!”

А младший брат плакал и говорил: “Вы старший и не можете этого вынести, как же вынесу я!”

Они бросились друг другу в объятья и не отпускали друг друга. В конце концов их убили, набили кожу соломой и повесили [чучела] на воротах Малик.

Известно, что сын ходжа Афзаля, ⁵⁴ их враг, был до крайности уродлив. Верхом на лошади разъезжал он взад и вперед под воротами, смотря на трупы. А сын сказителя (гуянда) Шади, ⁵⁵ один из остроумцев Хорасана, бывшей при этом, **[331]** сказал: “Чего ты смотришь? Хотя они и набиты соломой, все же лучше тебя!”

“О друг, проходя у смертного ложа врага.

Не радуйся, ибо тебя постигнет тоже!”

Однако народ крайне не сочувствовал казни ходжа Махмудшаха Фарахи и очень порицал Султан-Хусейна, ибо не было ему равного во всей общине пророка по щедрости и благородству”.

Далее следует два рассказа, иллюстрирующие эти качества ходжа Махмудшаха. Один касается приема Махмудшахом проезжавшего через Фарах Бади-аз-замана, другой — приема им же Восифи, направлявшегося в Сеистан.

В описании гибели Мухаммад-Мумина в мемуарах Восифи и в летописи Хондемира ясно сказывается разница точек зрения двух авторов, всецело обусловленная разницею их общественного положения. Описание Восифи начинается рассказом о внутренних интригах в царском доме, предшествовавших пленению Мухаммад-Мумина. Эти све-

дения изложены гораздо менее подробно и проще, чем у Хондемира. Восифи дает только основные факты, видимо только те, которые были хорошо известны в городе, в кругах населения, не имевшего прямого касательства к придворным сферам. Так, ничего не говорится о походе Бади-аз-замана в Гисар, о назначении его в Балх, о том, что оставленный отцом в Астрабаде, Мухаммад-Мумин “против его (Бади-аз-замана) ожиданий” не был утвержден правителем в Астрабаде. Обо всем этом Восифи имел самое туманное представление или не считал нужным об этом говорить. Восифи сообщает только одно: “Мухаммад-Мумин был назначен правителем в Астрабад”.

Окончив краткое изложение хода дворцовой интриги, Восифи приводит совершенно отсутствующее у Хондемира описание того, как восприняло население Герата арест и заключение Мухаммад-Мумина. Народное негодование и демонстративное выражение симпатий Мухаммад-Мумину достигло такой степени, что пришлось об этом донести Султан-Хусейну, стоявшему с войском на Мургабе. В такой обстановке Низам-аль-мульку не стоило большого труда убедить Султан-Хусейна в необходимости устранить Мухаммад-Мумина. Казнь его вызвала новую [332] волну негодования. В одном из городских садов устраивается траурное собрание (тазийе) при громадном стечении народа. На этом собрании выступают гератские поэты, со стихотворениями, посвященными смерти царевича (марсие). Одно из этих стихотворений (поэта Гульхани), приведенное, к сожалению, лишь частично, поражает резким и решительным тоном нападок на личность Султан-Хусейна ⁵⁶. Он назван неверным, тираном, его преступление сравнивается с преступлением Язида, убившего Хусейна. Быть может, последнее обстоятельство позволяет сделать предположение, что отмеченные выше симпатии к Мухаммад-Мумину были симпатиями шиитски настроенной

части гератского населения; в таком случае, Мухаммад-Мумин должен был зарекомендовать себя шиитом, в противоположность склонявшемуся к суннитству Султан-Хусейну.⁵⁷

Несмотря на резкость нападок в упомянутом марсие, волнения, вызванные смертью Мухаммад-Мумина в том виде, как они описаны у Восифи, носят очень безобидный⁵⁸ характер. Это особенно хорошо показывает маленькая, но крайне характерная черта: гомерический смех собравшихся, вызванный непристойной перебранкой поэтов, “несмотря на тот сжигающий душу траур”.⁵⁹

Описание жестокой казни Низам-аль-мулька полностью подтверждает высказанное В. В. Бартольдом предположение,⁶⁰ что связанные с Низам-аль-мульком Низам-ад-дин-Курд, Абд-аль-Азиз и ходжа Фарахи были также казнены. Восифи прибавляет к ним еще ходжа Имад-аль-ислама.

Восифи было во время этой казни 13—14 лет. Согласно косвенному и мало достоверному указанию, через год он уже подвизался в частном доме одного ремесленника в качестве проповедника (ваиз) и вызвал восхищение своим искусным подражанием проповедническим приемам Хусейн-Ваиза Кашифи. [333]

То, что Восифи было во время этого выступления 15 лет, вытекает из слов его почитателя, приведенных ниже (стр. 346).

Ниже⁶¹ приведены текст и перевод другой, произнесенной в 1510—1511 г., вероятно аналогичной, проповеди Восифи в частном доме. В мемуарах есть несколько указаний на то, что Восифи в искусстве проповеди являлся учеником Хусейн-Ваиза Кашифи и два раза приводится отзыв Хусейн-Ваиза о нем:⁶² “Между ним и мной та разница, что он сладкогласен! а я нет”. Однако нет никаких сведений о том, в какое время Восифи общался с Хусейн-Ваизом и в какой обстановке.

Так же не датировано и не поддается датировке сведение о близости Восифи к Сафи-ад-дин Али, сыну Хусейн-Ваиза Кашифи, приведенное в мемуарах.⁶³ Рассказ начинается с того, что однажды после пятничного намаза Сафи-ад-дин прогуливался у соборной мечети в обществе друзей, среди которых был и Восифи. Некий юноша попросил у Сафи-ад-дина разговора с глазу на глаз. Сафи-ад-дин удалил всех своих спутников, за исключением Восифи, объясняя это своим особым доверием к нему. Таким образом, отношения Восифи к Сафи-ад-дину являлись отношениями приближенного к вельможе.

В 16 лет, т. е. в 906 г. (1500—1501), Восифи, по собственному указанию,⁶⁴ окончил изучение корана и приступил к изучению наук, т. е., как увидим ниже, грамматики.

Это деление учебной программы соответствовало, вероятно, переходу из начальной школы в медресе.

Тогда же происходит первая и единственная встреча Восифи с Алишером Навои, подробный рассказ о которой приведен в мемуарах.⁶⁵

Из рассказа явствует, что Восифи к 16 годам самостоятельно изучил технику муамма, поэтическое искусство [334] и искусство декламации-чтения. Его умение разгадывать муамма заслужило одобрение самого Алишера Навои.

В 16 же лет, в 906 г. х., Восифи поступает домашним учителем к сыну видного эмира Шахвали.⁶⁶ Поступление датируется опять-таки косвенно и совершенно так же, как в упомянутом случае с выступлением Восифи в качестве проповедника в доме ремесленника: по ходу рассказа действующее лицо говорит о том, что такое-то событие (т. е. выступление в доме ремесленника и поступление в качестве учителя соответственно) произошло “семь лет тому назад”. Одинаковое число

семь и в том и в другом случае дает возможность подозревать риторический прием. Если же число семь соответствует действительности, то Восифи с 906 г. х. по 913 г. х., т. е. до захвата Герата Шейбани-ханом, был учителем сына Шахвали, ⁶⁷ продолжая свои занятия в медресе. Занятия в медресе и одновременные обязанности домашнего учителя не мешают Восифи предпринять вместе со своим двоюродным братом Гияс-ад-диниом путешествие в Мешхед, Джам и Кусур. Рассказ об этом путешествии занимает первую часть гл. 31 мемуаров. ⁶⁸ Приводим сжатый пересказ этой части.

Гияс-ад-дин отправляется вместе с Восифи на поклонение в Мешхед. Паломничество было только предлогом, на самом деле путешествие вызвано стремлением к приключениям. В Мешхеде, во время омовения в соборной мечети, Гияс-ад-дан подвергается оскорблениям и нападкам со стороны группы шиитов. Восифи едва удается увести готового вступить с нами в драку Гияс-ад-дина. Друзья направляются к приятелю Восифи — ходжа Насиру, который “проживал в Мешхеде” в медресе Эмирвали-бека. Этот ходжа Насир был чрезвычайно искусным писцом, особенно отличавшимся в писании почерком талик. В свое время Восифи вместе с ним состоял при Фаридуне, ⁶⁹ который назначил Насира на должность хранителя своей библиотеки. [335]

Текст грамоты (маншур) на заведывание библиотекой, как уже было упомянуто, был составлен Восифи. Рукописи приводят тут же маншур целиком. ⁷⁰

В доме ходжа Насира заходит речь о нападках, которым только что подверглись в мечети Гияс-ад-дан и Восифи. По этому поводу хозяин замечает следующее: “Эта область только теперь стала такой, по причине владычества и управления Султан-Хусейна, да продлится царство его! А то в старые времена суннитам здесь вообще нельзя бы-

ло появиться!” Вслед за тем ходжа Насир рассказывает следующий эпизод: некто сеистанец прибыл в Мешхед и случайно попал на собрание местных шнитов. Собрание происходило 10 мухаррема. “Глава шиитов сидел на диване, свесив усы”. ⁷¹

После трапезы глава шиитов сказал: “Принесите-ка того невежу и злодея”! Внесли изображение из дерева, в виде фигуры старика, и сказали: “Это Абу Бекр.”

Глава шиитов обратился к нему со словами: “И не совестно тебе, и не помешал тебе стыд несправедливо отнять у Али ему по праву принадлежавшее халифство”!

Державший фигуру опустил ее головой книзу, что мол, виноват, согрешил. Тогда глава шиитов приказал расколотить фигуру палками и принести другое изображение”.

Второму изображению — это был Омар — было также предъявлено свое обвинение; изображение подверглось той же участи. За ним последовал Осман, после него — сам Али; которому инкриминировалось то, что он позволил врагам победить себя. После Али была принесена фигура самого Аллаха. Аллах, обвиненный в попустительстве врагам Али, был бы, несомненно, также разбит на куски, но тут сеистанец не выдержал, схватил фигуру, разбил камнем голову старшего шиита и бросился бежать. Преследуемый шиитами, он спасся в доме “в котором по случайности были сунниты”.

Вслед за ходжа Насиром каждый из присутствующих выступает с каким-либо рассказом, порочащим шиитов. Этих коротких рассказов-анекдотов приводится три — первые **[336]** два говорят об ильхане Худабенде, перешедшем из шиитства в суннитство.

После вечернего барабана (накаре) Гияс-ад-дин и Восифи направляются в баню. По этому случаю ходжа Насир заявляет: “Лучшие

бани мира — мешхедские бани, а лучшая баня Мешхеда — баня Халиль. Маулана Султан-Али Мешхеда ⁷² крупным почерком написал кыте и четверостишие и прикрепил их на стену бани; он сам говорил, что из-под его пера никогда не выходило подобной кыте и подобного четверостишия. Вот они:

Кыте

“Пространство бани подобно раю,
Хотя строение ее из глины и кирпича,
Красиволикие в ней точно гурии,
Их пояса полны райскими гостинцами”.

Четверостишие

“Чтобы ходила луна моя постоянно в баню,
Глаз мой стал ведерком (шайкой), а бровь — его ручкой,
Глаз мой, служа сему чигильскому турку,
Стал мальчиком-индийцем, подвязавшим белый набедренник”.

Гияс-ад-дин и Восифи, насладившись зрелищем этих образцов каллиграфического искусства, входят в баню и здесь разыгрывается первый эпизод, всего авантюристического в дальнейшей части, рассказа. В бане появляется местный житель — шиит; узнав в чужестранниках хорасанцев (т. е. суннитов), он [337] осыпает их изощренными ругательствами. Гияс-ад-дин сталкивает его в чан (хумё) с горячей водой. Друзья пытаются бежать но их ловят и, крепко избив, приводят к правителю (даруге) Мешхеда — Мирали Карбасфуруш. Во время следствия правителю сообщают, что “сыновья эмира Тенгри-берди Суюнджа, сыновья эмира Халиля и большинство эмирских детей собрались у

базара, готовясь ехать на туй в сад Дальпазир и ожидают вас”. Правитель немедленно прекращает следствие и уезжает. Пленников заперли под охраной двух сторожей. Это недалекие грубые шииты, которых Гияс-ад-дин, ловко обманув, убивает. Пленники спасаются бегством. Через несколько дней они пристают к нишапурскому каравану. Неумеренные ухаживания Гияс-ад-дина за женщиной, ехавшей в караване на осле, привели к столкновению с ее мужем, и друзья, после страшного избиения, снова предстали в качестве обвиняемых перед представителем власти, на этот раз перед правителем Джама. Их запирают в доме правителя, однако ночью Гияс-ад-дин ухитряется сбросить цепи и выйти в сад. Спрятавшись в саду, друзья подслушивают разговор служанки и слуги, через посредство которых Мир Курейш, сосед правителя и жена правителя — его возлюбленная, готовили очередное свидание. Воспользовавшись этим, Гияс-ад-дин проникает к жене правителя вместо Мир Курейша, с успехом заменяя его, но через некоторое время появляется Мир Курейш, а затем и сам правитель. Гияс-ад-дин и Восифи благополучно бегут и попадают в “Кусур — местечко, находящееся в 15 фарсах от Герата”. Там находят они пристанище в доме Султан-Али, сладкогласного чтеца и друга Восифи. Страсть к приключениям и здесь не оставляет Гияс-ад-дина: едва водворившись в саду, он насилует служанку и убивает ножом прибежавшего на крик мужа — раба гебра. Хозяин проявляет крайнее благородство в отношении гостей (“неверный раб лишь понес заслуженное наказание”) и даже отказывается от тех двухсот хани, которые Гияс-ад-дин предлагает ему за убитого раба как возмещение убытков.

Однако Султан Али со своими гостями должен предстать перед местным правителем для уплаты штрафа за убитого раба (даруге присылает за ними нарочного). Встреча приводит к знакомству, и ночь дру-

зья уже проводят [338] на пиру в доме правителя. Ночные проделки Гияс-ад-дина после этого пира (они не могут быть здесь пересказаны в виду их непристойности) приводят к скандалу во всем доме. Невинного человека — парикмахера жестоко избивают палками, а истинный виновник Гияс-ад-дин выходит сухим из воды. Друзья, не только не наказанные, но богато одаренные, с почетом возвращаются в Герат.

Убийства, драки, побеги и непристойные похождения составляют предмет всего очень красочного повествования. Следует думать, что в этом повествовании мы имеем не столько описание действительных событий, сколько образец авантюрной бытовой новеллы, продолжающей очень старую традицию художественной прозы на арабском и персидском языках, традицию так назыв. макама. Однако тот факт, что Восифи поставил в качестве героев такой новеллы не вымышленные лица, а себя и своего родственника и друга, показывает, что фигура городского смутьяна и безобразника являлась в представлении известной части Гератской молодежи примером, достойным подражания, своего рода героем времени. ⁷³

К этому же периоду жизни Восифи должны относиться и приводимые в мемуарах, не датированные данные о пребывании его при дворе Фаридун-Хусейна, ⁷⁴ одного из младших сыновей Султан-Хусейна. Первое из этих данных находится в уже опубликованной мною в переводе автохарактеристики Восифи; ⁷⁵ в ней сказано, что “однажды Фаридун-Хусейн в саду Заган приказал бросить его в хауз, связав ему руки и ноги и уподобив его шару” ⁷⁶. [339]

Другое упоминание приведено выше, в связи с приятелем Восифи, каллиграфом ходжа Насиром, бывшим библиотекарем Фаридуна. Восифи составил текст грамоты (маншур) пожалования Насиру должности библиотекаря (см. приложения).

Возвращаясь к биографии Восифи, приходим к 913 г. х. (1507/08). В этом году, Как известно, имел место захват Герата Шейбани-ханом и крушение власти дома Тимура в Хорасане. Восифи находился тогда в Герате и был очевидцем этих событий. В это время ему было 23 года. Восифи повествует о двух важных в его жизни событиях, падающих на 913 г. х. Одно из них — приводимое ниже в полном переводе — это укрывание сокровищ эмира Шахвали и жены Музаффар-Хусейна (последние также называются сокровищами Хадиджа-бегим). Другое — написание, повидимому, самого выдающегося его поэтического произведения, так называемой “Удивительной Пятерицы” (“Хамсеи Мухайаре”).⁷⁷ Кроме того, Восифи в это же время был студентом в медресе Шахруха, “которое находится у подножия цитадели Герата”⁷⁸ и слушал лекции маулана Исам-ад-дин Ибрахима. Об этом мударрисе сказано, что он был назначен на должность Шейбани-ханом, когда последний завоевал Хорасан (т. е. Герат). Вызванная большим обличительным стихотворением Восифи ссора студентов-слушателей Исам-ад-дина приводит его к столкновению с Исам-ад-дином. Столкновение кончается общим примирением благодаря посредничеству Ахмада Бадахши, ученика Исам-ад-дина.

Связанные с укрыванием сокровищ приключения Восифи разыгрались в течение первых двух-трех недель непосредственно вслед за приходом узбеков в Герат и окончились, по свидетельству Восифи, бегством его в Сеистан. Таким образом, написание “Удивительной Пятерицы”, о котором точно сказано, что оно имело место в 913 г. х. (1507/08) и в самом Герате, должно было произойти после бегства Восифи из Герата в Сеистан и возвращения в Герат; следовательно, возвращение (о котором в мемуарах нигде ничего не сказано) должно было быть непременно в том же 913 г. х. **[340]** Восифи, по собственно-

му свидетельству, бежал, спасаясь от узбеков, которые гнались за ним по пятам, устраивая на него облаву по Гератским кварталам, разгромив его дом в поисках зарытых богатств и лавку его родственника, поэта Амани, где Восифи перед тем скрывался. Прэдвидя эти события, Восифи озаботился спрятать все свое имущество у родственников. Узбеки искали его, как единственное лицо, знавшее о местонахождении спрятанных сокровищ Хадиджа-бегим. Восифи мог вернуться в том же году в тот же Герат, где властвовали те же узбеки, и, по собственному свидетельству спокойно продолжать посещение медресе, открыто заниматься литературной деятельностью, имеющей широкую огласку, только в том случае, если он, войдя в сношение с узбеками, в конце-концов выдал им спрятанные сокровища.

Возможно, впрочем, что участие самого Восифи в этом укрывании является вымыслом. Женитьба Шейбани-хана на жене Музаффар-Хусейна действительно имела место ⁷⁹ и, тем самым, основа рассказа Восифи исторически верна. Эта женитьба могла иметь все те последствия о которых так красочно и правдоподобно рассказывает Восифи. Именно эта красочность, это богатство самыми живыми подробностями и свидетельствует о том, что скорее всего здесь мы имеем дело с литературной обработкой (в жанре той же упоминавшейся выше бытовой новеллы) каких-то действительных событий, о которых автор имел превосходное представление.

Автор обработки включил себя в качестве действующего лица — героя по причинам вполне понятным: обработка происходила гораздо позже, в Средней Азии, при дворе мелкого узбекского князя, где основным ресурсом эмигранта Восифи была его причастность к былому блеску гератского культурного круга. ⁸⁰

Значение, которое Восифи придавал изображению себя самого в виде героя самых невероятных авантурных походов, достаточно хорошо документируется тремя большими новеллами, включенными в мемуары: 1) поход в Мешхеде и Кусуре вместе с Гияс-ад-дином еще во время правления [341] Султан-Хусейна; 2) походы в Герате вместе с тем же Гияс-ад-дином при Шейбани-хане и 3) походы в Герате и Нишапуре во время Исмаила Сефеви.

Все три новеллы иллюстрируют деятельность Восифи в определенном, излюбленном его современниками, жанре. Примечательно, что действие всех трех новелл разыгрывается в трех разных следовавших друг за другом исторических периодах. Три исторических периода являются, таким образом, как бы тремя разными декорациями, на фоне которых разыгрываются авантурные приключения одного и того же действующего лица, в данном случае — автора. Не следует ли предположить, что эта смена трех декораций является нарочитым и очень искусным художественно-конструктивным приемом? В таком случае, все три новеллы построены по единому, заранее разработанному плану, в основе их лежит единый художественный замысел.

Приводим перевод соответствующего рассказа о приключениях Восифи и Гияс-ад-дина при выступлении узбеков в Герат.⁸¹ За переводом следуют некоторые замечания обобщающего характера.

“В 913 г. х., в день ашуре (май 1507 г. х. э.), в доме эмира Шахвали, кукальташа (молочного брата) Хадиджа-бегим, происходила беседа. А во всем джагатайском роду и в семье Султан-Хусейна не было никого равного ему по величию, самостоятельности и значению. Султан-Хусейн говаривал: — “Законные (?) дети кукальташа более приятны мне, чем мои собственные дети”.

Все великие эмиры подчинялись ему и рассчитывали на его милости. [342]

То была беседа, равной которой никто не видал под голубым куполом неба. ⁸² Эмир Шахвали как раз возгласил стих:

“[Вот] и кубок вина и красивый лик —

Если сам Джамшид придет, скажи ему: войди!”

как вдруг в дверь вошел кто-то и сказал: “О эмир, что за беспечность?! Вставайте, бегите, если можете! Хадиджа-бегим получила известие, что шахи Бади-аз-заман и Музаффар мирза устроили на летовке Чильдухтаран пиршество; едва устроители пира принялись за изготовление и украшение его, как пришло известие, что подходит Шейбек-хан, выступивший из Несефа, то-есть Карши, ускоренным маршем.

Эмир Зуннун Аргун (который был полководцем и витязем той династии), выехал в караул с десятью тысячами всадников, полностью снаряженных, вооруженных шемширами, храбрых, в день сражения в искании славы предпочитавших жизни смерть. Они сошлись [с войсками Шейбани] в местечке Тарнаб в одном фарсах от Чильдухтаран. Войско Шейбек-хана смело людей Зуннун Аргуна подобно потоку, смывающему мусор. Его самого спешили, убили и голову его вздели на копье. Шахи, ⁸³ услышав об этом, в беспорядке бежали, и Шейбани-хан достиг окрестностей Герата во главе пятидесятитысячного войска!”.

Эмир Шахвали, совершенно пьяный, вскипел, услышав эти слова. В гневе закричал он: “О злоязычный сводник, о безобразный клеветник, что за скверные известия принес ты, расстроив наше собрание?! Откуда взять узбеку Шейбеку силу напасть на нас и на наших шахов?”

Он выхватил шемшир, намереваясь поразить вестника. Я и некоторые другие, пользовавшиеся большей свободой в обращении с ним, сказали:

“В гневе быстро схватиться за меч
[Значит потом] кусать руки сожаления!”

Соизвольте немного обождать! Если выяснится, что лжет он, убить его всегда до крайности легко!

Не успели мы произнести эти слова, как с улицы раздался шум скачущих коней такой силы что ты сказал бы, что **[343]** истинно грозность часа будет великое событие” ⁸⁴ и что потолок неба обрушился от силы, “когда раздастся звук трубы”. ⁸⁵ Во мгновение ока ⁸⁶ из тысячи человек, присутствовавших на том маджлисе, не осталось никого кроме меня, Гияс-ад-дина Мухаммада, эмира Шахвали и его семьи. Мы с Гияс-ад-дином заперли ворота. Эмир Шахвали уцепился за мой подол и, плача, говорил: “О господин, вот уже семь лет вы мой наставник и руководитель” ⁸⁷ и я не жалел для вас золота и драгоценных камней. Несмотря на строптивый мой характер, не дававший мне склонять голову перед царями, в отношении вас выказывал я послушание и покорность, а сын мой, который ваш ученик и которому столько раз говорил я, что, как сказал эмир правоверных Али, “истинно мы рабы того, кто обучил нас букве” — этот сын мой сын вашего раба. Мы ждем от вас помощи в этом страшном событии. Не оставьте нас, вы и брат ваш Гияс-ад-дин Мухаммад! Если мы выберемся живыми из этой пучины, то вымолим у вас себе прощение, ⁸⁸ а если нет, то вас вознаградит господь!”

Я подумал: “Велик бог, который ввел в плачевное состояние - такого гордеца! Однажды один человек совершил убийство и спрятался

в его доме. Султан-Хусейн три раза посылал ему приказания: “Выдай мне убийцу, я произведу расследование”, а он ответил ему: “Я сам произвел расследование, нет за ним вины!” А теперь он, согласно изречения “утопающий хватается за всякую травинку”, столь жалко умоляет меня, ничтожнейшего из рабов Аллаха, о спасении!”

Сын, жена и две дочери его, подобных которым в изяществе и красоте не было в обитаемой четверти света, присоединились к нему и, схватив меня и Гияс-ад-дина за полы, подняли такой вопль и плач, что ангелы небесные проливали по ним кровавые слезы из глаз звезд. Собралось здесь и десять служанок дома. Принесли коран и мы поклялись на нем, что по доброй воле их не покинем. [344]

Я сказал: “Нужно забрать столько из ваших наличных денег и драгоценностей, сколько можно унести”.

Мы вошли в сокровищницу. Там было десять сундуков, мы их открыли. Пять сундуков были полны серебряными монетами (тенге), два — золотыми (ашрафи), один — драгоценными рукоятками ножей, кинжалов и шемширов. В двух остальных были лалы, изумруды, яхонты и жемчуг.

Я сказал: “Бессмысленно брать что-либо кроме драгоценных камней”.

Мы опорожнили мешечки с тенге и набили их драгоценными камнями, а в оставшиеся мешки положили ашрафи, драгоценные рукоятки и камни. Затем все, кто там были, мужчины и женщины, взяли мешечки, кто сколько мог и завязали в пояса.

Я сказал: “Если мы сейчас выйдем из дома, то не сможем: попасть вовнутрь города ⁸⁹. Надо подождать”.

Мы с Гияс-ад-дин Мухаммадом засыпали ворота до половины. После вечернего намаза, когда девы Большой Медведицы, наполнив ме-

шок неба драгоценными камнями и хрусталем: звезд, подвязали его вокруг пояса, мы влезли на крышу соседнего дома и вышли на улицу через его ворота. К пятому намазу добрались мы до ворот Малик. Привратник был знаком, он открыл ворота и мы вошли в город. Эмир Шахвали сказал: “Итти в наш дом или в дом наших родственников никак не следует. Хотя то же самое можно сказать и про ваш дом, однако вы весьма приближены к шейх-аль-исламу и другим вельможам, поэтому [наиболее] безопасным представляется ваш дом”.

Мы направились к моему дому и достигли его, когда миновали уже две стражи ночи. Я ввел гостей в михманхане. Мы уложили мешки [с золотом и драгоценностями] в котел, чрезвычайно больших размеров. Затем мы с Гияс-ад-дином закопали его в землю, таким образом, что если бы, например, узбекское войско и знало, что в этом доме закопан клад, все равно, не сумело бы его обнаружить.

Эмир Шахвали сказал: “Нам оставаться в этом доме не следует”. Я стал думать и мысленно насчитал двенадцать **[345]** таких друзей, которые всегда хвалились своей истинной дружбой и говорили:

“Не считай другом того, кто в счастье
Хвалился дружбой и братскими чувствами.
Другом называю того, кто подает другу руку
В смятении и печали.

Я к ним направился. Одни отворачивали лицо, другие говорили, извиняясь: “Вам бы мы дали место в собственном зрачке, но пустить тех, о которых вы говорите, это значит навлечь на всю улицу и квартал плен и разграбление”.

Возвращаясь обратно, проходил я под балахане, где сидело общество, повидимому, за питьем вина. Один из участников говорил: “Эмир Мухаммад-Салих сказал о джагатаях хорошее четверостишие”. Затем он это четверостишие прочел:

“Бедный джагатай, для которого день — ночь,
Обстоятельства его расстроены, а день его черен.
Гордый, на лице земли не уместился,
Теперь для него [даже] желтые цветы ⁹⁰ — тысяча золотых”.

Я запомнил это четверостишие, горько заплакал и в слезах вернулся домой. Эмир Шахвали сказал: “Какова причина плача?” Я прочел четверостишие, которое заставило меня плакать и он и его близкие также горько плакали. Затем я рассказал о друзьях и о положении дела. Они чрезвычайно опечалились.

Я сказал им: “Не теряйте надежды, господь устроит какой-нибудь выход, откроет какую-нибудь дверь”.

На следующий день я вышел из дома, ибо “кто ищет что-либо и прилагает старания, — обрящет; кто стучит в дверь и усердствует — войдет”.

Около крепости повстречался мне незнакомый человек, который сказал мне: “Я вижу вас озабоченным, какова причина этому?” **[346]**

Я ответил ему: “Ты сперва расскажи о себе!”

Он сказал: “Семь лет тому назад я был как-то вечером в доме Хафиза Нура, изготовителя шелка в квартале Маликан. Там вы выступали в подражании маулана Хусейн-Ваиза, ⁹¹ так что все участники маджлиса рыдали и говорили: “Никогда не испытывали мы такого наслаждения

на маджлисах [самого] Хусейн-Ваиза!” С тех пор я считаю себя вашим рабом и преданным, искренним другом!”

Я сказал: “Где ты сейчас и чем занимаешься?”

Он сказал: “Был у меня сын, студент и крайне сладкогласный чтец (хафиз). Я хотел его женить и приготовил для него домик, наводящий на мысли о райском дворце. Внезапно судья рока заключил ему брачный договор с одной из гурий рая и увел его из этого мира. [Теперь] вы расскажите о себе!”

Я сказал: “У меня есть родные, приехавшие из себзеварской области. В нынешнем смутном времени не знаю, где их устроить”.

Он сказал: “А домик, о котором я говорил! У меня есть меньшей сын, пока не дорос он до возраста женитьбы, пусть ваши родственники там живут, я буду весьма польщен!”

Я крайне обрадовался и мы пошли вместе в тот дом. [Это был такой дом, что] каждый, кто вступал в него, не хотел из него выходить.

Я вернулся и рассказал [обо всем] эмиру Шахвали. Для него и для его сына достали мы....., ⁹² они надели чалмы с висящим вниз концом⁹³ и с джuzданом ⁹⁴ за пазухой, наподобие студентов, а женщины в старых покрывалах на голове, **[347]** двинулись мы в путь, условившись итти отдельно друг от друга. Так добрались мы до того дома.

А что касается до Хадиджа-бегим, то она отправилась в городской сад и, созвав туда всех вельмож и сановников, духовных особ, знатных и старших Герата, сказала им: “Долгие годы видели вы счастье от милостей Султан-Хусейна и правили в свое удовольствие. Никогда ни один царь не делал столько добра в отношении подобных вам людей и [в отношении] народа, как сделал он. Теперь на его сыновей свалилось такое событие! Хотя она и убежали, но только в силу правильного решения [принятого по необходимости]; они снова вернутся и войдут в

этот город. Представляется правильным то, чтобы вы отплатили благодарностью и, приняв во внимание права их отца, обороняли бы этот город и не отдали бы семьи жителей Герата в руки узбеков, поведение которых в отношении жителей Самарканда и всего Мавераннахра известно!” Шейх-аль-ислам и эмир Мухаммади Юсуф и кази Ихтияр и эмир Сайд Абд-аль-кадир и другие вельможи сказали: “О Балькис нашего времени, о Зубайде эпохи! Вы верно соизволили сказать, однако это [было бы верно только в том случае], если бы на царевичей можно было положиться. Вы хорошо знаете, как царствовали после смерти отца царевич Бади-аз-заман и сын ваш Музаффар-Хусейн. Народ не возлагает на них никаких надежд; некий поэт сложил стихи, которые постоянно повторяет весь народ:

“Султан-Хусейн, шах мира, для которого, благодаря его величию,
Обширный бирюзовый купол [неба] служил дворцом,
Ушел и осталось от него на небе султанства
Подобно солнцу и луне, два шаха державных:
Однако отношение шахства к ним такое же,
Как звание шаха к деревянным фигуркам в шахматах.”

Кроме того, они потерпели не такое поражение, чтобы была возможность оказать им помощь. Большинство их эмиров убито, вооружение их пропало целиком, а Шейбек-хан — падишах крайне напористый. Если мы окажем сопротивление, то после взятия [города], он ни одного из нас не оставит в живых и возьмет в плен и разграбит весь город. Сами посудите, какая в том польза, если мы десять дней или месяц будем это дело делать (т. е. обороняться), а результат дела будет такой!” **[348]**

Хадиджа-бегим заплакала и сказала: “Верно вы говорите!” [Затем] она попросила у вельмож прощения и отпустила их. Вельможи направились в медресе шейх-аль-ислама, устроили собрание и постановили отправить ключи города к [Шейбани-хану].

Около полудня в медресе вбежал один портной по имени Султан-Али и сказал: “О шейх, о вельможи! Счастливые вести и радость вам! Из Мешхеда ускоренным маршем прибыли Абуль Мухсин-мирза и брат его Кепек-мирза, ⁹⁵ во главе пятидесяти тысяч вооруженных и снаряженных всадников. Я был на хиабане около Банди Карун, когда вдруг со стороны Саки Сальман ⁹⁶ поднялась пыль такая, что

От копыт коней на той широкой равнине

Земля [разделилась] на шесть [частей], небо — на восемь. ⁹⁷

Я побежал в ту сторону, навстречу мне поскакал всадник и спросил меня; “Кто ты такой?”

Я говорил: “Увы, я такой-то! Горе Хорасану, горе Хорасану!”

Он сказал: “Подойди поближе!”—и дал мне в руки кусок сахара (?) и сказал: “Я Мухаммадаали-бек. ⁹⁸ Отнеси этот сахар шейх-аль-исламу и скажи ему: — Не горюйте, мирза Абуль Мухсин и мирза Кепек прибыли с пятьюдесятью тысячами всадников!”

Шейх усмехнулся и сказал: “Лживость этих слов яснее солнца и очевиднее дня!”

Тот человек сказал: “Свяжите меня и держите под стражей и, если это неверно, разрубите меня на куски!”

На хиабан послали за известиями внука муллазаде маулана Усмана Самарканди.

Он вернулся и сказал: “Весь хиабан полон узбеков, а тех нет и следа!”

Тогда этому человеку сказали: “Что ты теперь скажешь?”

Он ответил: “У ворот Малик один человек уверил меня в том со страшными клятвами и дал мне этот сахар. Я ему поверил”. [349]

Его сильно избили и отпустили. [Затем] решили на утро нести [Шейбани]-хану ключи города с полагающимися подарками и подношениями.

[А тем временем] хан сочинил газель в честь жены Музаффар-Хусейна, которая была дочерью одного из узбекских князей и славилась красотой на весь мир, и прислал ей эту газель.

Когда настала ночь. Хадиджа-бегим заперлась в крепости Ихтиар-ад-дин, а эта жена Музаффар-Хусейна к ней [уже] не присоединилась.

На утро вельможи отнесли ключи города вместе с подарками на хиабан к хану. Хан оказал такой почет шейх-аль-исламу, что больше не возможно вообразить, и потребовал себе жену Музаффар-Хусейна. Ему ответила: “[Ведь] муж ее жив, эта женщина находится с ним в браке, как это можно?”

Хан крайне разгневался и [тогда] [э]мир Мухаммад [сын] эмира Юсуфа и кази Ихтиар удостоверили свидетельскими показаниями, что Музаффар-Хусейн дал ей тоекратный развод. Это было верно, однако вслед за тем он снова на ней женился и это от хана скрыли.

Его величество хан со всей свитой с великой пышностью отправился для [встречи с] бегим в уланг Кахдистан, который находится в одном фарсах от Герата на восток от ворот Хуш и “в час, которым гордятся звезды”, вступил с ней в брачный союз.

Эмиру Ядгар Кукальташу, отцу эмира Шахвали, было оказано царское внимание и он стал до крайности важным и влиятельным при дво-

ре бегим. Когда эмир Шахвали услышал, что эмир Ядгар приближен к бегим, он сказал мне: “Сходите к эмиру Ядгару и известите его о том, что мы здоровы и невредимы”.

Я решил, что итти следует лишь переодевшись. В доме одного из своих родственников я облачился в грязную одежду служанки, голову обмотал до самых бровей рваной чалмой слуги с соответствующей ей тюбитейкой, а в руки взял сломанный посох, перевязанный тесемкой (шаун).

Я загадал, что если я пойду домой и домашние меня не узнают, то поход мой кончится благополучно, а если узнают, то итти неразумно.

[350]

Когда я вошел в дом, все закричали: “Что это за нищий, так дерзко входящий в дом?!”

Дело дошло до того, что служанки схватились за палки, стали колотить меня по голове и выгнали из дома.

Я снова вошел и сказал: “Скажите правду, узнали вы меня или нет?”

Тут только узнали они меня и от смеха попадали на землю.

“Для чего это переодевание?”—спросили они.

Я сказал: “В этом есть цель, о которой вы не знаете” и направился в Кахдистан.

Я сел у дома эмира Ядгар Кукальташа. Когда раздавали еду, взгляд эмира Ядгара упал на меня и он сказал: “Отнесите этому нищему чего-нибудь!”

Мне принесли кусок мяса на блюде. Я знал того, кто принес мне еду и сказал ему: “Ты не узнаешь меня?”

Он сказал: “Аллах! Мулла, что это?”

Я сказал ему: “Молчи! Скажи тихонько эмиру, что пришел, такой-то и принес известие о ваших родственниках”.

Освободили одну палатку и ввели меня в нее. Вошел эмир Ядгар, увидел меня и расхохотался. Затем он заплакал и стал спрашивать о своих детях. Я подробно ему все рассказал. Возблагодарив бога, он сказал: “О маулана, [пока что] моя чашка держится на воде не знаю, что будет дальше. Бегим о вас часто вспоминает и желает видеть. Как я выяснил, она хочет вынести и спрятать от узбеков свои сокровища и также скрыть в надежном месте девицу — суженую нашего Султанвали, ⁹⁹ ибо многие на нее покушаются”. ¹⁰⁰

В это время сказали: “Вот бегим!”

Увидев меня в палатке, она смеялась до разлития желчи; и сказала: “О мулла! Где ты был и есть ли у тебя известия; о моем родственнике?” ¹⁰¹

Выслушав все, она крайне обрадовалась, встала, взяла меня за руку и повела в шатер, в котором друг на друге **[351]** стояли огромные сундуки, а в углу сидела периликая девушка, от сияния красоты которой бледнело солнце.

Бегим сказала: “Ты знаешь ее? Это суженая Султанвали, моего родственника; с минуту на минуту ее похитят и положат нам на сердце такое клеймо, которое не смогут залечить никакие врачи и хирурги. А сундуки, которые ты видишь, почти все полны драгоценными камнями и яхонтами. Упаси боже, чтобы хан или кто-нибудь из узбеков узнал о том, что находится в этих сундуках! Что думаешь ты?”

Я сказал: “Мы вынесем их вместе с Гияс-ад-дином. Мой отец устроил в своем доме водохранилище (сардабе) и вход в него спрятал так, что обнаружить его можно разве что срыв весь дом до уровня воды”.

Тут вошла служанка и сказала: “Пришел какой-то нищий и говорит, что ему нужно сказать что-то Карагез-бики”. ¹⁰² Я сказал: “Ручаюсь, что это Гияс-ад-дин!” Я спросил у служанки: “У нищего борода рыжая?!” Она сказала: “Да”. Я сказал: “Без промедления веди его сюда!”

Когда он вошел в шатер, бегим от смеха потеряла силы. Она сказала: “О вор, что с тобой случилось, что ты нас бросил?” ¹⁰³

Он сказал: “О бегим, причина ясна”. Тут я изложил ему свои мысли.

Он сказал: “Прекрасно ты выдумал!”

Я велел принести полотно (карбас) и сшить мешки и сумки. ¹⁰⁴

Бегим приказала, чтобы никого не подпускали к шатру. Они открыли один из сундуков. В нем оказалось сорок сундучков, полных драгоценными камнями. Я положил их в мешки и сумки. Они открыли сундук с платьем и вытащили оттуда халаты (джаме), расшитые золотом и драгоценными камнями от воротника до подола.

Мир Ядгар сказал: “Этот халат стоит тридцать тысяч тенге”. **[352]**

Я снял свою одежду, надел этот халат и полы его подвязал к поясу, а поверх их привязал мешок (“хамьян”, см. выше) с драгоценными камнями. У меня был старый джуздан (см. выше), я положил в него золотые предметы — ручные и ножные браслеты, кольца, серьги — и сунул его за пазуху. Левую руку я обернул от пальца до подмышки в карбас, подсунув под каждый оборот [ткани] вокруг руки драгоценные камни. Из старого полотенца устроил я повязку для руки, перекинув ее через шею и в ту повязку наложил вокруг руки столько драгоценностей, сколько влезло. Сверху надел я свой старый халат. Гияс-ад-дин сделал все то же, но только руки не подвязывал, выступая в виде моего поводыря. Мы перебрались через Кахдистан. Я [шел и] стонал, а Гияс-ад-

дин говорил узбекам: “Ради бога, сжальтесь над этим несчастным калеккой, он хаджи и сейид и сломал себе руку!”

Узбеки подавали медные (пуль) и серебряные (тенге) [деньги]. Так действовали мы днем и ночью и через неделю дело было кончено. Возвращаясь [туда] на восьмой день, мы [вдруг] повстречали эмира Ягдара в грязной тюбитейке и рваной чалме, в одежде бродяги.

Гияс ад-дин сказал: “По всей вероятности, судьба учинила [какую-нибудь] несправедливость!”

Мы подошли [к нему] и спросили о том, что случилось.

Он сказал:

“Не спрашивай о том, что творится в доме —

Взгляни на кровь у порога и не спрашивай.

О дорогие, что скажу? Лучше молчать!

Язык за зубами блюдет голову!

Бегим сотворила такую гнусность, что если просеять на решете всю землю мироздания, то не найти средства от этого [бедствия].

Бегим пришло в голову просеять решетом наслаждения семена подсолнечника, лущенные в ступке любви пестиком влечения. Блудницы во время соития делают некие движения, которые [их] приятелями [муаширан] называются “решетом” (гальбуре). Бегим стала им (т. е. блудницам) подражать. Хан сказал: “ ...? ¹⁰⁵ Оказывается, она распутница!” — вышел **[353]** от нее и больше к ней не приходил. А суженую Султанвали захватил один узбек и вместе с матерью увез в город!”

Я сказал: “Да разобьет Аллах поясницу (камар) бегим! Что за гнусность она сотворила!”

Эмир Ядгар сказал: “Господа, что же вы стали? Возвращайтесь и прячьтесь по своим углам!”

Мы вернулись к эмиру Шахвали и рассказали ему [об этом]. Наступило светопреставление.

“С разодранной грудью, с глазами полными крови
Вышли мы из этого дома”.

Через два-три дня я снова пришел к эмиру Шахвали. Там увидел я Султанвали с разодранным воротником и ножом в руке. От слез глаза его распухли. Увидев меня, он завопил: “Отпускайте мне грехи, ибо я собираюсь убить себя,

“Лучше стократ умереть,
Чем один миг жить без нее!”

Нет у меня сил переносить разлуку с Махджуджук”. ¹⁰⁶

Я сказал: “Дорогое дитя, нет средства кроме терпенья! Придет Гияс-ад-дин Мухаммад и мы с ним посоветуемся”.

На следующий день встретил я Гияс-ад-дин Мухаммада на базаре и сказал ему: “Дела таковы. Что думаешь ты?”

Он сказал: “Я узнал, что Махджуджук взял Хусейн-бий Кунграт, а он [помещается в доме] на берегу Хаи Динаран. Ее мать сломала себе ногу, свалившись с лошади на пути из Кахдистана. А девушка схватила нож [и говорит:] “Убью того, кто ко мне подойдет, и себя убью!”

Я придумал средство освободить эту девушку, быть может, удастся. [Во всяком случае], я сделаю все, что зависит от меня. А изменить судьбу невозможно.

Вставай, — сказал он, — время — меч режущий. Медлить нельзя!” и направился к воротам Малак.

За воротами крестьяне продавали виноград. Он купил две корзины¹⁰⁷ винограда, одну привязал мне на спину, другую себе, и мы направились в Хаи Динаран. Мы подошли к дому [в ворота которого непрерывно] входили и выходили [354] узбеки. На наш вопрос они ответили, что [да], это дом эмира Хусейн Кунграт. Мы вошли во двор. На суффе с необычайной пышностью сидел человек, перед ним почтительно стояло человек пятьдесят узбеков. В передней части айвана помещение, а в том помещении сидит женщина и стонет.

Мы с Гияс-ад-дином поставили корзины перед узбеками, вбежали в помещение и пали к ногам той женщины, говоря: “О бегим, благодетельница наша, какие дела, какие времена! Пусть ослепнут наши глаза, чтобы не видеть вас в таком состоянии!”

Эмир Хусейн сказал: “Кто вы такие?”

Мы сказали: “Мы крестьяне этой бегим. У них в Гуслане есть сад, которому в прелести нет равного во всем Хорасане. В саду около пяти-сот харваров винограда и он весь погибнет!”

Эмир Хусайн сказал: “Не горюйте, этот сад принадлежит теперь мне и вы тоже мне принадлежите... Я буду о вас заботиться, а вы пустите для нас виноград на вино!”

Я увидел, что бегим бросает на нас особенные взгляды и догадалась, что мы пришли с целью. Я вышел из дома и роздал одну корзину винограда узбекам, а другую внес в дом и, [опростав ее], сказал им (узбекам) “Сберегите этот виноград, пока не принесем завтра другого”.¹⁰⁸

Махджуджук плакала, [сидя] в доме. Я сказал ей: “Вставай и полезай в корзину, не время плакать. Султанвали, быть, может, уже покончил с собою!”

Она влезла в корзину, и я прикрыл ее сверху виноградными листьями. Гияс-ад-дин Мухаммад сказал:—Давай мне эту корзину, тебе ее не снести, а сам бери на спину другую.

Так и сделали и пошли вон между узбеков.

Был третий намаз, когда пришли мы к эмиру Шахвали. [Там] увидели мы Султанвали, горько плакавшего, с разорванным воротником и расцарапанной грудью.

Я подошел к нему и сказал: **[355]**

“Благовествую, о сердце, ибо приближается обладатель дыханием Иисуса,
От благого дыхания его веет чьим-то ароматом!
Не горюй, твои желания исполнились!”

Гияс-ад-дин Мухаммад поставил корзину на землю, и Махджуджук вылезла из корзины подобно солнцу из-за тучи. Раздались вопли и крики [радости].

“Как хорошо, когда после ожидания
Достигает своих желаний надеявшийся!”

У жены эмира Шахвали было ожерелье, равного которому не было в Хорасане. Она сняла его с шеи и отдала Гияс-ад-дину, а дочери эмира Шахвали пожаловали мне свои серьги и кольца.

После того я сказал Гияс-ад-дин Мухаммаду: “Не следует нам оставаться в этом городе вместе со своими семействами и имуществом. Мы разожгли такой огонь, что с того дня как выскочил огонь из кремня и огнива “будь! — и получает бытие” ¹⁰⁹ не было подобного воспламенения! Представляется правильным спрятать нам свои пожитки, а семьи

и детей отправить в Убе.” Он сказал: “Замечательно придумал. На языке у тебя то, что у меня на сердце!”

Тотчас же отправились мы домой и, вытащив закопанные в михманхане драгоценности, присоединили их к драгоценностям Хадиджа-бегим в водохранилище. ¹¹⁰

Гияс-ад-дин Мухаммад тут же нанял вьючных животных и направился в Убе, захватив с собою мать, сестер, всех родственников по отцу и матери и служанок. Я же перетащил все домашние вещи и добро в дома родственников.

Маулана Амани, один из известнейших поэтов Хорасана, содержал у подножия крепости торговлю жареным горохом. ¹¹¹ Над лавкой устроил он комнату, которая служила местом [356] сборища поэтов и просвещенных людей. Туда пошел я и сказал ему:

“Предоставь мне на несколько дней свою верхнюю комнату (балухане), а для гостей расстели паласы в помещении перед лавкой”.

Тотчас вытащил он из чалмы ключ от верхней комнаты и передал его мне. Я поднялся в комнату, закрыл дверь и сел у деревянной решетки.

Около полуденного намаза мимо лавки прошел человек в рваной тюбитейке, старом, грязном, рваном халате до колен, босиком. Мне представилось, что он похож на эмира Ядгар Кукальташа.

Я крикнул маулана Амани, что мол у лавка прошел человек такой-то наружности, догоните его и посмотрите, кто это.

Он пошел и вернулся в слезах, говоря, что это эмир Ядгар. Я догнал его, он обнял меня и залился слезами. Я дал ему свою чалму, верхнюю одежду (фарджи) и сапоги и проводил его.

Он сказал: “О маулана Восифи, видите неверность и обманность сего мира? В прошлом году, когда вы были в крепости Найарету и я

приезжал туда, “у него было тысяча вооруженных и снаряженных нукеров и он подымал до зенита небес голову гордыни и величия. И тысяча пар рабочих волов [у] него, а поле неба казалось самым малым полем его полей”. Теперь, посмотри, чего достигло дело его и чем оно кончилось!

“Этот развалившийся мир — это та самая обитель,
Которая видела айван Афрасиаба.
Эта просторная пустыня — это та самая обитель.
В которой пропали войска Сальма и Тура. ¹¹²”

На следующее утро во время завтрака от подножия крепости слышались крики и шум. Я увидел человека верхом на кляче с руками, завязанными наперед. Сзади него сидел еще кто-то. Всмотревшись, я узнал эмира Шахвали. Его сопровождало человек триста конных узбеков. **[357]**

Маулана Амани пошел туда и вернулся нескоро, в крайнем смятении.

Он сказал: “Случилось странное дело. У эмира Шахвали была служанка (“духтархане”) необычайной красоты. У ней был возлюбленный и она ночью пустила его в дом. Эмар Шахвали узнал об этом и приказал раскалить докрасна утюг и выгладить ворот ее алой, бархатной одежды (фарджи). ¹¹³

Служанка, [спасаясь от наказания], выбежала на улицу и подняла крик: “Вот эмир Шахвали, он в этом доме!”

[Тут как раз] проезжал мимо Эмир Урус, брат эмира Джан-вафа. ¹¹⁴
Кончилось тем, что эмира Шахвали и жену его схватили, а другие убежали. ¹¹⁵

Эмиру Шахвали сказали: “Где сокровища Хадиджа-бегим?”

Он сказал: “Я сведу вас туда, где они находятся!” — и повел узбеков к вашему дому. Я также пошел сзади. Ворота вашего дома были засыпаны. Их разбили топорами и вошли. Обыскали помещение для гостей и ничего не обнаружили. Стали пытаться эмира Шахвали. Он сказал: “Пытать меня нет польза, разве что найдете маулана Восифи”.

Сейчас, разыскивая вас, [ходят] из дома в дом, из улицы в улицу. Что делать?!”.

Я сказал: “В этом городе все знают о моей близости к вам. Я не считаю возможным дальнейшее мое пребывание здесь [у вас] и даже в этом городе. Приходит мне в голову отправиться в Кусур, там у меня друзья, ¹¹⁶ которые сумеют меня спрятать”.

Я дождался вечернего намаза и распрощался с маулана Амани, сказав: **[358]**

“Мы ушли и унесли на память грусть по тебе,
Ты также храни в своем сердце память о нас!”

Пройдя некоторое расстояние, пришло мне в голову, что согласно хадиса о пророке: “скрой путь твой и золото твое и исповедание твое”¹¹⁷, я сделал плохо, что осведомлял маулана Амани о той, что я направился в Кусур. Оборони бог, его схватят и немного прижмут, требуя, чтобы он повел узбеков [в Кусур] и предал меня в их руки. [Тогда] не будет ему выхода. Я стал думать о том, куда же мне направиться. Внезапно я услышал, как кто-то сказал: “Ей, Хасан! Скажи-ка Насрулле, что мы отправились в Сеистан. Если он поедет с нами, пусть после завтра встретит нас у моста Малан!”

Я сказал себе: “Это тайный глас!”—и решил направиться в Сеи-стан.

Поразительно то, что в Себзаваре я услышал, что маулана Амана схватили, дом его разграбили, и он повел узбеков в Кусур. ¹¹⁸ Но Аллах знает лучше!”

На этом кончается (Т 622, В 331, С 260) последний рассказ этой главы, рассказ, который может быть по справедливости назван интереснейшим эпизодом мемуаров Восифи.

Рассказ привлекает внимание главным образом как свидетельство современника о важном историческом событии, в научной литературе подробно не освещенном. В. В. Бартольд в конце своей замечательной работы “Мир-Али-Шир и политическая жизнь” посвящает несколько слов крушению власти тимуридов в Герате, отмечая “безумие царских вельмож... объявивших царями одновременно двух ненавидевших друг друга царезичей, Бади-аз-замана и Музаффар-Хусейна, что облегчило победу узбеков” (стр. 162). Описание последующих событий имеется и в воспоминаниях Бабура и очень подробно в соответствующем разделе “Хабиб-ас-сияр” Хондемира.

Никоим образом не ставя себе задачей произвести исследование истории захвата Шейбани-ханом Герата, приводим **[359]** здесь краткое изложение сообщаемых источниками фактов, с целью проверки данных Восифи путем сопоставления с данными Бабура и Хондемира. ¹¹⁹

Шейбани-хан выступил в конце 912 г. х. и ускоренным маршем двинулся к Герату. Хондемир определяет дату его выступления из Самарканда серединой месяца зульхиджа; ¹²⁰ Восифи — последними днями того же месяца выступление хана из Карши. ¹²¹ Восифи определяет время его движения от Карши до Герата в 14 дней, т. е. появление Шейбани под стенами **[360]** Герата произошло уже в мухарраме 913 г.

х. (май 1507). Восифи приводят также две касыды в честь Шейбани-хана, составленные упоминавшимся приближенным Навои и родственником Восифи поэтом Сахибдара. Обе касыды, общим размером в 35 бейтов, представляют собой чрезвычайно искусную хронограмму, в которой сумма цифровых значений всех букв каждого первого полустишия дает 912 — дату выступления Шейбани, и сумма всех букв каждого второго полустишия дает 913 — дату прибытия Шейбани к Герату.

Перейдя Аму-Дарью у Керки, Шейбани без боя занял Андхой. Затем он двинулся к Мургабу и переправился через него в мухарраме 913 г. х. (апрель — май 1507 г.).¹²² До этого момента Бади-аз-заман и Музаффар-Хусейн ничего не знали о движении войск Шейбани. По Хондемиру, цари в этот момент находились в местечке Марал (?),¹²³ занимаясь бесплодными обсуждениями плана кампании против Шейбани-хана. О полной неподготовленности царей к активным действиям красноречиво свидетельствуют все три источника. Утром в четверг 7 мухаррама 913 г. х. (20 мая 1507 г.) узбеки под начальством Тимур-Султана и Убайдулла-Султана ударили на войска тимуридских царей, которыми командовали эмары Зуннун-Аргун и Низам-ад-дин Шейхали Тагаи.¹²⁴ По Хондемиру, сражение произошло между рибаток эмира Алишера Навои и местечком Марал; Бабур¹²⁵ называет местом сражения Кара-рибат, Восифи же—“местечко Тарнаб в одном фарсах от Чильдухтаран”.¹²⁶

Тимуридские войска были совершенно разгромлены в самое короткое время, причем Зуннун-Аргун, защищавшийся до конца, был убит, а Тагаи попал в плен. Тимурадские цари, вельможи и остальные эмиры бежали с поля битвы в разных направлениях. Бади-аз-заман бежал к Герату и, переночевав вне стен города, на утро (т. е. 8 мухаррама) продолжал **[361]** бегство в направлении Кандахара. Музаффар-

Хусейн добрался до Герата только под утро и сразу направился в городской сад (баги шахр). ¹²⁷

Призвав тотчас же в сад шейх-аль-ислама Сайф-ад-дин Ахмад Тафтазани, эмира Гияс-ад-дин Мухаммада, эмирского сына Джалаль-ад-дин Юсуфа Рази и кази Ихтиар-ад-дин Хасана, ¹²⁸ Музаффар-Хусейн потребовал от них поддержки в деле обороны Герата, но получил решительней отказ отчетливо обоснованный (как у Васифи, так и у Хондемира) полным наверием в способность правящего дома организовать эффективное сопротивление.

Музаффар-Хусейн, получав отказ, бежал в Астрабад. На утро 8 мухаррама вельможи Герата собралась в медресе шейх-аль-ислама и, постановив сдать город Шейбани-хану, “приказали автору сего сочинения составить послание соответствующего содержания [на имя Шейбани-хана]”. ¹²⁹

Послание было отправлено с мухтасибом Герата мавлана Усманом, племянником мауланазаде. ¹³⁰ Этот посланец, едва выйдя из города, был ограблен и раздет узбеками, но поручение свое выполнил.

Шейбани-хан, получив послание гератцев, двинулся к городу и остановился в уляйте Кахдистан, а узбеки грабили предместья. **[362]**

В этот же день отряд разбитого тимуридского войска, прятаящийся в садах Гератских предместий, решил пробиться через обложивших город и занятых грабежом предместий узбеков. Отряд выступил в боевом порядке, в качестве военной хитрости, выдавая себя за часть, только что, будто бы, прибывшего нового, тимуридского войска, собранного царевичами Мухаммад-Мухсином и Кепеком.

Слух проник в город и Гератская “чернь” ¹³¹ сделала вылазку из городских ворот и побила около трехсот занятых грабежом узбеков.

Обман выяснился, тревога гератцев, предчувствовавших возмездие, достигла крайнего предела.

На следующий день (9 мухаррама) в Герат прибыл брат маулана Бинаи с посланием от Шейбани-хана к шейх-аль-исламу и кази Ихтиар-ад-дину, которым предлагалось прибыть в ставку вместе с теми вельможами, которых они почтут нужным взять с собой. ¹³²

В ставке гератцам были продиктованы условия сдачи; со стороны узбеков в переговорах выступали Низам-ад-дин Абд-ар-рахим Турки-стани, садр и полновластный министр Шейбани-хана, и ходжа Камаль-ад-дин Махмуд Сагарджи, начальник дивана. Гератцы обязались внести огромную контрибуцию: ¹³³ простой народ и ремесленники платили “сто тысяч одномискальных тенгече, каждая из которых в то время шла за шесть кепекских динаров, ¹³⁴ а вельможи и владельцы суюргалов платили двадцать тысяч тенге в виде личного подношения хану и пятнадцать тысяч упомянутому Абд-ар-рахиму”.

Таким образом, общая сумма контрибуции исчислялась **[363]** в 140000 тенге, из них на долю правящих кругов приходилось 40000.

По окончании переговоров гератцы получили аудаенцию у хана и вернулись в Герат.

Контрибуция была собрана в течение недели, ¹³⁵ начиная с 15 мухаррама. Гаремы Султан-Хусейна и его сыновей были отправлены в ставку. Шейбани-хан выбрал себе жену Музаффар-Хусейна, Ханзаде-ханум, ¹³⁶ дочь Ахмад-хана и сестры Султан-Хусейна. ¹³⁷ Браку Шейбани-хана был придан законный характер путем показаний свидетелей, удостоверивших, что Музаффар-Хусейн развелся с этой женой за два года до этих событий. ¹³⁸ Другую жену Музаффар-Хусейна взял себе Убейдулла-Султан. После того гаремы были отправлены обратно вместе со специальными чиновниками, которым была поручена конфиска-

ция их имущества. Затем конфискация была распространена и на личное имущество эмиров и вельмож. Узбеки хватали под разными предлогами всех причастных к прежнему правлению и пытками заставляли их расставаться со своими богатствами и гаремами.

Через короткое время бесчинства узбеков были прекращены. ¹³⁹ Уже в пятницу 18 мухаррама (т. е. через 6 дней после окончания переговоров о сдаче города) в соборной мечети была прочтена хутба на имя Абуль Хайра и Шейбани (так в тексте Восифи). При этом последний установил общеобязательную формулу своего титулования (лакаб).

Следующим мероприятием Шейбани были финансовые реформы. “Хан повелел, чтобы прежние тенге были увеличены на половину данека и коль скоро украсятся они августейшим чеканом, каждую из этих [тенге] считали бы в обращении за [364] шесть кепексих динаров, а прежние тенге [весом в] один мискаль брали бы за пять динаров”. ¹⁴⁰

Мероприятия по установлению нормальной жизни Герата продолжались. В город стали возвращаться скрывавшиеся: в окрестных горах беглецы ¹⁴¹ “которые были приближенными [бывших] султанов и правителей Хорасана”. Большинство их сразу же получало соответственные их сану должности.

Вслед за тем были захвачены обе крепости — Ихтиар-ад-дин и Найарету.

Следующий очень интересный раздел “Хабиб-ас-сияр” посвящен упомянутому выше Абд-ар-рахиму, фактическому правителю государства при Шейбани-хане и деятельности его в Герате. Возвращение Гератских Шайхов, кази, сейидов и улемов на прежние их должности зависело целиком от Абд-ар-рахима, извлекавшего из этого большие доходы и подвергавшего просителей унижениям. Исключение составил

шейх-аль-ислам, который вернулся на свою должность по личной просьбе самого Шейбани.

Среди особенно пострадавших оказался и сам Хондемир.¹⁴² Так, Абд-ар-рахим заставил Хондемира участвовать в насильственной покупке шестидесяти принадлежавших Абд-ар-рахиму баранов, по преувеличенной цене “двадцати ханских тенгече за штуку, что составляет шестьсот тебризских динаров”. Купившие должны были сами гнать по городу этих баранов, подвергаясь насмешкам “людей базара”.

Не удовлетворившись этим, Абд-ар-рахим потребовал с Хондемира и эмира Садр-ад-дин Султан-Ибрахима двадцать тысяч “шестидинаровых тенгече.” После переговоров, эта сумма была снижена до тринадцати тысяч тенге; она должна была быть взята как из личных средств двух упомянутых лиц, так и “из содержания друглх садров и [365] управителей вакфными имуществами”. Несмотря на полное отсутствие вследствие грабежей наличных денег, указанную сумму удалось собрать и сполна уплатить в течение шести месяцев.

Абд-ар-рахим разделил управление вакфами между тремя своими сыновьями. Огромные поборы и отсутствие богатых вкладчиков в короткий срок привели вакфное хозяйство к полному упадку; никакого улучшения в этом деле “нет и в сие время, которое является 929 годом хиджры (1522/3)”¹⁴³

Сопоставление рассказа Восифи с приведенными сведениями показывает, что рассказ построен на достоверных исторических фактах.

Далекий от двора Восифи, в противоположность Хондемиру, ничего не знает о тех длительных и бесплодных переговорах, которые вели весной 913 г. х. Бади-аз-заман, Музаффар-Хусейн и эмиры, пытаясь организовать отпор Шейбани-хану. По мнению Восифи, выражавшему, конечно, ходячее представление, единственной целью свидания царе-

вичей были лишь развлечения, за которыми их и застал внезапно нагрянувший противник. В другом месте (народный стих в ответе шейх-аль-ислама Хадидже-бегим) Восифи прямо показывает, насколько низко стояли в глазах народа оба шаха. Эта оценка и у Хондемира и у Бабур, конечно, отсутствует целиком, хотя оба они приводят достаточно фактов, свидетельствующих о неподготовленности царей.

“Бесстрастный летописец” Хондемир совершенно отказывается от личной оценки этих фактов, Бабур говорит о них с горечью и негодованием, критикуя двух царей как равноправный представитель того же круга. Восифи не приводит почти никаких фактов, но зато наглядно показывает самое важное — общественное мнение широких кругов городского населения.

Рассказ Восифи столь же наглядно демонстрирует истинные причины быстрых успехов Шейбани-хана. Конечно, не личная бездарность “случайно” оказавшихся в то время на [366] троне тимуридских царей, а глубокое внутреннее разложение всей правившей джагатайской верхушки давно подготовило крушение власти дома Тимура.

Наиболее характерный пример — типичная для джагатайской верхушки фигура царского кукальташа эмира Шахвали его полная растерянность, униженные просьбы, бегство, данные в искусно построенном на контрастах начальном эпизоде.

Приход узбеков рассматривался в широких кругах городского населения не как изменение системы, а только как насильственная смена правящей верхушки, главным образом представленной членами тимурова рода, потерявшего все народные симпатии.

Так, друзья Восифи решительным образом отказываются укрыть Шахвали и его семейство. Только обманом удастся достать им прибежище. Поэт Мухаммад Салих составляет специальное стихотворение,

оплакивающее вовсе не Герат или Хорасан и его жителей, а “бедных джагатаев”. Стихотворение немедленно распространяется по Герату и декламируется обывателями в домашних разговорах за вином.

Сам эмир Шахвали также воспринимает приход узбеков подыскивая себе прибежище, он предпочитает дому своих родственников дом Восифи, надеясь на знакомство Восифи с шейх-аль-исламом, т. е. лицом, не связанным с джагатайским родом и облеченным таким саном, который предположительно должен был защитить (и действительно защитил) своего носителя при изменении состава лиц, стоящих у власти.

Из внешних событий этих дней Восифи говорит только об отказе вельмож поддерживать дальнейшее сопротивление, о мнимом прибытии войска царевичей Мухсина и Кепека и о женитьбе Шейбани-хана на жене Музаффар-Хусейна.

Первый из этих эпизодов пересказан с характерным для стоявших вдалеке от двора обывательских кругов искажением: речь вельможам вложена в уста не Музаффар-Хусейну, а матери его Хадиджа-бегим. Это хорошо отражает верное народное представление о Хадиджа-бегим, как об основной движущей силе в карьере Музаффар-Хусейна. В таком же виде выступает она в другом приведенном выше рассказе Восифи о причинах гибели царевича Мухаммад-Мумина. [367]

Введенный Восифи в текст отказа вельмож народный стих, на который они вряд ли действительно ссылались и который, конечно, отсутствует у Хондемира, при всем его пристрастии к стихотворным цитатам, и тем более у Бабура, является исключительно удачной иллюстрацией принципиально иной — демократической — позиции Восифи в понимании политических событий.

Эпизод мнимого прибытия свежих войск, подробно рассказанный Хондемиром, подан Восифи только с анекдотической стороны. Восифи ничего не говорит об истинной причине этого ложного слуха и о вызванном им кровопролитии. Царившее в Герате смятение не давало возможности обитателям; составить себе точное представление о ходе событий. Такое представление было доступно лишь близкому к кругам шейх-аль-ислама летописцу Хондемиру. Обыватели же впоследствии, когда все успокоилось, со вкусом пересказывали отдельные анекдотические подробности (кусоч сахара, ¹⁴⁴ наказание неосновательного вестника и т. п.), когда-то страшных и не всегда им ясных в деталях событий.

Интересно, что у Восифи к этому эпизоду приурочен факт посылки на хиабан маулана Усмана, в действительности (Хондемир) имевший другие причины.

Женитьба Шейбани-хана на жене Музаффар-Хусейна, действительный эпизод, служит завязкой рассказа о собственных приключениях Восифи. Хондемир, как летописец, точно рассказывает о свидетельских показаниях всех духовных лиц, ¹⁴⁵ удостоверивших тот факт, что бегим была в разводе с мужем. Единственным намеком на ложность этих показаний является у Хондемира уклончивая формулировка “ханум заявила”, что она разведена. Бабур с нескрываемым негодованием против узурпатора — Шейбани, говорит лишь, что Шейбани незаконно женился на жене Музаффар-Хусейна.

Восифи говорит о лживости свидетельских показаний, прямо называет лжесвидетелей по именам, обличая их трусость и уловки. Последующее развитие рассказа об отношениях Шейбани с новой женой дает такие подробности, которые **[368]** стоят совершенно вне круга сведений, включаемых в придворные летописи типа сочинения Хонде-

мира. Эти подробности мог рассказать только представитель все той же городской среды, в которой особенным успехом пользовались скандальные моменты жизни высших кругов. Непристойные подробности рассказа Восифи хорошо дополняют мнение Бабура о Шейбани-хане, как о “невидавшем [света] деревенщине”, ¹⁴⁶ для которого были неприемлемы нравы утонченной и развращенной Гератской аристократии.

Приведенные сведения Хондемира также показывают, что удар завоевателей узбеков был направлен главным образом против джагатайской верхушки. Первым мероприятием узбеков была экспроприация огромных личных богатств джагатайского дома и связанной с ним знати.

В этом отношении также чрезвычайно показательна речь Шейбани-хана, приведенная в другом месте мемуаров Восифи. ¹⁴⁷ Речь содержит в себе резкие выпады именно против личности Султан-Хусейна. Шейбани-хан приписывает себе роль освободителя “райской земли” Хорасан, сожалея лишь о том, что неосведомленность его о действительной степени непригодности Султан-Хусейна не позволила ему раньше взяться за искоренение этого зла.

Через несколько дней завоеватели принимают все необходимые меры для возвращения жизни города в прежнее русло, на прежних основаниях. Скрывшиеся было в горах (привлекает внимание формулировка Хондемира) состоятельные беглецы возвращаются к своим занятиям. Почти все крупные чиновники (шейх-аль-ислам, садры и мударрисы) получают свои прежние должности, правда, выплачивая огромные взятки.

Узбеки стараются внушить крестьянам, что произошла лишь смена хозяев-землевладельцев, унаследовавших от прежних хозяев все старые права и наряду с ними обязанность заботиться о крестьянах.

Новые хозяева стремятся лишь к быстрейшему восстановлению нормальной и спокойной [369] деятельности крестьян. Эта весьма показательная черта хорошо документирована приведенным выше разговором узбекского эмира Хусейн-бий-Кунграта с мнимыми крестьянами — Восифи и Гияс-ад-дином.

Ни Хондемир, ни Бабур, ни Восифи ничего не говорят о каких-либо массовых грабежах имущества рядовых жителей, о погромах, избиениях в Герате после взятия города. Отсутствие соответствующих сведений у Восифи особенно показательно. Жители отделались, очевидно, одной лишь упомянутой у Хондемира контрибуцией. Рассказ Восифи, действие которого разворачивается непосредственно в домах, на улицах Герата и его предместий именно в первые дни прихода узбеков, рисует довольно мирную картину. Таков упомянутый прием узбекским баем “своих” крестьян, такое же впечатление оставляет картина собирания милостыни мнимыми нищими Восифи и Гияс-ад-дином.

Можно думать, что все те гератцы, которые не выделялись личным богатством, т. е. все основное население, не пострадали от прихода узбеков; они вряд ли испытывали враждебные чувства к новым властителям, упразднившим власть царского дома, давно уже потерявшего народные симпатии. В некоторых же частных случаях представители низших слоев Гератского общества могли даже получить облегчение своего положения, как, например, избегшая варварского наказания служанка эмира Шахвали.

Переходим к прерванному изложению биографии Восифи.

Выше мы уже указали на некоторые противоречия, возникающие из сопоставления рассказов Восифи о своей судьбе в 913 г. х. (1507) после занятия Герата узбеками.

Дальнейшие сведения относятся уже к 916 г. х. (1510), к событиям, связанным с переходом Герата под власть Исмаила Сефеви. О судьбе Восифи в промежутке между 913 и 916 г. х. прямо ничего не говорится. В это время мог иметь место его первый выезд в Среднюю Азию.¹⁴⁸ Рассказ о событиях 916 г. х.¹⁴⁹ показывает, что около этого года Восифи продолжал жить [370] вместе со своей семьей в своем доме¹⁵⁰ в Герате и заниматься в медресе.

В конце приводимого ниже рассказа Восифи о событиях 916 г. х. сообщается, что Восифи продолжал быть в это время домашним учителем эмира Шахвали, хорошо известного нам из предыдущего изложения.¹⁵¹

Допустить правильность этого сообщения можно только в том случае, если предположить, что Шахвали сумел оправиться от обрушившейся на него катастрофы и восстановить в той или иной мере свое прежнее положение. Это предположение представляется маловероятным. В таком случае либо Восифи допустил здесь неточность, либо выражение Восифл “я учитель” следует понимать “я был учителем”.

Приводим соответствующий рассказ Восифи.¹⁵² Одним из действующих лиц рассказа выступает другой представитель блестящей Гератской молодежи — Мирза Байрам, характеристика которого была приведена выше. Ход действия интересующего нас рассказа не вполне ясен без изложения предварительного эпизода, посвященного Мирза Байраму и разыгрывающемуся на несколько лет ранее. Поэтому начинаем с этого вступительного эпизода.

[Мирза Байрам] превосходно знал науку бухгалтерского счета и благодаря этому сделался диваном (финансовым чиновником,) при Рукайат-бегим, которая была одной из жен султана Абу Сайда. Она была столь одаренной в стихотворном искусстве, что маулана Бинаи и ходжа

Асафи говаривали: “Маджлисы Рукайат-бегим покидали мы каждый раз посрамленными.” Ею овладела великая страсть к Мирза Байраму, так что она постоянно, разрядившись, показывала ему себя. А он отвращался от нее, прибегая к следующему [371] бейту Абу Али [Сина]. ¹⁵³ Пять раз сбегал он из Хорасана, направляясь в Нишапур, Астрабад, Балх, Сеистан и Кандахар. [Наконец] Рукайат-бегим послала за ним человека и доставила его насильно, ложно обвинив его в том, что он присвоил триста тысяч ее тенге.

Однажды он пришел ко мне и сказал: “О драгоценный друг, ты разрешитель затруднений людей всего света, подумай: позаботься обо мне! Эта гнусная старуха, убийца Ферхада, обрекла меня на изгнание и унижения, ввергнула меня в горн испытаний. [Конечно], не может быть и речи о том, чтобы спутаться с ней, [это все равно, что] добровольно пролить собственную кровь!”

Восифи советует приятелю притвориться больным, “предаться уменьшению еды и умножению тяжкого искуса, как-то ночная молитва и чтение корана, до такой степени, чтобы тело пришло в слабость и худобу. Тогда, несомненно, плотская ее любовь исчезнет.”

Однако не притворная, а настоящая болезнь приводит Мирза Байрама в такое состояние, что “врачи оказались не в состоянии его лечить и потеряли надежду на его выздоровление.”

Рукайат-бегим увидела Мирза Байрама в этом состоянии, чувства ее остыли и “через год она завела себе другого дивана и целиком отрешилась от grosбуха любви к Мирза Байраму.” Это и явилось причиной его выздоровления. Мирза Байрам [во время болезни] дал зарок, что если он спасется от гибели, то единственным его занятием будет учение.

С этого момента Восифи и Мирза Байрам не разлучались.

“Однажды прогуливались мы у мечети Гаухаршад-бегим, [где в это время] проповедывал маддах Хасан Али, рассказывая житие. Внезапно с его языка сорвалось проклятие одному из сотоварищей пророка. Мирза Байрам пришел в гнев и сказал: “Убью еретика или же подведу его под смертную казнь!”

Я сказал ему: “Друг! В этом городе много подобных ему злосчастных и таких, как мы с тобой, суннитов [тоже] не [372] счесть. Зачем нам с тобой стремиться к гибели этого еретика? К тому же сейчас как раз проявился в Ираке шах Исмаил. Дальновидность требует того, чтобы в подобных делах никто не брал бы верх.”

Мирза Байрам ответил: “Такие [рассуждения] приводят лишь к слабости ислама и к проволочке в действиях.” Сказав это, он набросился на маддаха Хасан Али. К нему присоединились другие, маддаха свели к шейх-аль-исламу и, [дав показания], установили [виновность его в] ереси. Его повесили за шею на воротах Малик. Прошло пятнадцать лет. ¹⁵⁴ Однажды вечером сидел я в обществе нескольких друзей. Шел разговор о приближении шаха Исмаила. Минула одна стража ночи, когда кто-то постучал в дверь кольцом. Мы отперли дверь — это был Мирза Байрам, испуганный и дрожащий. “Разве не знаете вы, — сказал он, — что шах Исмаил одолел Шейбек-хана и убил его, а Кулихан, двоюродный брат эмира Наджма Сани, привез [сюда] победную грамоту ¹⁵⁵ шаха Исмаила?”

Вместе с несколькими друзьями отправились мы в медресе Амир Фирузшах, которое находится у базара Мирза-Ала-ад-дин. Там увидели мы [других] студентов, в состоянии, о котором дает представление [стих Корана]: “в ней ему ни смерть, ни жизнь. ¹⁵⁶”

Я сказал: “Друзья, не страшитесь!

Хоть и пришел в движение меч мира,
Не рассечет он ни одной жилы, коль не захочет того бог.
И богу препоручите себя, коли вы верующие!”

Ночь провели мы в том медресе, а на утро объявил глашатай, чтобы вельможи, знатные и простые люди Герата собрались в соборной мечети Маликан.

Мимбар проповедника (хатиба) установили рядом с айваном максуре с северной стороны его. Шейх-аль-ислам, эмир Мухаммад сын эмира Юсуфа, сейид Абд-аль-кадир, мирза Ибрахим, [373] эмир Халиль, эмир Джамаль-ад-дин, эмир Хисаль-ад-дин, эмир Ибрахим Муша'ша', эмир Муртаз, кази Ихтиар, маулана Исам-ад-дин Ибрахим, эмир Атаулла и другие вельможи заняли место около мимбара. Стеснение людей на крышах и на земле было таким, что иголка не смогла бы упасть на землю.

На оглашение победной грамоты был назначен хафиз Зайн-ад-дин из детей маулана Шараф-ад-дина Зиаратгахи. Рядом с мимбаром для хатиба приготовили скатерть, наполненную золотыми монетами, одежду чоркабб с золотыми пуговицами.

Но тут возникла распря между Хафизом Зайн-ад-дином и [другим] Хафизом [по имени] Хасан Али. ¹⁵⁷ Большинство вельмож было на стороне Зайн-ад-дина, другие же стояли за Хасан Али. Наконец, хафиз Зайн-ад-дин взошел на мимбар и стал читать грамоту, что [начиналась словами]: “Скажи: боже, царь царства, ты даешь царство, кому хочешь, и отъемлешь царство, у кого хочешь. ¹⁵⁸”

Ходжа Абдулла Садр ¹⁵⁹ говаривал [впоследствии]: “Никогда не приходилось нам слышать грамоту подобной пышности!”

Когда [чтение] грамоты дошло до того места, где следовало предать проклятию семнадцать сотоварищей пророка, хафиз Зайн-ад-дин [остановившись] повернулся к шейх-аль-исламу и другим вельможам.¹⁶⁰ Шейх-аль-ислам сказал “О хафиз, не возбуждай смуту, не губи народ. Говори всё, что велят!”

Не успел хафиз Зайн-ад-дин прочесть и десяти строк проклятия, как Кули-хан вскипел и воскликнул: “Что это за личность, вредительствующая в царском указе?” ¹⁶¹

Хафиз Хасан Али сказал: “Как может он произносить проклятия, когда его самого зовут Зайн-ад-дини Аби Бакр, а деда его звали Шараф-ад-дини Усман?”. [374]

Эмир Мухаммади Мир Юсуф сказал: “Ей, хафиз, гнусный человек, зачем врешь? Его зовут ведь Зайн-ад-дини Али!”

Мулла Ядгар Астрабади сказал: “Ей эмир Мухаммад, доколе доводишь лганье? Хафиз Хасан Али говорит правду!”

Эмир Кули-хан тотчас вскочил и послал на мимбар маддаха Хайдар Али. Он схватил Хафиза за ворот и за бороду, и сказал: “Ей, ты, еретик, поворачивайся, проклинай!” — но, не дав ему говорить, потащил его с мимбара. Не успел хафиз поставить ноги на землю, как один из кизилбашей ударил его шемширом по голове, разрубив ее до бровей. Человек десять кизилбашей разрубили его на части у подножия мимбара. Поднялось тут в соборной мечети светопреставление: хафиз был уважаемым, известным человеком, из мюридов его светлости Абд-ар-рахмана Джами. Кто-то сказал: “Бедный хафиз принял мученичество!” Этого человека [схватили и] также хотели убить. Несколько человек заступилось и ему удалось откупиться за четыре тысячи хани.

Сын его светлости Абд-ар-рахмана Джами — Зия-ад-дин Юсуф упал в мечети без чувств и его вытащили наружу; в таком же состоянии

были вытащены шейх-аль-ислам и несколько вельмож. Маддах Хайдар Али одел на себя чоркабб и забрал ашрафи. Лишались чувств и многие из бывших на крышах, падали вниз и ломали себе руки и ноги; семеро разбились насмерть. Я, Мирза Байрам и многие из друзей были в таком смятении, что, очутившись у дверей мечети, не могли сообразить, что следует выйти наружу. От одних дверей шли мы к другим и там было с нами то же. С крыши мечетей несколько кизилбашей швыряли в толпу ашрафи, но никто не обращал на это внимания и не подымал [денег] с земли. Нашелся друг, который вывел нас оттуда, а мы совершенно не понимали, куда идем и, только добравшись до медресе и ханаки Султан-Хусейна, сообразили, где мы находимся. На пути от соборной мечети до туда видели мы около пятидесяти голов, вздетых на копья. Их носили [по улицам], восклицая: “Эй, вы, еретики — суннитышки, поучайтесь! Известный еретик Мир Шанетараш (“изготовитель гребенок”) составил на мелодию “ирак” песню с проклятием сотоварищам пророка. Вокруг **[375]** него столпилось около тысячи человек. ¹⁶² [Распевая эту песню, двигались они к хиабану, не отпускали никого, кто им попадался и от времени до времени подымали на копьях голову. Когда дошли они до мазара маулани Абд-ар-рахмана Джамии, было их уже около десяти тысяч.] Они навалили на могилу его светлости все двери, ставни, скамейки и кровати, которые только можно было сыскать в той округе. Высота этой [кучи] была равна высоте айвана мазара, [т. е.] тысяче гезов. Затем подожгли. Когда огонь разгорелся, нельзя было подойти к нему на полет стрелы, он напоминал огонь Нимруда. ¹⁶³

Мы с Мирза Байрамом потеряли друг друга. У квартала Мукриан большая толпа возглашала проклятия. Ко мне подошел один студент, которого я знал уже несколько лет и считал его суннитом и мусульманином.

Ему сказал я: “О друг, что стоять здесь и слушать эти глупости? Давай, уйдем отсюда!”

Вдруг этот злосчастный закричал: “Друзья, сюда, вот — еретик!” Как только он произнес эти слова, толпа раздалась, а я головой вперед бросился в толпу и скрылся от него. Они стали меня разыскивать [в толпе]. Тут был узкий длинный переулок, который называли Кучаи Шафталу. Едва я бросился в него, как тот незаконнорожденный нечестивец меня увидел и закричал: “Друзья, вот он!” Люди кинулись за мной по пятам, камни и комья глины дождем сыпались мне на голову, а я бежал по той улице. Внезапно передо мной появился еретик. [Преследователи] стали кричать ему, чтобы он задержал меня. Растопыбив руки, он перегородил улицу. Я сунул руку под полу, и он подумал, что я достаю нож, испугался и, прижавшись грудью к стене, сказал: “Я не намерен причинить тебе вреда, иди куда хочешь!”

Я прибежал к глубокому арыку, вода его втекала в сад через глиняную трубу. Я бросился в воду и пролез в трубу. Внутри нее оказались колья [вбитые так], что пробраться было невозможно. Я налег грудью на один кол, напрягся, кол сломался. Я вылез наружу **[376]** и выбрался на берег. ¹⁶⁴ На дне арыка была кость; когда я бросился в воду, она вонзилась мне в ногу и [сейчас из раны] текла кровь. Мне пришло в голову, что кровь укажет путь моим преследователям и в конце концов я попадусь из-за своей же крови. Тотчас снял я штаны и, крепко перевязав рану, направился в глубину сада. Я увидел полуразвалившееся строение, вошел в него, там оказались дрова, я в них спрятался.

А тот студент говорил толпе: “Дорогие, если к примеру убили бы вы Язида, неизвестно, было ли бы это более похвальным делом [чем убийство этого человека]. Это тот самый человек, который написал сатиру на шаха Исмаила и его последователей. Нет шаху лучшего подар-

ка, чем этот еретик!” Так подстрекая толпу, направлял он ее в сад. Они достигли дверей дровяного сарая. Одни говорили: “Возможно, что он скрывается в этих дровах!” другие отрицали это. Один человек сказал: “Если он не в этих дровах, то я не раб Али!” Они решили поджечь дрова. Кто-то пошел за огнем. В этот миг раздались крики: оказалось, что в этом саду был какой-то человек, который, когда появилась толпа, испугавшись, бросился бежать. За ним погнались, схватили его, отрубили голову и, воздев ее на копье, кричали: “Вот, мы нашли его!” Те, которые стояли у дверей сарая, повернули и все вышли из сада. Через некоторое время я выбрался из-под дров, но куда идти дальше — не знал. В углу сада увидел я здание и [около него] женщину, которая призывала меня знаками. Я направился к ней. Она сказала: “Сынок, сколь удивительным образом ты спасся! Войди в дом.” Она подала мне хлеб и простоквашу, говоря: “Кушай скорее и прячься в чулан : мой муж себзеварец, неравно увидит тебя, второй раз тебе уж не спастись!”

Я встал и сказал ей: “О мать, спрячь меня, ибо я погибну от страха!”

Она ввела меня в чулан, там были сложены корзины:, под этими корзинами спрятала она меня.

Едва она вышла из чулана, как [в дом] вошел ее муж и сказал: “Был я у мазара этого еретика, здорово еретика **[377]** сожгли. ¹⁶⁵. Там узнал я, что в этом самом моем саду поймали и убили еретика. Как жаль, что не оказался я при этом добром деле!”

Жена подробно рассказала ему о случившемся. Через некоторое время мужиченка ушел из дому.

Мирза Байрам, потеряв меня, остался у мазара его светлости Джамии и там услышал он о том, что меня убили в саду. Плача и разодрав воротник, принес он это известие в мой дом и затем явился в сад

во главе почти пятидесяти женщин. Увидев валявшееся в саду раздетое тело убитого человека, подняли они вопль, разодрали одежды и пали на тело. А тело лежало ничком, и моя сестра сказала: “Это не мой брат, у моего брата в середине лопатки черная родинка, а на этом теле родинки нет.”

Убедившись в этом, стали они метаться по саду, разыскивая меня, и прибежали к дому той женщины. Она ввела их в дом, а я, увидев их, с криком выскочил из чулана. Мы обнимались, прикладывались друг к другу лицом и [радостно] кричали. Мои женщины сняли с себя все браслеты и перстни и отдали их той женщине. После четвертого намаза, когда голова ясного солнца, вздетая на копья лучей, была опущена в шахристан заката, а девы мироздания ¹⁶⁶ всыпали свои перстни и браслеты — звезды в подол старухи — неба, направились мы в город и к пятому намазу благополучно добрались до дома.

Дальнейшее приключение Восифи излагаем в кратком пересказе.

Через несколько дней Восифи попадает на улице кизил-башу, который преследует его за слишком коротко подстриженные усы. Восифи спасается хитростью, направив кизилбаша по ложному следу в дом, где якобы собрались “зиаратгахские ходжи” ; они и подстригли ему для потехи усы и с них кизилбаш за это легко сможет получить не менее тысячи тенге отступного. **[378]**

Следующий эпизод разыгрывается шесть месяцев спустя (т. е. в начале 917 г. х. — 1511 г. х. э.) Он начинается следующим образом: ¹⁶⁷ “Через шесть месяцев после времени шаха Исмаила ¹⁶⁸ однажды в моем доме собралось несколько друзей. Мирза Байрам играл на конуне, Ханзаде Бульбуль бил в бубен, Сияхче читал стихи маулана Фазли, маулана Ахли, маулана Амани и маулана Мукбили импровизировали стихи, а Тахири Чакка и Махджуджук ¹⁶⁹ плясали. Вдруг вошел Шахка-

сим, молочный брат (кукальташ) Мирзы Байрама и, разрывая воротник и царапая грудь, сказал: “Во время второго дневного намаза был я у мазара имама Фахри Рази. Там была толпа людей, я осведомился и мне сказали, что из Ирака прибыл Мухибб Али, брат маддаха Хасан Али ¹⁷⁰ для того, чтобы отомстить Мирза Байраму за брата. [Мухибб Али] объявил через глашатая, что каждому, кто укажет ему Мирза Байрама, выдаст он золотых (ашрафи) по весу головы Мирза Байрама.

От этих слов маджлис перевернулся вверх дном. Собеседники, которые были вместе точно Плеяды, рассыпались точно звезды Большой Медведицы.”

Мирза Байрам, Восифи и Шахкасим решают покинуть Герат и направляются в хадж. Через пять дней они прибывают в Мешхед. “Был полдень. У лобного места собралось около тысячи человек. Перед ними выступал цыган невероятной красоты. В народе чрезвычайным распространением пользовалась песня в ладу баят, ¹⁷¹ ее приписывали ходже Абдал-лаху Марварид. Этот цыган исполнял эту песню так, что все слушатели впадали в экстаз. [379]

Восифи и его спутники присоединяются к толпе, но внезапно попадают в руки людям Мухибб Али, гнавшимся за ними по пятам из Герата. ¹⁷²

Пленников отводят к правителю (хаким) Мешхеда по имени Айн-аль-кузат (следует описание его внешности и необычайно богатого наряда; обращались к нему с титулом “халифе”). Правитель приказывает дать каждому из обвиняемых до следствия по двенадцати палок. Эта процедура называлась . Восифи характеризует ее следующим образом: “Палки выточены, длиною в гяз, на одном конце пропущен сыромятный ремень. Каждому преступнику, которого приводят, дают двенадцать ударов этой палкой, затем приступают к следствию.”

Мирза Байрама приговаривают к смерти, но, заковав, на ночь запирают в помещение, находившееся рядом с присутственным местом, где происходил суд ; там же, т. е. в пределах того же жилого комплекса, находились и личные комнаты правителя, так как Восифи и Шахкасим, подкравшись ночью к двери, за которой находился Мирза Байрам, принуждены выждать некоторое время, пока не смолкнут голоса правителя и человека, развлекавшего его на сон грядущий чтением “киссэ”. Затем Восифи и Шахкасим освобождают своего друга, взломав деревянную решетку в окне над наружной дверью. ¹⁷³ Они бегут из Мешхеда в Нишапур и к полуночи достигают “Каменной Горы” (кухи сангин), находящейся в расстоянии одного фарсаха от Мешхеда. “А эта гора является местом загородных прогулок мешхедцев и на вершине ее мирза Бабур Каландар приказал камнетесам устроить дом и ездил туда гулять с юношами.” Здесь беглецов встречают новые опасности, но они благополучно прибывают через три дня в Нишапур, для того, чтобы услышать из уст глашатая, что их разыскивают и что за сокрытие их будет [380] разграблен весь квартал, в котором они укроются, а жители его будут перебиты. Друзья снова бегут, направляясь на этот раз в Астрабад, но их разлучает болезнь Восифи, которого в бесчувственном состоянии подбирает на кладбище сердобольная нишапурская женщина. После болезни Восифи встречается с просвещенными нишапурцами, которые много слышали о нем, как о знаменитом проповеднике (ваиз), ученике и преемнике в этом искусстве самого маулана Хусейн-Ваиза.¹⁷⁴ Восифи попадает на торжество, устроенное по случаю того, что эмир Рафи-ад-дин Хусейн, молодой сын сейида эмира Зайн-аль-абидин, закончил изучение “Кафийе” и приступил к изучению “Толкования Муллы”. ¹⁷⁵ На торжество приглашены все просвещенные люди Нишапура.

Там же присутствуют певцы и музыканты. По настоянию эмира Али Асгар, брата Зейн-ад-дина, Восифи должен произнести проповедь ¹⁷⁶.

“Из соборной мечети принесли мимбар, поставили его у айвана, в середине двора, зажгли факелы. Около тысячи нишапурцев, мужчин и женщин; собралось [кругом] на крышах, стенах и деревьях”.

Привожу ниже в приложениях полностью текст и перевод проповеди Восифи, так как до настоящего времени, насколько мне известно, в научной литературе не было опубликовано ни одного образца такой проповеди и вообще нет указаний на форму и содержание популярных проповедей, имевших, конечно, огромное влияние на все слои общества, в [381] особенности на простых горожан. Указание Восифи на стечение слушателей может быть весьма преувеличено. Если оно даже вовсе вымышлено, то и в виде вымысла имеет для нас значение, так как этот вымысел хорошо документирует тот факт, что во времена Восифи особое значение придавалось именно популярности, так сказать — всенародности подобных проповедей. В части проповеди, и, вероятно, только в этой части, семейное и, конечно, сословно замкнутое торжество вынесено в широкую аудиторию. Тема и форма проповеди целиком приспособлены к этой аудитории. Указание Восифи на то, что тема проповеди возникла в его голове быстро и без подготовки, дает возможность предположить, что этот эпизод из жития Хасана и Хусейна был довольно известен. Сюжет исключительно прост, развязка определяется простой и остроумной игрой слов. Действующие лица — Мухаммад, Хасан и Хусейн даны как самые простые люди, в самой обыкновенной, житейской, современной слушателям ситуации. Чудесный (волшебный) момент наивен и непосредственен, как в сказке. Так же как в сказке, прост и ясен язык проповеди. Само собой разумеется, что сила эмоционального воздействия этой проповеди заключалась

прежде всего в утраченной для нас речевой ее стороне, где и проявлялось искусство ваиза.

За эту проповедь Восифи получает от эмира Зейн-аль-абидин чекмень красного сукна, ¹⁷⁷ происходивший, якобы, из личного гардероба шаха Исмаила, и три коня в полной сбруе.

Благополучие Восифи в Нишапуре кончается плачевным образом, благодаря ночному походу, предпринятому им совместно с эмиром Кивам-ад-дин Джафаром, старшим сыном Зейн-аль-абидина, возвратившимся к тому времени из Ирака, куда он ездил на поклон к шаху Исмаилу. Восифи попадает в чужом саду, его запирают в “балахане”, из которой он бежит, разрезав железную решетку “франкским ножом.”

Слово “франкский (фаранги)” дают только рукописи п. н. с. 204 (л. 235) и Т. (л. 602), в рукописях В и С оно отсутствует. Однако здесь, может быть, дело не в фантазии переписчиков рукописей Т и п. н. с., так как имеется [382] ряд определенных сведений о присутствии европейских вещей в Герате конца XV — начала XVI вв.

Упоминание о присутствии европейского каравана в Герате XV в. известно до сих пор одно: оно почерпнуто В. В. Бартольд у Хондемира. ¹⁷⁸ Упоминания в текстах о европейских вещах в Герате этого времени таковы: 1) у Восифи: паласные ковры (гилим), ¹⁷⁹ очень часто красное (судя по названию) сукно “сакарлат” одежда из которого являлась предметом роскоши, и, быть может, приведенный выше нож; 2) часы, привезенные из Ференгистана и переданные местному художнику для копирования росписи ящика (?); ¹⁸⁰ 3) европейская пушка “фенгени” которой пользовался Бабур, ¹⁸¹ и, наконец, европейские очки, которые по собственному свидетельству в поэме “Саламан и Абсаль” носил в старости, страдая слабостью зрения, Абд-ар-рахман Джами. ¹⁸²

“Глаза мои ни на что не годятся,
Если не учетверены они франкскими стеклами.”

Посещавшие Герат европейцы, скрывающиеся за безличным термином “ференги” были вероятно итальянцы-генуэзцы или венецианцы, в руках которых, как известно, находилась в то время торговля с Передним Востоком.

Некоторое недоумение вызывает упоминание ковров. Термин “гиллим” в тексте свидетельствует, если исходить из современных представлений, что здесь имеются в виду безворсные ковры, так назыв. “паласной техники.” В таком случае это могли бы быть шпалеры европейской работы. Текст в данном случае не совсем ясен, в частности неясны термины “махфури” и “мусальсаль.” Сукно, нож у Восифи, очки у Джамии упомянуты как вещь известные, т. е., очевидно, ко времени упоминания (конец XV в.) распространенные в быту [383] привилегированных кругов Герата. Следовательно, начало их проникновения, первое появление их в восточных областях тимуридского государства должно быть отнесено к более раннему времени.

Сбежав из плена, Восифи опять попадает в беду: у самого Нишапура его ловят, приняв за вора, кочевники (“жители палаток”), жестоко избивают и сажают в колодки. Здесь его обнаруживают знакомые гератцы. Встреча Восифи с этими гератцами описана следующим образом: “Через некоторое время один из этих людей вошел в палатку ¹⁸³ и, пристально всмотревшись в меня, спросил: “Вы не из Хорасана?” Я ответил: “Да!” Он сказал: “Не были ли вы там знакомы с эмиром Шахвали Кукальташ?” Я ответил: “Я учитель его сына.”

Он вскрикнул и бросился ко мне: “Так вы мулла Восифи и в таком состоянии! Что случилось?!”

Он обнял меня за шею и сказал: “Вы не узнаете меня? Я Султан-Мурад, золотых дел мастер эмира Шахмансура.”

Вслед затем Восифи со своими земляками благополучно возвращается в Герат.

Наибольший интерес представляет та часть рассказа Восифи, в которой описаны подробности установления сефевидской власти в Герате. Для определения исторической верности повествования Восифи приводим перевод небольшого отрывка из “Хабиб-ас-сияр” Хондемира,¹⁸⁴ посвященного описанию тех же событий: прибытие в Герат посланца шаха Исмаила, оглашение реляции (“фатхнаме”) и гибель чтеца в соборной мечети.

Соответствующая глава содержит в начале сведение о том, что вести о победе Исмаила Сефеви над Шейбани-ханом под Мервом была разослана по всем областям и официально доводилась до сведения населения путем оглашения специально составленных реляций — победных грамот (фатхнаме). В Герат реляцию привез Кулиджан-бек (у Восифи — “Кули-хан”), родственник известного эмира Наджма Сани; он прибыл вечером 7 рамазана 916 г. х. (9 декабря 1510 г. х. э.). [384]

“На утро следующего дня сейиды и вельможи, ¹⁸⁵ как шейх-аль-ислам Сейф-аль-миллат вад-дин Ахмад Тафтазани, эмир Низам-ад-дин Абд-аль-кадир Мешхеди, сейид Гияс-ад-дин Мухаммад сын эмира Джалал-ад-дина Юсуфа Рази, кази Садр-ад-дин Мухаммад Имами, кази Ихтиар-ад-дин Хасан Турбати собрались в для поднесения подарков в знак подданства. Некоторые из них направились встречать Кулиджанбека.

В это время толпа головорезов и смутьянов напала на них с обнаженными мечами и, проникнув в самое помещение, тут же на глазах у

вельмож, зарубили Мухаммада, который был “шихне” города, а также асаса Мухаммада Али, который плохо обращался с людьми.

Смута дошла до того, что было убито около ста человек, имевших связи с узбеками. В тот же день к послеобеденному намазу прибыл в город Кулиджан-бек, ¹⁸⁶ вселил в народ надежды на шахские милости, умирил смутьянов и представил вельможам и знатым победную грамоту, предназначенную гератцам.

На следующий день знатные и простые устремились в соборную мечеть. Для прочтения шахской грамоты на мимбар поднялся хафиз Зейн-ад-дин Зиаратгахи и стал читать ее приятным голосом на красивый напев.

Однако, несмотря на внушение стоявших у подножия мимбара кизилбашей ¹⁸⁷ у него не повернулся язык на произнесение хулы противникам Али. В наказание он тут же в мечети отдал богу душу под ударами меча Кулиджан-бека. Все бывшие в мечети в ужасе разбежались”.

Далее сообщается, что 15 числа того же месяца в Герат прибыл эмир Наджми Сани, а 20-го — сам шах Исмаил.

Его кратковременное пребывание в Герате ознаменовалось, между прочим, жестокою казнью нескольких вельмож, уличенных в питье вина, хотя и после окончания поста.

Описания этих событий у Восифи и Хондемира в части **[385]** фактов почти совпадают. Описание Восифи дает, однако, ряд замечательных реальных подробностей, отсутствующих у Хондемира. Наличие этих подробностей и совпадение с Хондемиром в части основных фактов не оставляют сомнения в том, что Восифи писал как очевидец, в основном не искажая действительности.

Интереснее всего, конечно, возникающая из рассказа Восифи картина религиозной и политической борьбы, вспыхнувшей в Герате после занятия его кизилбашами. Наличие этой борьбы засвидетельствовано вполне и Хондемиром (убийство шихне и 'ас'аса, убийство чтеца грамоты).

При этом, конечно, не следует забывать, что Восифи пишет для заведомо суннитской аудитории (двор Кельди Мухаммада). Однако, “бесстрастные” свидетельства Хондемира подтверждают основные факты антисуннитских репрессий в Герате, описываемые Восифи, и тенденциозность Восифи может проявляться только во второстепенных подробностях (например в том, что никто не подымал разбрасывавшихся кизилбашами в мечети монет, или в том, что Восифи был автором сатиры на Исмаила Сефевии и его партию и т. п.).

Суннитско-шиитские противоречия, несомненно, имели место в Герате и до прихода кизилбашей, как установил В. В. Бартольд,¹⁸⁸ “но без резкой вражды”, нося сравнительно “безобидный характер”. Из приведенных В. В. Бартольдом фактов явствует, что суннитство было все же господствующим толком, и наиболее резкие выступления сторонников шиизма подавлялись силой. Так в 1469 г. шиитский проповедник был снят с мимбара вследствие жалобы султану возмущенных проповедью суннитов. Восифи, как мы видели, приводит такой же случай, произошедший на несколько лет позже и кончившийся хуже: шиитский проповедник был казнен. Правда, к этой казни следует отнестись с осторожностью. Не нужно забывать, что рассказ был средактирован при дворе узбекского князя, где Восифи имел основания подчеркивать антишиитский момент; кроме того, гибель проповедника является завязывающим интригу элементом сюжета.

Царившая в Герате конфессиональная терпимость чрезвычайно наглядно показана и у Восифи в приведенном выше [386] выражении: “В этом городе много подобных ему злосчастных (т. е. шиитов) и таких, как мы с тобой, суннитов [тоже] не счесть! Зачем же нам стремиться к гибели этого еретика?” Эти слова дают представление и о численном соотношении представителей обоих толков.

Число шиитов в Герате было, несомненно, значительно. Если верны высказанные выше соображения о шиитской подоплеке народного выступления по случаю казни царевича Мухаммад-Мумина, то количество принимавших участие в шиитском выступлении гератцев велико. Однако и эти выступления не носили сколько-нибудь действенного характера.

Фактами из области религиозного антагонизма времени правления Султан-Хусейна богат и приведенный выше рассказ о мешхедских приключениях Восифи и Гияс-ад-дина. Вся первая часть этого рассказа выдержана в антишиитском духе. Следует думать, что эта часть является сводной редакцией наиболее примечательных образцов того антишиитского репертуара, с которым Восифи, несомненно, выступал на маджлисах своего узбекского патрона Кельди Мухаммада. ¹⁸⁹

Антишиитские выступления Восифи разыгрываются в Мешхеде — шиитском центре, чем подчеркивается опасность, грозившая Восифи, как сунниту. В то же время сунниты могли совершенно спокойно жить постоянно в Мешхеде, но это объяснялось исключительно влиянием религиозной политики Султан-Хусейна.

Безопасность суннитов в Мешхеде в это время была столь значительна, что сунниту, пролившему кровь шиита и преследуемому по пятам шиитами, достаточно было вбежать в дом, “где случайно находились сунниты”, чтобы считаться спасенным. ¹⁹⁰ В этом рассказе

привлекают внимание деревянные изображения пророка и первых халифов; в упоминании о них можно видеть указание на существование специальных культовых шиитских изображений.

В этом же эпизоде главным действующим лицом выступает сеистанец. По ходу дела ясно, что слово “сеистанец” применено здесь в значении “заведомый суннит”, “суннит по [387] преимуществу”. В таком же смысле применено выражение “хорасанец” (равноценное выражению “гератец”), ¹⁹¹ тогда как определение “себзеварец” должно выразить представление о заведомом, злостном шиите. ¹⁹² С шиизмом же в первую очередь связывается представление о мешхедце. Мешхед показан как город шиитский по преимуществу. Представление об Ираке, как заведомо шиитской области, было настолько сильно, что поэт Бинаи, уезжая под давлением Навои в Ирак” имел возможность построить на этом представлении эффектное двустиие:

“Если ты возлюбил Хусейна и прямо говоришь об этом,
То не сопротивляйся [инакомыслящим] и пусться в Ирак”. ¹⁹³

В настоящее время мы еще не располагаем данными для уяснения сущности религиозных противоречий в Герате XV в., т. е. уяснения общественных движений, облекавшихся в формы того и другого религиозного толка. При изучении этого вопроса большое значение имеют, в частности, догматические сочинения этого времени, как, например, поэма “Сильсилат-аз-захаб” Абд-ар-рахмана Джамии, написанная в 1485 г. и носящая ярко выраженный антишиитский полемический характер.¹⁹⁴

Захват Герата Исмаилом Сефевии обозначал безоговорочную победу шиизма. Пресловутая Гератская терпимость и “безобидность” в

религиозных вопросах заменилась самой резкой нетерпимостью. В эти дни каждый гератец должен был четко, в практическом плане, решить вопрос о своей конфессиональной принадлежности, хотя прежде этот вопрос, вероятно, был для многих далеко не ясен. Произошла резкая активизация шиит-скэго элемента общества, как необходимое следствие неясного [388] нам еще обострения общественного расслоения под влиянием внешнего толчка.

Герат стал свидетелем кровавых антисуннитских эксцессов. Уже накануне официального установления новой власти наиболее активные элементы низших слоев городского населения (“смутьяны и головорезы” в терминологии Хондемира), пользуясь новой обстановкой, убили своих непосредственных врагов, двух чиновников, осуществлявших полицейскую власть в Герате — шихне и 'ас'аса. Кроме того, было убито около ста человек, имевших связи с узбеками. На следующий день, Кули-джан, представитель Исмаила Сефевии, усмирил волнения. В соборной мечети была прочитана грамота Исмаила. При этом уже после усмирения был убит чтец (хафиз), уклонившийся от произнесения той части грамоты, которая содержала проклятие в шиитском духе.

Таков ход событий в изложении Хондемира. Восифи дает отличную и более верную картину. Он ничего не говорит о каких-либо преследованиях суннитов, или лиц, связанных с узбеками, накануне оглашения грамоты. Восифи в числе других студентов проводит тревожную ночь в медресе. На утро глашатай сзывает население в мечеть. Сцена оглашения грамоты и убийства Хафиза описана с подробностями, естественными в мемуарах очевидца и невозможными в летописи. Убийство хафиза официальным представителем Исмаила могло быть только преднамеренным сигналом к убийствам суннитов на

улицах Герата и к дальнейшим, опускаемым Хондемиром, эксцессам, как сожжение мазара Джамии. Обратный ход событий, т. е. выступление “головорезов”, быстро усмирённых, и затем демонстративное убийство Хафиза в соборной мечети, представляется неправдоподобным.

Острые формы преследования суннитов в Герате после установления сефевидской власти продолжались, повидимому, недолго. Во всяком случае, через шесть месяцев после кровавых событий в доме Восифи происходит обычный, вероятно, для досефевидского Герата, маджлис — веселое сборище поэтов, с музыкой, декламацией стихов и плясками. Все же маджлис оказался прерванным под влиянием опасности, возникшей на почве религиозной нетерпимости. Восифи принужден бежать, но через некоторое время опять возвращается. Однако **[389]** антисуннитская политика Гератских наместников Исмаила приняла хотя и менее острый, но все же прочный, систематический характер, и Восифи не мог оставаться в Герате. Через два года после мервской битвы, в мухарраме 918 г. х. (апрель 1512 г. х. э.) Восифи бежит в Мавераннахр ¹⁹⁵ с тем, чтобы больше никогда не вернуться на родину. Перед самым отъездом Восифи пишет две больших подражательных оды. ¹⁹⁶

Рассмотрение биографии Восифи в Средней Азии, начиная с момента его бегства из Хорасана, не входит в задачу настоящей работы. ¹⁹⁷. Следует остановиться только на имеющемся в мемуарах противоречии в связи с годом отъезда Восифи из Хорасана. Как было указано, ¹⁹⁸ это противоречие заключается в том, что некоторые главы мемуаров, описывающие события жизни Восифи в Средней Азии, датируют эти события периодом до 918 г. х., т. е. до выезда Восифи из Хорасана. Затруднение увеличивается еще тем, что датировка одной из этих глав, а именно гл. 10-ой (916 г.х.), подтверждается на основа-

нии другого источника. Глава 10 содержит упоминание о том, что во время описываемых событий пришло известие о рождении у Убайдулла-хана сына, которому дается имя Абд-аль-азиз. Год рождения Абд-аль-азиза, сына Убайдулла-хана, определяется из данных тезкире Хасана Нисари “Музаккир-аль-ахбаб”: это 916 г. х. (1510/11). ¹⁹⁹

Чем больше достоверности приобретает датировка глав, выпадающих из общей хронологии мемуаров, тем больше вероятности неизбежно приобретает то заключение, что Восифи был в Средней Азии и до 918 г. х., в 915—916 гг. х. Теоретически это возможно, так как промежуток между 913 и 916 гг. х. в мемуарах как мы видели, не освещен. Однако это возможно лишь при том условии, что к самому началу рамазана 916 г. х. Восифи уже должен был вернуться в Герат, чтобы иметь **[390]** возможность описывать в качестве очевидца переход власти в руки Исмаила Сефеви.

Не углубляя здесь этого вопроса, отметим лишь то, что “сомнительные” датировки, вероятно, могут быть элиминированы при помощи сравнения нескольких авторитетных рукописей мемуаров. Однако главная трудность заключается в датировке гл. 10 рождением Абд-аль-азиза. ²⁰⁰

Резюмируя приведенные выше сведения о жизни и деятельности Восифи, получаем следующую картину, построенную как на прямых указаниях, так и на выводах.

Восифи родился в 890 г. х. (1485) в Герате и вырос в семье обеспеченного среднего горожанина, вероятно, чиновника типа мунши, имевшего много родственников в том же среднем чиновничьем кругу и среди торговцев. Этот круг являлся активным носителем культурной жизни Герата. В 901 г. х. (1495/96) Восифи уже, повидимому, посещает мактаб (медресе?) и непрерывно возвращается в культурной городской

среде, в обществе студентов, поэтов и т. п. В 903 г. х. (1497) Восифи присутствует в Герате при событиях, связанных с казнью царевича Мухаммад-Мумина и вслед за тем является свидетелем казни везира Низам-аль-мулька и его сыновей. В это время, т. е. 13—14 лет от роду, Восифи уже имеет возможность проявить свои выдающиеся познания в области стихотворного искусства, полученные им, несомненно, самостоятельно. Он также преуспевал (неизвестно — в это время или позже) и в области проповеднического искусства, которому обучался у самого Хусейна Кашифи. В 16 лет, т. е. в 906 г. х. (1500/01), Восифи окончил первую ступень обучения — коран и приступил к следующей ступени, т. е. к “наукам”, уже, вероятно, в медресе. Параллельно он изучил искусство муамма. Благодаря своей славе, как знатока муамма, Восифи в этом же году получает единственную в своей жизни аудиенцию у Алишера Навои.

В том же году Восифи поступает домашним учителем детей крупного джагайтского эмира Шахвали, продолжая свои занятия в медресе.

[391]

Следующая дата биографии Восифи — 913 г. х. Восифи принимает совместно со своим двоюродным братом Гияс-ад-дином богатое приключениями путешествие в Мешхед. На эти же годы по необходимости приходится точно недатируемое пребывание Восифи при дворе тимуридского царевича Фаридун-Хусейна в качестве писца и секретаря. Эти обстоятельства не мешают ему заниматься в медресе.

К 913 г. х. (1507/08) Восифи, продолжая занятия в медресе, является уже законченным поэтом. В этом году он пишет длинную касыду, посвященную своим сотоварищам по учению в медресе Шахруха и блестящее, трудное по технике, большое произведение под названием “Удивительная Пятерица”. Незадолго до написания этого произведения

Герат попадает под власть Шейбани-хана. Все связанные с этим события своей жизни Восифи описывает как очевидец в чрезвычайно искусной, богатой чертами быта, приключенческой новелле, представляющей составную часть мемуаров.

Из-за своей связи с представителями джагатайской аристократии Восифи должен тогда же бежать в Сеистан, но скоро возвращается в Герат. После этого мог иметь место, если он вообще имел место, первый выезд Восифи в Среднюю Азию.

В рамазане 916 г. х. (декабрь 1510 г. х. э.) Восифи, все еще слушатель медресе, присутствует при установлении в Герате власти Исмaила Сефеви. События этого времени он описывает в другой, столь же примечательной новелле, дающей много материала для выяснения суннитско-шиитских отношений того времени. Несомненный суннит, Восифи испытывает на себе всю тяжесть религиозных гонений и в 918 г. х. (1512), в возрасте 28 лет, принужден эмигрировать в Мавераннахр в числе многих подобных ему представителей городского культурного круга. К этому времени Восифи в совершенстве владел всеми тонкостями литературного языка, как в применении к поэзии, так и к прозе, был искусным мунши, знаменитым знатоком муамма, славным проповедником, чтецом корана и опытным каллиграфом. В продолжение всей своей сознательной жизни в Герате, т. е. в течение не менее 17 лет, Восифи был слушателем сперва, вероятно, мактаба, затем медресе и продолжал им быть и в течение некоторого [392] времени в Самарканде, во всяком случае слушал в Самарканде лекции выдающихся мударрисов.²⁰¹ Восифи знал арабский язык в такой степени, что мог цитировать и составлять самостоятельно арабские тексты, как, например, многочисленные вставки в реторические периоды, тексты практического назначения, как-то: родословные, надписи для построек

и мавзолеев и т. п. ²⁰² Относительно узбекского (“турки”) Восифи в одном месте говорит, что он его не знал, ²⁰³ хотя в другом месте приведены его стихи на старо-узбекском (джагатайском) языках. ²⁰⁴

Персидским литературным языком Восифи владел в совершенстве, во всех его областях: поэзия, проза, последнее как в применении к художественному произведению, так и к деловому документу. Вместе с тем, бытовые авантурные новеллы Восифи, входящие составной частью в мемуары, написаны простым, ясным и легким, чрезвычайно выразительным языком, совершенно замечательным для того времени сугубого культивирования реторики.

Главнейшие поэтические произведения Гератского периода жизни Восифи таковы. Большая касыда, написанная в 913 г. х. (1507/08), после занятия Герата узбеками. Эта касыда направлена против некоторых товарищей — соучеников Восифи, слушателей Исам-ад-дин Ибрахима, ²⁰⁵ и обличает интимные отношения студентов, перечисленных в касыде по именам. Касыда представляет собой очень эффектное, технически совершенное произведение. Отсутствие традиционной или мистической тематики делает его ярким, живым и по содержанию. Эта касыда написана формально в подражание (татаббу) “Клятвенной оде” Камалы Исмаила Исфакхани.

В том же году было написано другое произведение, так называемая “Удивительная Пятерица”. В рассказе о ней ²⁰⁶ упоминается несколько других стихотворений, повидимому, **[393]** написанных в предыдущие годы. Это подражание — “ответ” на оду Катиби, оригинальные произведения — газель в четырех размерах и ода лугз-муамма [типа так называемых (масну)], подражание знаменитой “четверичной” оде Джебели. ²⁰⁷ “Удивительная Пятерица” представляет собой пять небольших оригинальных газелей, ²⁰⁸ замечательных только

своей техникой. Вероятно, в этот список вошли только наиболее примечательные с точки зрения автора вещи, написанные им по 913 г. х. включительно.

Перед отъездом (в начале 918 г. х. —1512 г. х. э.) в Мавераннахр, Восифи пишет два огромных панегирика — подражания Камалю Исмаилу и Сальману Саваджи. Вслед затем, по дороге, Восифи декламирует две экспромтом сочиненные лирические газели и затем пишет новое большое подражательное произведение — панегирик купцу, начальнику каравана в виде “ответа” на “Клятвенную оду” Сальмана Саваджи. На берегу Аму-Дарьи Восифи декламирует это, последнее свое в родном Хорасане, произведение.

Все эти вещи написаны, если это не преувеличение, на протяжении нескольких дней пути. Такая плодовитость, продолжавшаяся неослабно и по приезде в Самарканд, и высокая техника стиха показывают, что и в промежутке между 913 и 918 гг. х. Восифи не переставал упражняться в поэтическом искусстве.

До 917 г. х. им был также написан интересный, к сожалению, не дошедший до нас, документ — “челобитная зиаратгахских людей, стиль которой удался чрезвычайно хорошо”. ²⁰⁹ Эти слова приписаны сефевидскому полководцу Наджми Сани, произнесшему их, якобы, во время осады Гиждувана [394] (918/1512 г.), услышав принадлежащий перу Восифи лугз “Нарды”. ²¹⁰

Упомянутый лугз “Нарды” был прочтен эмиру Наджми Сани в 918 г. х.; тем самым лугз должен был быть написан Восифи до этой даты. Текст лугза приведен вместе с одиннадцатью другими лугзами в конце гл. 6 мемуаров (“Мемуары”, стр. 237). Эти лугзы, как и лугз “Нарды”, носят чисто панегирический характер: во многих из них прямо названо восхваляемое лицо — узбекский князь [Кельди] Мухаммад, на службу

которому Восифи поступает гораздо позже. ²¹¹ В этой связи отнесение лугза “Нарды” ко времени до 918 г. х. вызывает сомнения.

Восифи придает значение не только своему поэтическому дарованию, но и своим знаниям в области поэтики, применяемым к критике литературных произведений других авторов.

Критические выступления происходили на многолюдных литературных собраниях — маджлисах, влекли к оживленному обмену мнений, к шумным, горячим диспутам. Восифи в мемуарах описывает несколько таких собраний не только в Герате, но и в городах Мавераннахра. Таковы выступление поэта Гавваси и самого Восифи на описанном выше сборе в городском саду по поводу казни царевича Мухаммад-Мумина, общественный диспут по поводу текста арабской эпитафии Суюндж-хана в Самарканде, ²¹² на котором Восифи доказывает несостоятельность текста, составленного конкурентом. Глава 28 мемуаров специально посвящена двум критическим выступлениям Восифи. Первое происходит при дворе Кельди Мухаммада и посвящено неудачной оде, представленной этому узбекскому князю. Вслед за тем Восифи, в утешение автору оды, [395] рассказывает о другом своем выступлении, происшедшем ранее в Герате, на маджлисе садра Марвариды. Привожу перевод начала соответствующего рассказа. ²¹³

“Однажды на маджлисе ходжа Абдаллах Садр Марвариды, присутствовали поэты и образованные люди Хорасана, как Хилали, Ахли, Фазли, Зулали, Хирати, Рухи, Хали, Амани, Кайли Мукбили, Анвари Диване и др. Случайно на этом маджлисе оказался диван его светлости Абд-ар-рахмана Джамии. ²¹⁴ Ходжаги [Марварид] сказал: “Раскройте [диван] на удачу ” (Раскрыли), попалась газель:

Маулана Джани сказал: “Много достойных и великих писали газели на редиф, однако никто не мог достичь прелести газели ходжа Асафи” — и продекламировал следующие строчки:

“Как зажгла ты огнем вина белое лицо,
Свеча [для] бабочки запалила белые волосы”.

Маулана Мухаммад Асили, нагнувшись к моему уху, сказал: “Помните, как то усматривали вы в этих строках некий недостаток?”

Ходжа Асафи оказался тут и спросил: “О чем разговор?” Асили ответил: “Они ²¹⁵ усматривают в строках недостаток.”

Все обратились ко мне (со словами): “Что за недостаток? Никому никогда не приходило это в голову!”

Ходжа Асафи стал спорить и противоречить. Я сказал: “Мне думается, нет ли сомнения в том, что свеча в зависти зажигает себе волосы? Где это бывает, чтобы в зависти зажигали себе волосы? Это соответствовало бы тому, что если бы у красавицы загорелись от вина щеки, а старуха от зависти запалила бы свои седые волосы!”

Как я сказал это, все расхохотались, а ходжу Асафи постиг великий стыд. Тут некоторые из присутствующих пустились было со мною в спор. Но ходжа [Марварид] заявил: “Я не согласен с вашим криком. Он прав!” **[396]**

Далее Восифи таким же образом разоблачает недостатки отдельных стихов поэтов Хилали, Ахли, Хирати, Рухи, Мукбили и Риази.

Критика выражалась, главным образом, в выявлении технических недостатков стиха, неблагозвучий, нарушений размера, противоречий здравому смыслу и т. п. Имеется, однако, пример и более глубокого

критического анализа — это определение оригинальных (не подражательных) образов стихов Катиби и Джами. ²¹⁶

В связи с этим можно сделать вывод о существовании литературной критики в понимании того времени как о самостоятельной, органической части литературной жизни Герата, игравшей значительную роль в ее развитии.

Из перечисленных выше произведений Восифи все самые значительные и наиболее им ценимые являются подражаниями известным образцам классической литературы предшествовавших периодов. Таковы оды-подражания Катиби (ум. около 1436 г.), Джебели (ум. 1160 г.), Камалю Исмаилу (ум. около 1237 г.), Сальману Саваджи (ум. 1379 г.).

Оригинальны (конечно, только в смысле отсутствия прямого подражания определенному образцу) только 3—4 небольших газели. В этом отношении Восифи, конечно, не представлял исключения. Таков был, как известно, в основном, дух всего Гератского литературного круга. Блестящая техника, развитая в подражательном стиле, являлась основной чертой творчества поистине огромного для одного места и времени количества поэтов Герата. Многие из них нам совершенно неизвестны, других мы знаем только по именам. Восифи, не напиши он своих замечательных мемуаров, несомненно разделил бы участь своих многочисленных собратьев — “меньших поэтов”, потонувших в общем блеске славы Гератского культурного круга и таких могучих его представителей, как Навои и Джами.

Однако для истории культуры особенно важно знание как раз того “второстепенного”, по значению, состава Гератского [397] общества, который являлся основным народным субстратом культурной деятельности, из которого вырастали большие прославленные индивидуумы, жившие и творившие в полной органической связи с ним.

В этом аспекте непосредственный интерес представляет выяснение уровня образования и знаний “средних гератцев” вроде Восифи, активно участвовавших в культурном процессе. Выше уже были приведены некоторые данные в этой области (например, характеристики родственников Восифи). Подытоживая эти данные, дополним их объединением разбросанных по мемуарам Восифи сведений о дисциплинах, изучавшихся в медресе и вне их, о последовательности изучения отдельных дисциплин и о некоторых учебных пособиях и руководствах, применявшихся в Герате во время Восифи. В мемуарах (гл. 21) приводится легендарная биография Авиценны. В ней большое место отводится обучению Авиценны, причем перечислены все науки, которые он превзошел в последовательности их прохождения, а также косвенным образом упомянуты пособия, которыми Авиценна пользовался. Не подлежит сомнению, что в этом перечислении отражены нормы, действовавшие во время Восифи, с той лишь разницей, что Авиценне приписана некая программа-максимум, а практика отличалась, конечно, меньшим количеством изученных дисциплин и проработанных пособий.²¹⁷ Упоминания учебных пособий в рассказе об Авиценне приводятся иносказательно в риторических периодах, описывающих совершенства его в той или иной науке, как например: ²¹⁸ [398]

Перевод: ²¹⁹ “Когда склонность его духа устремилась к изучению синтаксиса, бог поместил в сосуд несравненного его духа лучшее из лучшего знаний (лубби лубаб) при помощи совершенного (кафийе) руководства (хидайе) и полноценной (вафийе) помощи (инайе), а также присоединил нить его счастливого духа к тонкостям сей науки [своими] высокими указаниями (ишареи алиийе) и прозрачными (шафийе) намеками, минуя посредство учителей.”

В этом отрывке слова *кафийе*, *вафийе* и *шафийе* являются бесспорно названиями распространенных грамматических пособий. Слова *ишареи аллийе* и *лубби лубаб*, также могут быть отнесены к названиям книг (см. ниже).

Первым этапом обучения начинающего являлся арабский алфавит, начертание и связь отдельных его знаков (“Мемуары”. стр. 239; Авиц.). Далее шел коран, который читался без понимания, так как арабскую грамматику изучали позже. Задача заключалась, очевидно, в приобретении навыков традиционного чтения вслух коранического текста. Чтение представляло собой, как известно, очень разработанную напевную декламацию для большой аудитории.²²⁰ В этой области можно было достичь усвоения семи традиционных способов чтения корана (декламаторских напевов). На это требовалось много лет.²²¹ Об Авиценне говорится, что он научился художественному чтению Корана в один год; это приводится как пример его чудесной, неслыханной одаренности, наряду с таким примером, как сознательное взрослое понимание окружающей действительности еще в грудном возрасте, до овладения умением говорить.

Успешно окончивший этот раздел обучения, вероятно, уже считался Хафизом и тем приобретал определенную профессию. [399]

Пособием при овладении искусством художественного чтения корана являлась книга Шатиби²²² (ею пользовались и в Мавераннахре),²²³ в первую очередь, вероятно, многочисленными толкованиям на нее.

После корана переходили к арабской грамматике, сначала морфология (сарф), затем синтаксис (нахв).²²⁴ Учебным пособием по сарфу Восифи называет стихотворный трактат Джами.²²⁵ Кроме того, в риторическом периоде, посвященном достижениям Авиценны в облас-

ти сарфа, встречается выражение, которое может быть, в иносказательном плане, имеет в виду трактат по сарфу Камаль-ад-дина ибн аль-Анбари ан-Нахви, носящий название и написанный в 577 г. х. (1181). ²²⁶ Если это так, то значит и этот трактат фигурировал в Гератском преподавании. Ханыков ²²⁷ приводит название двух других пособий для изучения сарфа в бухарских медресе: Шафийе и Вафийе. Они также упоминаются Восифи, но в связи с изучением нахва (Авиц.)

Из пособий по нахву в Герате на первом месте стояла “Кафийе”, ²²⁸ иносказательно упомянутая в приведенной тираде из биографии Авиценны.

Употребление “Кафийе” в практике преподавания подтверждается в мемуарах Восифи приведенным выше ²²⁹ рассказом о занятиях молодого нишапурского аристократа. Согласно [400] программы этих занятий, за изучением “Кафийе” шло изучение толкования на нее Джамии. Очено большое количество списков “Кафийе” и толкований на нее в происходящей из Бухары коллекции арабских рукописей, ²³⁰ также указывает на значительное распространение этого учебника и в более позднее время. Указывает на это и список Ханыкова. ²³¹

Другим пособием по нахву служила “Шафийе”. Это — краткий учебник грамматики того же ибн аль-Хаджиба. ²³²

Намек на этот учебник в биографии Авиценны подтверждается упоминанием книги в другом месте мемуаров Восифи, ²³³ а также и в списке Ханыкова. ²³⁴ Столь же точно определяется третий намек в биографии Авиценны — *вафийе*. Грамматических сочинений с таким названием довольно много ²³⁵. В данном случае имеется в виду, очевидно, стихотворный шарх на упомянутую “Кафийе” Ибн аль-Хаджиба, принадлежащий ему же; на это указывает упоминание “Вафийе” в контек-

сте с “Кафийе” (Авиц.) и наличие именно этой “Вафийе” в списке Ханыкова. ²³⁶

В приведенной риторической тираде из биографии Авиценны, есть еще четыре возможности усмотреть иносказательные обозначения названий учебных пособий. Это *ишареи алийе*, *лубби лубаз*, *хидайе* и *инайе* (*инаят*). Для трех первых выражений не удастся подыскать точного соответствия в названиях известных произведений, нет и других данных об употреблении в Гератской жизни произведений с таким или близким названием. Так, в *ишареи алийе* можно было бы видеть название двух грамматических сочинений разных авторов. ²³⁷ *Лубби лубаб* с большей вероятностью мог бы соответствовать названию также двух грамматических сочинений [401], из которых второе есть сокращенный вариант (мухтасар) “Кафийе”, но не упомянутой Ибн-аль-Хаджиба, а Бейзави. ²³⁸ Наличие другой работы (тафсир) этого же Бейзави в практике преподавания в медресе вообще засвидетельствовано Ханыковым. ²³⁹ Наконец, в *хидайе* и *инайе* можно было бы видеть название двух сочинений, отмеченных Ханыковым в программе бухарских медресе. ²⁴⁰

За нахвом следовала реторика — (Авиц.). В соответствующей риторической тираде ²⁴¹ биографии Авиценны можно усмотреть указание на два учебных пособия в этой области: слово *мутавааль* соответствует, комментарию Тафтазани (ум. 791/1389 г.) на книгу по реторике Сирадж-ад-дина Саккаки (ум 626/1229). ²⁴² Упоминание “Мифтах-аль-улум” в том же списке Ханыкова ²⁴³ только подтверждает наше отождествление и позволяет предположить, что выражение *мифтах-аль-баян* в той же риторической тираде имеет в виду как раз сочинение “Мифтах-аль-улум”, которое ведь посвящено именно “баяну”. О чрезвычайно широком распространении “Мутававаля” в более позднюю эпоху говорит

и отмеченное мною в другой работе ²⁴⁴ упоминание “Мутаваля” в лирическом стихе, написанном в Файзабаде (Бадахшан), в самом начале XIX в. Выражение в тираде можно отождествить лишь с руководством по риторике принадлежащим перу Абд-аль-кахира Джурджани, умершего в 474 г. х. (1081). ²⁴⁵

Мне неизвестно, что могло бы иметь в виду выражение *иншаи мухтасар* этой же тирады, если это опять намек на какое-либо сочинение по риторике. [402]

Окончив ретику, учащийся переходил к логике (Авиц). Здесь иносказание в биографии Авиценны (*шамсийе*) расшифровывается легко: пособием по логике являлось сочинение Наджм-ад-дина аль-Казвини аль-Катиби (Дабиран) (ум. 675/1276), под названием . ²⁴⁶

Распространенность этой книги в Герате явствует из цитировавшегося выше упоминания о ней в другом месте мемуаров Восифи в контексте с “Кафийе” и с “Шафийе”. ²⁴⁷ Упоминает ее и Ханыков; ²⁴⁸ в бухарской коллекции арабских рукописей количество экземпляров “Шамсийе” и различных шархов на нее чрезвычайно велико. ²⁴⁹

В другом месте мемуаров (гл. 34) говорится об изучении гератскими студентами пособия под названием . Это может быть только комментарием известного самаркандского придворного астронома Али Кушчи (ум. в 1474/5 г. х. э.) на знаменитое, многократно комментировавшееся, теологическое сочинение “Таджрид-аль-калам” Насир-ад-дина Туси (ум. 1273/4 г. х. э.). ²⁵⁰ Других упоминаний об учебных пособиях в мемуарах Восифи нет, в частности нет их как будто и в дальнейших риторических тирадах биографии Авиценны.

Дальнейшую последовательность изучения Авиценой различных наук биография устанавливает в следующем виде: философия, богословие астрономия, геометрия, астрология и гадание . Превзойдя их,

Авиценна перешел к тафсиру, “который является наивысшей целью учения”, и вслед за тем к хадисам. Только после всего этого Авиценна взялся за науку о стихе, “для развлечения духа”.

Изучение многих предметов, как, например, стихотворного искусства и таких его специальных подразделений, как техника муамма, вероятно и изучение музыки, каллиграфии и такого специального дела, как бухгалтерский счет, происходило вне стен медресе. Успешно сочетавший обучение в специальном [403] заведении с самостоятельными занятиями, как, например, Восифи, уже с раннего возраста мог выступать в качестве домашнего учителя. Обучение при помощи домашних учителей было, видимо, распространено в аристократических сферах Герата и Мавераннахра. Восифи пришлось два раза выступать в этой роли: в семье эмира Шахвали в Герате и позже при узбекском царевиче Науруз Ахмаде в ташкентском уделе. Обучение эмирского сына в Нишапуре также, повидимому, происходило приватно. Во всяком случае, окончание сыном изучения одного пособия (“Кафийе”) и переход к другому (шарх Джами на “Кафийе”) было отмечено в доме эмира таким торжеством, которое показывает, что обучение происходило в исключительных условиях.

Вывод: в Герате во время Восифи были в ходу старые традиционные учебники, написанные в XI, XII, XIII вв. и, вероятно, служившие непрерывно до XV—XVI вв. Многие из них фигурируют и в бухарских медресе начала XIX в. (Ханыков). К этим старым учебникам в Гератский период был добавлен ряд новых, преимущественно облегченного типа и на персидском языке. Таковы многочисленные пособия, написанные Джами, Сайфи Бухарским и др.

Какими же общими и специальными знаниями, полученными как в медресе, так и вне его, располагал образованный горожанин в Герате

конца XV в.? Резюмируя данные мемуаров Восифи, получим следующую картину: арабский язык, хадисы, коран (умение его профессионально читать), большая начитанность в классических и современных литературных текстах составляли общеобразовательную основу. Она дополнялась познаниями в логике, каллиграфии, в художественном чтении корана, красноречии (умение вести диспут) и в музыке — пении. Последнее было очень распространено и весьма ценилось. Лицо, посвятившее себя словесности, наряду со специальными знаниями в области поэтики и таких разделах ее, как техника муамма, должны были владеть языком художественной прозы в применении его к деловой переписке и к составлению канцелярских бумаг. Каллиграфия обязательно входила в этот комплекс, дававший человеку профессию. Профессионально же использовались отдельно и специально развитые познания в каллиграфии, художественном чтении корана, музыке — пении, [404] бухгалтерии и риторике в применении к искусству публичной проповеди.

В качества образованного человека могли входить и мимирование, показывание фокусов, магия и гадание.

Приведенные характеристики самого Восифи и его сотоварищей как Гияс-ад-дина, Мирза Байрама и др. свидетельствуют о том, что особенно ценилась разносторонность образования и знаний. Показательна личность Дихдара, выходца из Азербайджана, сумевшего войти благодаря именно разнообразию своих познаний в окружение Навои, отличавшееся, конечно, высшей требовательностью в этом отношении. Дихдар сумел проявить свои исключительные свойства одновременно в чтении корана, декламации стихов, в искусстве рассказывать повести “Кисеей Амир Хамза” и “Кисеей Абу Муслим”, в мимировании, умении

вести диспут на самые разнообразные научные и литературные темы, в лечении “накладыванием рук” и в поварском искусстве. ²⁵¹

В каких же слоях Гератского общества времени Восифи сосредоточивались носители этих разнообразных познаний, активные участники культурного процесса?

Большая роль высших *аристократических* кругов в культурной жизни Герата достаточно известна и закономерно соответствовала значению этих кругов в условиях развитого феодального общества.

Мемуары Восифи позволяют выяснить роль *города*.

Выше были сделаны выводы, характеризующие Восифи, его ближайших родственников и друзей, как типичных представителей средних *городских* кругов. Тем самым прочно устанавливается весьма существенная роль этих кругов в развитии культурной жизни. В приведенных отрывках мемуаров имеются и другие данные, уточняющие это представление. Ремесленники, торговцы, мелкие собственники Герата поставляли деятелей культурной жизни и потребляли культурные ценности. Так, одно из выступлений Восифи в роли проповедника (ваи-за) происходит в доме *ремесленника* Хафиз Нура, связанного с изготовлением шелка (абрешимкар), в квартале Маликан, перед обширной аудиторией, умевшей сравнить [405] Восифи как проповедника со знаменитым Хусейном Кашифи. Образец такой проповеди, текстуально приведенной ниже в приложении I, показывает, что искусство проповеди было излюбленной формой художественной речи. Место произнесения этой проповеди — частный дом ремесленника, достаточно определяет общественное лицо всей аудитории. В частности, один из ее участников рассказывает как о выдающемся событии своей жизни, что, решив женить сына, он выстроил небольшой домик. Сын этого мелкого домовладельца был чтецом (хафиз) и студентом медресе.

Другой *ремесленник* — почитатель Восифи, Султан Мурад, спасший его из плена нишапурских кочевников, был золотых дел мастером какого-то эмира. Золотых дел мастер одного эмира и Восифи — домашний учитель другого, радостно обнимаются при встрече (очевидно, их господа были тоже хорошо знакомы, см. выше, стр. 383).

С особенным блеском мог Восифи проявить свои литературные способности в обществе меценатствующего *купца* на пути из Герата в Мавераннахр. ²⁵² На больших привалах начальник каравана — богатый купец и меняла Мухаммад, устраивал обширные пиры — литературные маджлисы, на которых подвизались поэты, певцы, музыканты, декламаторы, ехавшие с караваном. На одном из маджлисов Восифи подносит купцу длинный панегирик и получает от купца в дар “чекмень красного сукна и приличествующую одежду”.

Блестящие Гератские юноши, украшавшие собой пиры и литературные маджлисы, в большинстве случаев происходили из *купеческой ремесленной среды*. ²⁵³ В 899 г. х. (1493/94) в Герате подвизался некий блестящий юноша по имени Мирак Зафаран. ²⁵⁴ Его ближайшим другом и наперсником был другой молодой человек, *продавец бумажной ткани* (карбасфуруш) по прозвищу Сурхак. Об этом Сурхаке, затмевавшем в обществе всех знаменитых Гератских юношей своей красотой и тонкостью манер, “было известно, что он знал наизусть шестьдесят [406] тысяч бейтов (стихов), в том числе всю “Хамсе” Хисрава (Дихлеви), в которой тридцать тысяч бейтов, и его в этом, подвергали испытанию. В науке музыки имел он такую силу, что если заказывали ему исполнить песню (саут), напев (амаль, накш), в любой мелодии (аханг), он импровизировал их таким образом, что мастера этого искусства становились его рабами”. ²⁵⁵

Тонким образованием, в частности прекрасным, вполне осмысленным знанием арабского языка (хадисов и корана) отличался молодой *красильщик* (рангрез), уличный грабитель (ятим) Насир. Насира несколько раз ловили и приводили к Навои, которому Султан-Хусейн в 1497 г. х. э. поручил розыск дела Гератских уличных грабителей. Каждый раз Насир поражал везира остроумием и ученостью своих ответов и получал помилование. ²⁵⁶

Как видно, образование и развитие светских юношей Герата стояло на уровне самых высоких требований, предъявляемых к людям света и в аристократически утонченном кругу Герата. На роскошном пиру, устроенном в 1492 г. везиром Маджд-ад-дином в честь Навои, присутствовало тринадцать таких юношей. ²⁵⁷ Среди них фигурируют седельщик (саррадж) Султан, на'тдуз (специалист по изделиям из орнаментированной кожи) Мирза, парчевщик (зардуз) Хасан.

Имена остальных, как, например, Сарви Лабаг Джуй, Шамшади Саяпарвар, Махи Симнани, не связанные семантически с терминологией ремесленной среды, являются, повидимому, прециозными светскими кличками. Носители этих кличек были, вероятно, во многих случаях того же ремесленного происхождения, что и их товарищи. Отношение всех этих светских “красильщиков”, “седельщиков” к соответствующим их профессиям не вполне ясны. Скорее всего, это были сыновья богатых ремесленников, цеховых старшин. Они могли одновременно быть и сидельцами в своих лавках, как тот молодой продавец вина Максуд в Самарканде, в лавке которого на базаре собиралось блестящее общество привлеченных его [407] изяществом и красотой самаркандских поэтов и образованных людей. ²⁵⁸

Один из присутствовавших на пиру у везира Маджд-ад-дина чтец-декламатор, по кличке Сияхче, появляется позже на интимном литера-

турном маджлисе в доме Восифи, где он также подвизается в декламации стихов. Там же действует аналогичный ему, судя по прециозной кличке Бульбуль, музыкант, играющий на бубне. Таковы, видимо, и два других участника этого маджлиса — танцоры Тахири Чакке и Махджуджук. ²⁵⁹

Стихи, пение, музыка, декламация всех видов звучали в домах и лавках Гератских обывателей. Просто проходя по улице, можно было услышать из чьей-то балахоне, где сидят несколько человек за вином, самые последние стихи известных Гератских поэтов, как услышал Восифи четверостишие Мухаммада Салиха, посвященное последнему выдающемуся событию — падению дома Джагатаев. ²⁶⁰ И несомненно, уже повсюду можно было услышать мелодии садра Марварид на слова газелей Навои, получивших, как говорит Восифи, “такую славу, что в Герате не было ни одного дома, где бы [этих песен] не распевали”. ²⁶¹ Песни Марвариды исполнял и цыган на площади в Мешхеде (см. выше).

Торговые улицы, площади базар, городские сады — места стечения всех обитателей этих домов в их хозяйственной и общественной деятельности, неминуемо должны были представить собой и узлы культурной жизни, центры живого, творческого общения ее творцов-горожан. Мемуары Восифи дают несколько ярких картин таких своеобразных литературных клубов на улице. Во время одной из обычных прогулок по базару в обществе нескольких поэтов и просвещенных людей, видит молодой Восифи в руках у известного Хафиза давно желанную рукопись трактата Сайфи по теории муамма. Хафиз не дает ему книгу, и Восифи изучает муамма другим путем. ²⁶² [408]

Базар является именно тем местом, где всегда можно найти Гияс-ад-дина, блистательного кузена Восифи. В расчете на это отправляет-

ся Восифи на базар, когда ему пришла необходимость повидать Гияс-ад-дина по важному делу. ²⁶³

“Где найти мне их?” спрашивает слуга у мударриса Мухаммада Джаджар, когда мударрис посылает слугу за своими студентами, молодым Джами и его четырьмя товарищами. До этого мударрис сорок дней и ночей сидел запершись дома, готовясь к занятиям с этими студентами.

“Они должны быть в винной лавке Мирза Рустама и Мирза Бахадур”; — отвечает мударрис. Винная лавка находилась на базаре, и там слуга действительно обнаруживает ученых друзей. ²⁶⁴

Сборище многочисленных поэтов и просвещенных людей Герата, поведшее к написанию Восифи в 1507/08 г. его “Удивительной Пятерицы”, происходило в соборной мечети, после пятничной молитвы. ²⁶⁵

Очевидно, собравшиеся в числе других городских прихожан литературные деятели, расходясь после молитвы по домам, остановились побеседовать около “суфеи максуре”. Запросто возник тонкий литературный разговор “о поэзии и поэтах”, вскоре остановившийся на стихах Катиби, в частности, на вопросе о неподражательных, оригинальных образах его лирики. Это и навело принимавшего участие в беседе Восифи на мысль о написании “Удивительной Пятерицы”.

Казнь царевича Мухаммад-Мумина вызвала народную демонстрацию. В городском саду было устроено траурное собрание (тазие) с огромным количеством участников. Наиболее острым моментом собрания явилось, очевидно, ожидавшееся заранее выступление нескольких городских поэтов, спешно заготовивших траурные стихи (марсие) по поводу смерти царевича. Стихи являлись, таким образом, общепризнанным средством выражения городского общественного мнения в условиях значительного народного движения, направленного

против правящего круга. Однако профессиональное соревнование поэтов неожиданно превратило общественную трибуну в [409] непристойный балаган, снискавший, благодаря своему остроумию, одобрение всей огромной аудитории. Это не мешает, конечно, тому выводу, что эти стихи считались общественным мнением горожан своими стихами, а поэты — их авторы — своими, городскими поэтами, выразителями интересов города, противопоставленного правившему феодальному кругу.

Наконец, одним из самых убедительных моментов является, конечно, лавка Амани, родственника Восифи, *поэта и торговца жареным горохом*, лавка, служившая местом сборища “поэтов и просвещенных людей [Герата]. Для этого литературного клуба в лавке было отведено особое помещение, балахане, устланное паласами. Мемуары Восифи, к сожалению, не сохранили описаний заседаний литературного клуба в лавке Амани. О них можно составить, однако, представление по имеющимся в мемуарах описаниям аналогичных маджлисов.

Такую же картину “культурного базара” рисует Восифи и для Самарканда немного более позднего времени. Мы видим толпу самаркандских поэтов и просвещенных людей, перебивающихся из *лавки* переплетчика (муджалладгар) в винную лавку красавца-сидельца Максуда. *Именитые купцы* города, собравшись на литературном маджлисе, подвергают Восифи испытанию в искусстве составления текстов предельно-реторических частных писем и в искусстве решения муамма. Вслед за тем они выслушивают рассказ об его “Удивительной Пятерице” и тут же записывают под его диктовку текст соответствующих стихотворений. Хозяин дома поручает Восифи составление частного письма к блестящему самаркандскому юноше, по *профессии мяснику*.

Связь Восифи с *городской* средой была столь органична и эта городская среда была столь благоприятна для жизни и деятельности такого человека, как Восифи, что Абу Сайду — удельному владельцу Самарканда, пришлось применить силу, чтобы заставить Восифи принять приглашение на должность *придворного* поэта другого шейбанидского князя, имевшего удел в Шахрухийе. Характерно и то, что Восифи, упорно *не желавший* стать придворным поэтом, мотивирует свой отказ необходимостью переписать несколько важных книг, которых нельзя достать нигде, кроме Самарканда. ²⁶⁶ [410]

Выше было упомянуто о том, что образованность представителей Гератского “культурного базара” соответствовала уровню требований, предъявлявшихся в самых утонченных аристократических сферах. Восифи с равным успехом выступал в качестве проповедника и в доме ремесленника в квартале Маликан и в доме знатного нишапурского эмира. Связи Восифи с аристократической средой были значительны. Он был домашним учителем эмира Шахвали, мунши при царевиче Фаридуне, считался близким кругу шейх-аль-ислама, был доверенным лицом сына близкого ко двору Хусейна Кашифи и даже, быть может, учеником самого Хусейна. Родственник Восифи — Сахибдара был близким Навои человеком. Навои поручил ему представлять к его двору всех новых выдающихся поэтов, чтецов и т. п., которые объявлялись на “культурном базаре”.

Мать Гияс-ад-дина, двоюродного брата Восифи, запросто торговалась с Хадиджа-бегим, которая хотела купить ее фамильную драгоценность, но не дала нужной цены. Молодая и красивая жена Музаффар-Хусейна, попавшая в гарем Шейбани-хана, была в чрезвычайно коротких приятельских отношениях с Восифи и Гияс-ад-дином.

Они пользовались ее полным доверием, исполняя ее поручение, скрыть в своих обывательских домах ее несметные сокровища.

Восифи и образованные люди его круга являлись почетными гостями на самых утонченных литературных маджлисах Гератской аристократии. ²⁶⁷

Несколько участников интимного маджлиса в доме Восифи приглашены на пир везира Мадж-ад-дина в честь Навои. Это поэт Мукбили и чтец Сияхче. Этот же Мукбили и другие гости Восифи — поэты Ахли, Фазли, сам Восифи и, наконец, торговец жареным горохом, хозяин литературного клуба на базаре маулана Амани, составляют вместе с другими поэтами общество, на большом маджлисе важного Гератского садра, знаменитого композитора и исполнителя, ходжаги Марварида.

Таковы сведения, характеризующие культурную деятельность городского населения в Герате. Эти сведения дают [411] представление о городском среднем сословии (в основном торговая, ремесленная чиновничья среда, из которой происходит и Восифи), как о чрезвычайно активном носителе культурной жизни Герата конца XV в. Именно из этой среды выходила большая часть деятелей в самых разнообразных отраслях культурной жизни, и, а это самое важное, эти деятели находили себе полное применение в этой же среде, работали для нее. Участие в культурной жизни правящих феодально-аристократических кругов было все еще весьма значительно, двор султана и дворы многих князей в Герата конца XV в. все еще сохраняли свое значение, как средоточие литературной деятельности, особенно же архитектуры и живописи. Однако важно то, что город одновременно имел полную самостоятельность, независимость в производстве и потреблении культурных благ. Любая культурная ценность, созданная в городской среде и для нее, стояла совершенно на уровне требований, предъяв-

ляемых к таким ценностям в придворных кругах. Эти требования были те же, что требования городской среды, которая к этому времени сделалась полным хозяином всего классического культурного наследия, ранее заключенного в общественно более узкой привилегированной среде. Культурная же деятельность представителей правящих слоев имела в качестве аудитории город, где они выступали наравне с представителями этого города.

Другими словами, мемуары Восифи документируют для конца XV в. значительное расширение той части Гератского общества, которая активно участвовала в развитии культурной жизни. Это расширение не было связано еще с каким-либо качественным изменением идеологии. Речь идет только о традиционных, классических культурных ценностях, ставших в Герате, в недрах феодального общества, достоянием гораздо более широких слоев общества, более широких чем те, которые когда-то вызвали их к жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

МАНШУРЫ

Маншур на заведывание библиотекой

Полный перевод маншура по причине крайней лексической и синтаксической сложности не целесообразен, поэтому [412] ограничиваясь здесь сокращенной передачей и частичным переводом, которые дают представление об общей его структуре. ²⁶⁸

“Поскольку мудрый, щедрый бог назначил нас ²⁶⁹ на чтение книги попечения о благе народа и поскольку познание принципов следования ему (т. е. богу) связано с изучением преданий и истории, повествующих о делах его, то все [наши] высокие помыслы устремились на собирание и хранение сих книг. Так как количество их увеличивалось с каждым днем и светлый дух наш с каждым мгновением приобретал все большую склонность и страсть к чтению их, представилось нам нужным поручить их хранение верному человеку, страницы книги нравов которого не были бы запятнаны знаками предательства и пороков, с тем, чтобы он эти книги хранил и по мере надобности, согласно нашего указания, представлял желаемое на высочайшее прочтение.

Поскольку кыбла писцов, достойнейший ходжа Насир аль Хаттат был известен этими достохвальными свойствами и уже в течение долгого времени, подобно каламу, склоняет главу к росчерку [нашего] приказа, отдаваясь исполнению наших повелений, поручили мы ему

хранительство августейшей библиотеки и сделали его независимо-ответственным за это драгоценное дело.

Должно нашим благородным победоносным братьям, счастливым полновластным детям, славным эмирам, почтенным садрам, высокопоставленным везирам, столпам веры и государства, вельможам царства и народа и всем людям богоспасаемых царств из знатных и простых, считать упомянутого маулана [Насир-ад-дина] назначенным на это дело, доставлять ему все то, что для этого дела необходимо и причитается, кроме него никого [в качестве хранителя] не признавать и верить [сей грамоте] коль скоро будет украшена она высочайшей печатью” [413]

Привожу текст заключительной части документа (Т 557, В 290^v, С 224): ²⁷⁰

В интересах сравнения приводим также неполный текст второго, упомянутого выше, составленного Восифи уже в Ташкенте, маншура.²⁷¹ Текст маншура дается в основном по рукописи п. н. с. 204 Гос. Публичн. Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и по рукописи В 653 Института Востоковедения Акад. Наук СССР. Текст маншура в рукописи Т имеет большую лакуну в середине, а в рукописи С выписан на полях, попорчен и чрезвычайно неудобочитаем. Мы выпускаем восхваления (хамд) и начинаем с первой части, в которой излагается общее положение (стремление хана отличать людей, совершенных в науках). [415]

Сравнение этих двух документов, составленных Восифи, указывает на общность как со стороны языка, так и структуры. И там и здесь мы вначале имеем как бы вводную часть, определяющую общее положение, из которого вытекает частный случай данного пожалования. Затем идет констатация, с точки зрения изложенного общего положения,

пригодности данного лица к восприятию пожалования и далее уже изложение сути пожалования, оканчивающееся типичной формулой обращения к августейшим братьям, детям и пр. Одинаков и язык обоих маншуров — составление официальных документов рассматривалось как один из уместных случаев для упражнения в одном из наиболее сложных видов реторики — реторики делового документа.

Интересно, что написание документов разделено значительным промежутком времени и расстояния: первый — маншур на заведывание библиотекой — составлен в Герате, во всяком случае не позже 1507 г., т. е. года изгнания тимуридских князей из Герата, а второй — в Ташкенте, не ранее 1532/33 г., т. е. года воцарения в ташкентском уделе Науруз Ахмада, непосредственно наследовавшего своему брату Кельди Мухаммеду, умершему в этом году. Очевидно, за 25 лет литературной деятельности Восифи (из которых двенадцать на территории Средней Азии), представления о составлении текста подобных документов заметно не изменились и были одинаковы для феодальных кругов как Герата, так и Средней Азии.

Отмеченные выше четырехчленная структура и особенности языка обоих маншуров одинаковы, независимо от совершенно различного характера самого предмета пожалований: (должность библиотекаря в одном случае и земли с рудниками в другом): для этого периода формула составления грамоты пожалования была одна, независимо от того, что жаловалось. Распространить этот вывод до обобщения, привлекая всего лишь два документа, составленные одним лицом, хотя бы в разных местах и на сравнительно большом отрезке времени, было бы неосновательно. Необходимы другие факты. Однако отмечу, что из довольно большого числа аналогичных документов среднеазиатского происхождения как XVI в., так и более поздних, которые мне прихо-

дилось рассматривать, многие имели [416] аналогичную структуру. Особенно устойчива была заключительная формула — обращение к братьям, эмирам и пр. Наибольшие расхождения наблюдались в первом — третьем членах т. е. там, где развивается наибольшее количество реторики, часто зависящей от составителя грамоты, требования и значения заказчика, значения пожалования и т. п.

Хорошим примером такой сокращенной редакции является другая, составленная Восифи в Мавераннахре, грамота — нишан на пожалование должности главного портного (старшины цеха портных) удела Шахрухийе. В этом, менее значительном, документе реторика количественно сведена до минимума, изменена несколько и структура его. Основные элементы построения документа сохранены, хотя и переставлены: на лицо формула обращения к подданным, констатация общей причины пожалования, заслуги получающего грамоту и суть в нескольких кратких словах. Приводим текст документа целиком.²⁷²[417]

“Победоносные сыновья, счастливые именитые эмиры, высокие садры, счастливые везиры, наибы царского порога и хаджибы небесного двора и другие столпы и знатные люди государства, да исполнит великий Аллах их надежды и да воссоединит с благом дела их в вечном пребывании султанства, ²⁷³ пусть ведают, что с тех пор, как единый предвечный, несравненный в своем деле портной и мастер вечной мастерской сшил драгоценный халат власти и счастья на рост величия и славы иглой благоденствия и ниткой преуспевания и [с тех пор, как] портной божественного искусства, который трудится над одеждою [нашего] несравненного величия и пышности, вышил одежды нашей славы вышивкою милости — постоянно [наши] высокие помыслы были устремлены на то, чтобы рабы и слуги победоносного двора, которые, подобно подолам, не поднимают головы от ног службы и точно рукава,

блюдут [свои] руки, всегда были бы облачены в одежды [наших] милостей.

Поскольку в настоящее время мастер Хусейн Портной, который точно иголка обратил голову в ноги ²⁷⁴ и не выпускает из рук нитку служения и в боязни упущения в службе дрожит точно завязки каба и бежит противодействия августейшему мнению, мастер, в горне искусства накаляемый подобно утюгу, то режет, приуготовленный точно ножницы к разрезанию дел, то сшивает [их] подобно иголке, то решено, чтобы упомянутый мастер был бы старшим портным области Шахрухийе. Они должны ему повиноваться и относиться к нему таким же образом, как ранее к мастеру Али Портному и не противиться ему”.

Распространение установившихся формул и отдельных выражений на совершенно с нашей точки зрения различные случаи хорошо иллюстрируется примером, приведенным [418] у В. В. Бартольда ²⁷⁵ и почерпнутым им в “Хабиб-ас-сияр”: это-обозначение заведующего библиотекой термином “даруге”, который В. В. Бартольд переводит как “командир библиотеки”. В связи с этим уместно отметить два других случая распространенного применения термина “даруге” в мемуарах Восифи. В одном случае так названо лицо, заведывавшее постройкой медресе в Сауране ²⁷⁶ (примерно в смысле “начальник строительства” в нашей терминологии). В другом дело идет о пожаловании Султан-Хусейном соответствующей должности (“даругаги”) — заведывания бадахшанскими рубиновыми рудниками поэту Риази. Там же рядом термин “даруге” применен в привычном контексте: “даруге города Туса”. Этих примеров достаточно, чтобы установить, что термин “даруге” имел в XV—XVI вв. значительно более широкое значение, как правитель, управитель, заведующий вообще, в частности нет надобности

понимать его как только “командир”, в особенности когда дело идет о библиотеке.

Приведенное там же В. В. Бартольдом соображение о значительности обязанностей хранителя библиотеки Султан-Хусейна в Герате вполне подтверждается вышеописанным фактом выдачи библиотекарю царской торжественной грамоты, средактированной по всем правилам составления жалованных грамот вообще.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Текст и перевод проповеди Восифи в Нишапуре

Текст (Т 599, В 316^v, С 246^v) ²⁷⁷

“Я встал и с полной уверенностью взошел на мимбар. То были дни праздника мухаррама и мне пришел в голову рассказ о том, как эмир правоверных Хасан и эмир правоверных Хусейн были огорченными в день праздника. Вот этот рассказ: “В день праздника его святейшество пророк намеревался отправиться к месту праздничного торжества и заметил на лицах сих двух жемчужин небесного престола (т. е. Хасана и Хусейна) признаки огорчения. Он сказал им: “Милые мои, в эти дни все дети веселятся, почему вы кажетесь такими печальными?”

Они сказали: “О великий дед, у всех арабских детей новые одежды, а наши одежды старые.”

В тот же миг спустился с небес Гавриил и принес с собой две белые одежды, [сшитые] из райских тканей. Пророк сказал: “О милые [вашему] деду, вот Гавриил принес вам одежды из божьего гардероба!”

А царевичи все были печальными. Он спросил их: “В чем же теперь причина печали?”

Они сказали: “У всех арабских детей одежды цветные, а наши одежды белые!”

Пророк смутился, а Гавриил сказал ему: “О, Мухаммад, что смущаешься ты? Вели подать сосуд и наполни его водой и увидишь [проявление] божьего могущества!”

Налили водой лоханку, Гавриил сказал, чтобы [пророк] спросил у детей, которому из них какой цвет нужен. Эмир правоверных Хасан по-

просил зеленый цвет, а эмир правоверных Хусейн — красный цвет. Гавриил опустил в воду обе одежды и сказал обоим [мальчикам]: “Опустите руки в воду и вытащите каждый для себя по одежде. По велению всевышнего бога одежда эмира правоверных Хасана вышла из воды зеленой, а эмира правоверных Хусейна — красной. [421]

Гавриил сказал тихонько пророку: “О Мухаммад, догадался ли ты, почему выбрали они себе эти цвета? Тайна этого заключается в том, что тот, кто выбрал себе зеленую одежду, погибнет от яда, а тот, кто потребовал красный цвет — одежды его будут замазаны кровью!”.

Вот надели [мальчики] одежды и вышли из дому и все еще были видны признаки огорчения на их лицах.

Пророк сказал: “А теперь чем вы опечалены?”

Они сказали: “Дети арабов верхом на верблюдах, а мы пешие.”

Пророк сказал: “Я ваш верблюд!” Одного из них посадил он на правое плечо, а другого на левое. Царевичи сказали: “Батюшка! У верблюдов детей арабов есть повод, а у нашего верблюда нет!”

Пророк вложил одну из своих амбровых кос в руки эмира правоверных Хасана, а другую косу в руки эмира правоверных Хусейна. [Тогда мальчики] сказали: “Верблюды детей арабов делают аф (т. е. ворчат), а наш верблюд не делает аф!”

Пророк сказал: “Аф, аф!”

[Тогда] появился Гавриил и сказал: “О Мухаммад, бог шлет тебе привет и говорит: “Клянусь своим величием, не говори больше “аф”, ибо если скажешь еще раз “аф”, во всей вселенной не останется ни одного непростенного, а прощение ²⁷⁸ и наказание станет бесполезным!

Едва окончились эти слова, как поднялся крик и вопль, точно в городе Нишапуре случилось землетрясение”.

Комментарии

1. См. статьи: “Мемуары Зайн-ад дина Восифи, как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV-XVI вв.”, Труды Отдела Востока Эрмитажа, II, стр. 263, и “Навои в рассказах современников”, юбилейный сборник “Алишер Навои” изд. Акад. Наук СССР, стр. 121. Первой из этих работ в дальнейшем присвоено сокращенное обозначение “Мемуары”.

2. В целях соответствующего сравнения, ниже дано, параллельно мемуарам Восифи, изложение описания взятия Герата Шейбани-ханом и затем Исмаилом Сефевии по Хондемиру и Бабуру (по Бабуру, конечно, только для первого события).

3. См. “Мемуары”, стр. 216.

4. См. “Мемуары”, стр. 210, 211. В противоположность высказанному в этой работе мнению (стр. 209), рукопись В653 Института Востоковедения заслуживает полного внимания и не уступает рукописям В 652 и С 401. В этой рукописи две руки, одна более старая, вероятно, начала или первой половины XIX в., вторая — новая. Последней принадлежат аккуратно вставленные листы, заполняющие лакуны в старом тексте, в том числе последний лист с датой (новой переписки) — 1281 г. х. (1864/65). К сожалению, эта рукопись не была по техническим причинам мною в должной мере использована при написании настоящей работы.

5. См. “Мемуары”, стр. 211.

6. См. об этом произведении мою заметку “Тезкирэ Хасана Нисори и т. д.”, Труды Отдела Востока Эрмитажа, III, стр. 191. Сведения о Восифи приведены на 142-листе первой тетрадки рукописи (В 2493).

7. Выражение несколько неясно. Скорее всего следует его понимать как “преклонялись перед его каллиграфическим искусством”.

8. Следующее далее в тексте муамма и разгадка его, как и все муамма вообще, непереводаемо. При разгадке следует иметь в виду, что в сочетании *** первый и второй слоги надо понимать в их цифровом эквиваленте (3). Вторая же часть графически соответствует написанию арабского порядкового числительного “шесть”.

9. Остальные все — подражательны. См. “Мемуары”, стр. 232.

10. Этот бейт Катиби в мемуарах Восифи приведен в другой редакции.

11. См. “Мемуары”, стр. 232 и сл.

12. См. “Мемуары”, стр. 233, Далее в тексте тезкире Нисари приводятся четыре бейта этой касыды и сообщается об аналогичном произведении автора тезкире в честь Хумаюна.

13. См. “Мемуары”, стр. 269.

14. Восифи помещен в разделе лиц, с которыми “автор не общался и которые, достигнув старости, погребены вне Бухары”.

15. См. ниже, стр. 329 также “Мемуары”, стр. 261.

16. См. *В. В. Бартольд*, Мир-Али-Шир и политическая жизнь, стр. 152, сл.

17. См. “Навои в рассказах современников”, стр. 127.

18. См. “Мемуары”, стр. 207, 212, 214.

19. Там же, стр. 239 и 246.

20. Там же, стр. 269.

21. См. ниже, стр. 330.

22. *** Так в цитируемой ниже литографии “Хабиб-ас-сияр”, стр. 311. *В. В. Бартольд* читает “Нерету”. (См. “Улугбек и его время”, указатель).

23. См. ниже, стр. 351.

24. См. ниже, стр. 350.

25. См. ниже стр. 355.

26. *** немного ниже ***. Я не уверен, что “хамшире” следует понимать здесь, как “сестры”. Одна из этих женщин была во всяком случае сестрой (***) Восифи. См. там же, стр. 337.

27. См. “Мемуары”, стр. 259; Т 553, В 288, С 222. Характеристике предшествует обычное рамочное введение, сообщающее о тех обстоятельствах, при которых Восифи сообщает весь рассказ своему среднеазиатскому покровителю, шейбанидскому князю Кельди Мухаммаду, на соответствующем маджлисе. Маджлис не датирован. Это введение таково: “Повествование о Гияс-ад-дине Хорасани. В местности Парак, одной из летовок его величества [Кельди Мухаммада], собралось некоторое количество просвещенных людей области Бухары. Его величество [Кельди Мухаммад], обратившись ко мне, произнес: “Шейх Алам-Шейх рассказывал, что у вас в Хорасане был родственник, совершавший удивительные вещи. Однако “мудрые изречения должно выслушивать из уст самого Лукмана”.

Тогда было мною доложено так:

Далее идет характеристика Гияс-ад-дина, приводимая в основном тексте нашего изложения.

28. *** См. также ниже, стр. 406. Возможные значения отдельных терминов сообщил мне В. И. Беляев, которому и приношу глубокую благодарность.

29. Интересная игра слов: ***

30. См. ниже, стр. 337.

31. В 297

32. См. “Навои в рассказах современников”, стр. 127.

33. См. ниже, стр. 335. Мне не удалось найти в доступных пособиях поэта с таким именем

34. См. ниже, стр. 337.

35. Попутно отметим, что те двести тенге, которые Гияс-ад-дин предлагает Султан-Али в качестве возмещения за убитого раба, являлись, вероятно, действительной ценой раба — взрослого мужчины, не мусульманина, сельскохозяйственного рабочего.

36. См. ниже, стр. 334-335.

37. Подробнее см. ниже.

38. О нем подробнее см. ниже.

39. Абдулла Марварид — знаменитый Гератский вельможа, музыкант — исполнитель и композитор: см.: *Бабур*, франц. перевод. I, 394, 412.

40. Продолжение эпизода Рукайат-бегим и Мирза байрама см. ниже, стр. 370.

41. См. ниже. 370.

42. См. ниже, стр. 371.

43. См.: *В. В. Бартольд*, Навои и политическая жизнь, стр. 152, где эта история подробно изложена по Хондемиру.

44. “Мемуары”, 261, Т 653, С 277. В “Мемуарах” мною ошибочно указано, что эта глава не имеет рамочного описания маджлиса, на котором Восифи излагает свое повествование. Пользуюсь случаем привести здесь это описание полностью.

45. *** Этот бейт целиком приведен также в тезкире Сам-мирзы Сефеви. См. издание В. Дестгерди, Тегеран, 1314 г. х., стр. 15.

46. В тексте: “от Хорасана”.

47. *** Вряд ли “Биби” Мухибб Джанги?

48. Имеется в виду Султан-Хусейн. Стихотворение, несомненно, относится к этому же событию. Непонятно, почему в тексте это не оговорено

49. Рукопись была в свитке. Поэты Гульхани и Гавваси упоминаются в тезкире Сам-мирзы (цит. изд., стр. 112 и 174). В год написания тезкира (957/1550) Гавваси было “более девяноста лет”.

50. Следует бейт чрезвычайно непристойного содержания.

51. Продолжается рассказ Восифи от первого лица.

52. По Хондемиру, это случилось через год после казни Мухаммад Мумина. См.: *В. В. Бартольд*, цит. раб., стр. 152.

53. Речь Низам-аль-мулька передана нами здесь сокращенно.

54. Вероятно, известного везиря Афзаль-ад-дина.

55. Шади упоминается Бабуром (цит. изд. I, 44) как один из знаменитейших композиторов Герата.

56. Остается неясным, было ли это стихотворение оглашено тут же на собрании. См. выше, стр. 328.

57. См.: *В. В. Бартольд*, цит. раб., стр. 118 и 129. Подробнее об этом см. ниже, стр. 328.

58. Выражение В. В. Бартольда, там же, по поводу религиозных споров: того времени.

59. ***

60. Цит. раб., стр. 154.

61. См. приложение II.

62. См. “Мемуары, стр. 205 и ниже, стр. 331.

63. Начало рассказа о Тадж-ан-насаб в гл. 25. См. “Мемуары”, стр. 258. Сафи-ад-дин, очевидно, автор известного интересного труда “Капли источника жизни”. Во введении к этому труду автор называет себя

“Фахр-ад-дан Али, сын Хусейна Ваиза Кашифи, известный как Сафи”.
Цитирую по ташкентской литографии Арифджанова, 1329 г. х., стр. 2.

64. См.; Навои в рассказах современников, стр. 125.

65. Перевод этого рассказа см. там же, стр. 127 и след.

66. См. ниже, стр. 343.

67. Бабур отмечает другое лицо, приобретшее известность тем, что оно стало заниматься преподаванием с 14 лет (франц. перевод, I, 402).

68. См. “Мемуары”, стр. 259. Начиная эту часть характеристики Гияс-ад-дина мы уже привели выше.

69. Об этом подробнее см. ниже.

70. Ниже приведен текст этого маншура с переводом (приложение I)

71. ***

72. Известнейший каллиграф, ум. в 1513/14 г. См.: *C. Huart, Les calligraphes et les Miniaturistes de l'Orient Musulman*, Paris, 1908, стр. 221-222. В новой работе Аббаса Эгбаля (журнал “Ядгар”, II, 8, Тегеран) даты жизни Султан-Али определяются 841-926 гг. х. (1437/6-1520).

73. Ср. ниже, стр. 340.

74. О нем см.: *Бабур*, франц. перев., I, 373; *Хондемир*, “Хабиб-ас-сияр”, тегеранская литография, стр. 316, сообщает, что Фаридун-Хусейн был убит в военном столкновении с узбеками в Келате, в 915 г. х. (1509/10) Также см. выше.

75. См. “Мемуары”, стр. 204.

76. Кидание приближенных в хаузы было, повидимому, распространенным способом выражения немилости. Так, в мемуарах Восифи (гл. 36) приводятся рассказ о мелком поэте маулана Ахмаде, которого Алишер Навои, раздраженный неудачным стихом в панегирике, подне-

сенном ему этим поэтом, приказал бросить в хауз и затем пожаловал ему шубу “так как погода была холодная”

77. Подробно об “Удивительной Пятерица см. “Мемуары”, стр. 231-235, где также приведен перевод соответствующего отрывка мемуаров.

78. См, “Мемуары”, стр. 238.

79. См. ниже.

80. Ср. “Мемуары”, стр. 235.

81. Т 605, В 320, С 250. Рассказ имеет следующую рамку: “Когда окончился этот рассказ (имеется в виду приводимый ниже рассказ о взятии Герата Исмаилом Сефев и дальнейших приключениях Восифи и его друзей), его высочество [Кельди Мухаммад] сказал: “Маулана Кийтали говорил, что у вас в Хорасане был родственник, по имени Гияс-ад-дин Мухаммад, совершивший во времена Шейбек-хана удивительные вещи. Мой дух крайне стремится услышать об этом” — Я доложил: ... и т. д.”

82. Эти слова Восифи вставляет как бы от себя.

83. Имеются в виду Бади-аз-заман и Музаффар.

84. Коран, 22,₁.

85. Коран, 23,₁₀₃

86. *** “в половину астрономического мгновения”.

87. Из этого замечания явствует, что Восифи поступил учителем в семью эмира Шахвали в 906 г. х. (1500-1501 г. х. э.), т. е. в возрасте 16 лет,

88. [За то, что затрудняем вас], т. е. богато вознаградим.

89. Очевидно, дом эмира находился за пределами городских стен.

90. Как сообщил мне Е. Э. Бертельс, *** название растения с желтыми цветами.

91. Имеется в виду, что Восифи говорил проповедь, подражая приемам Хусейн-Ваиза. Выражение “Семь лет тому назад” показывает, что Восифи было тогда 15 лет.

92. В тексте неясное мне слово *** (? ***)

93. Соответствующее выражение в тексте *** мне любезно разъяснил в письме А. А. Семенов, одновременно указав, что, в противоположность высказывавшемуся мною предположению, “этого рода чалмы не составляли принадлежности костюма только студентов, но всех прочих граждан, кроме *** и эмиров, которые концы чалмы не выпускали”.

94. “Папка” для бумаг из тисненной кожи.

95. Сыновья Султан-Хусейна.

96. Сай в двух фарсах на запад от Герата.

97. Известные строки Шах-намэ.

98. Важный сановник двора Султан-Хусейна. См: *В. В. Бартольд*, цит. раб., стр. 154; *Бабур*, франц. перев., I, 21.

99. Султанвали, очевидно, сын эмира Шахвали. Словом “суженая” перевожу ***, стоящее во всех трех рукописях, полагая, что это вариант приводимого в словарях ***.

100. Далее стих:

101. В тексте неясное мне слово *** (?***).

102. Так, очевидно, звали бегим. Соответствующее чтение дает рукопись Т. Рукописи В и С имеют ***

103. ***

104. Под первыми имеются в виду длинные пояса — кошельки.

105. Слова хана непристойны; они по-персидски, вторая его фраза по-узбекски.

106. ***. Так, очевидно, звали невесту Султанвали. Такое же имя носит одно лицо, плясавшее на маджлисе Восифи. См. ниже, стр. 378.

107. Каваре — большая корзина почти в рост человека. Ее носят на спине

108. Очевидно, имеется в виду доставка новой партии винограда, которая, вместе с оставляемой частью, будет употреблена на изготовление вина.

109. Коран, 2,₁₁₁; 3,_{42,52}; 6,₇₂ и др.

110. Под драгоценностями Хадиджа-бегим имеются в виду, очевидно, драгоценности Карагез-бики. Тогда драгоценности, закопанные в михманхане, — это те, что были принесены из дома эмира Шахвали.

111. *** — лавка, в которой он, судя по этому названию, вероятно, не только торговал жареным горохом, но и занимался его приготовлением.

112. Эти стихи, вместе с предшествующим, заключенным в ковычки, отрывком представляют собой, очевидно, цитату (“Анвари Сухайли?”).

113. В 330, С 260 ***. Возможно, что путь к раскрытию этого иносказания указывается здесь некоторым созвучием этого слова с арабским словом в другом значении.

114. Такого эмира упоминает Хондемир (“Хабиб-ас-сияр”, цитируемая ниже тегеранская литография, стр. 310) среди узбекских эмиров, участников похода Шейбани-хана на Герат. При вступлении узбеков в Герат Джан-вафа был назначен комендантом (даруге) города. Таким образом его брата Уруса не следует, повидимому, смешивать с упоминаемым у Бабура (франц. перевод, I, 395) джагатайским эмиром Мухаммад Урусом. Джанвафа был убит в роковом для узбеков сражении под Мервом.

115. Под другими имеются в виду, очевидно, сын эмира — Султанвали и его невеста.

116. Имеется в виду, вероятно, упоминавшийся выше хафиз Султан-Али

117. ***

118. Ниже (стр. 378) Амани снова появляется в обществе Восифи, через четыре года после описываемых событий.

119. “Хабиб-ас-сияр” Хондемира цитируется по тегеранской литографии 1854 г. (15 раби-аль-мавлуд 1271 г. х., дата окончания переписки 4-ой части 4-го тома). Это сочинение было начато в 1521 г. и окончено в 1523/4 г. (см. статью Беверидж под словом “Хондемир” в Энциклопедии Ислама). Эти данные имеются и в нашей литографии. Так, на последней (424) странице сочинения перед заключительным месневи двукратно приведен тарих окончания *** Хондемиром своего труда — 930 г. х. (этот год начался 10 ноября 1523 г. х. э.). Упоминаемые перед этим в летописной последовательности года (например стр. 312 и 320 — 929 г. х., стр. 388 — 930 г. х.) вполне подтверждают эту дату — 930 г. х. (1524) — последний год летописи (см. также: В. В. Бартольд, Иран, Исторический обзор, стр. 86). В связи с этим вызывает недоумение, приведенное М. А. Салье (Сборник “Родоначальник узбекской литературы”. Ташкент, 1940, стр. 171) сведение о том что Хондемир “приступил к писанию этого сочинения, находясь в Кандахаре, в 933—1526/27 гг.” В предисловии и повторно в тексте (3-я часть 3-го тома) Хондемир точно сообщает, что он приступил к написанию своего труда в начале 927 г. х. (начало 1521 г. х. э.; стр. 3 цитир. литографии) по указанию эмира Гияс-ад-дина Мухаммад ибн эмир Юсуфа-аль-Хусейни (стр. 3 и 381 цит. литографии). Писание было прервано после убийства эмира в том же году, в связи с наступившей вследствие этого

смуты, и возобновлено, все в том же году, после прихода в Герат нового наместника Дурмиш-хана, по указанию одного из приближенных последнего, ходжа Хабибулла (стр. 4 цит. литографии). По имени этого ходжа и названо все сочинение (стр. 5).

Эмир Мухаммад до самой казни был одним из двух правителей Герата (второй был Амир-хан, казнивший эмира). Его жизнеописанию посвящена целая глава “Хабиб-ас-сияр” (стр. 381). Из этой главы явствует, что Хондемир приступил к написанию своего сочинения в Герате. Продолжал он свою работу также в Герате, куда в том же году прибыл упомянутый Дурмиш-хан (стр. 382 цит. литографии). Таким образом, сомнение вызывает и другое сообщаемое М. А. Салье (цит. раб., там же) сведение, согласно которому Хондемир приступил к своей работе в Кандахаре.

120. Стр. 309. Это — апрель 912 г.

121. См. Навои в рассказах современников, стр. 127.

122. Хондемир, стр. 309, *Бабур*, II, 5.

123. *Хондемир*, там же. ***

124. *Хондемир*, там же.

125. Французск. перевод, II, 8.

126. Как известно, именно у Тарнаба произошло сражение за Герат между Ала-ад-дауле и Улугбеком (1448 г.), выступившим из Мавераннахра. Тарнаб находится в 11 фарсах от Герата. См.; В. В. Бартольд, *Улугбек и его время*, стр. 123.

127. *Хондемир*, 310. Ни Восифи, ни Бабур ничего не говорят об упомянутых подробностях разгрома тимуридов, зато дальнейший эпизод приводится у Восифи с большими подробностями, чем у Хондемира.

128. Восифи упоминает еще эмира Абд-аль-кадира, но приписывает обращение к вельможам не Музаффар-Хусейну, а матери его Хадиджа-бегим.

129. *Хондемир*, 310. Как видно из этих слов, Хондемиру было поручено только составление соответствующего дипломатического документа. Эти слова не следует истолковывать в том смысле, что “Хондемир участвовал в выработке условий сдачи Герата” (Салье, цит. раб., стр. 172). Жесткие условия сдачи были продиктованы гератцам позже, в ставке Шейбани (см. ниже). Восифи ничего не говорит об этом послании.

130. *Хондемир*, там же. *** Бабур (I 402) упоминает об известном ученом богослове Муллазаде (т. е. мауланазаде) Мулла-Усмани (т. е. маулана Усмани), который получил прозвище Мулла-Мадарзад благодаря тому, что очень рано (с 14 лет) стал заниматься преподаванием, (продолж. сноски см. след. стр.). Восифи (см выше, стр. 343) говорит в связи с событиями этого же дня о ***. (В 324, С 254, Т 613. В последней рукописи слово “набире” пропущено).

131. *** *Хондемир*, 310.

132. Хондемир перечисляет гератцев, отправившихся в ставку, но себя среди них не называет.

133. *Хондемир*, там же.

134. ***

135. *Хондемир*, стр. 311.

136. Так — Бабур и Хондемир. Восифи называет ее Карагез-бики. Так как “ханзаде-ханум” не имя, а титул, (см.: В. В. Бартольд, Улубек и его время, стр. 115), то противоречия здесь нет. В сообщаемом Восифи интимном разговоре естественно ожидать не титула, а имени.

137. Восифи говорит только, что она была дочерью узбекского эмира.

138. *Хондемир*, 311; *Бабур*, II, 10, Восифи, см. выше, стр. 349.

139. “Стараниями ходжа Камаль-ад-дин Махмуда”. *Хондемир*, там же.

140. *Хондемир*, стр. 311. *** Чрезвычайно желательно, чтобы специалисты-нумизматы высказались по существу этих интересных сведений.

141. ***

142. Цит. литография, стр. 312.

143. Цит. литография, стр. 312. В тексте значительное количество весьма интересных подробностей.

144. Назначение его осталось мне неясным.

145. *** Цит. литография, стр. 311.

146. См.: *В. В. Бартольд*, *Мир-Али-Шир и политическая жизнь*, стр. 162.

147. См. “Мемуары”, стр. 264.

148. См. ниже, стр. 389.

149. Рассказ приводится ниже.

150. Неясно, имеется ли в виду тот же дом, который был в 913 г. х. разгромлен узбеками, или другой.

151. См. выше, стр. 343 и ниже, стр. 383.

152. Рассказ сообщен на том же маджлисе Кельди Мухаммада, вслед за рассказом о похождениях Гияс-ад-дина в Мешхеде и Кусуре (Т. 577, В 300, С 234). Восифи выступает с этим рассказом в связи с тем, что разговор на маджлисе переходит на тему о дальновидности, которую проявил, конечно, сам автор мемуаров.

153. В рукописях следует непристойный арабский бейт.

154. В действительности могло пройти не более девяти лунных лет, так как “джулус” Исмаила имел место в 1502 г.

155. В тексте *** — торжественная реляция о победе — манифест, которую оглашали в населенных пунктах отходящей к победителю территории и в его собственной области. Восифи включил в свои мемуары текст двух таких составленных им грамот (см. “Мемуары,” стр. 267 и 268).

156. Здесь в значении “ни жив, ни мертв.” Коран, 20,⁷⁶

157. Второй хафиз, очевидно, оспаривал право оглашения грамоты.

158. Коран, 3,²⁵

159. Очевидно, известный Абдулла Марварид Садр, вельможа и музыкант круга Навои.

160. Очевидно, не в силах произнести проклятие и как бы испрашивая санкцию у шейх-аль-ислама.

161. Это, очевидно, несколько запоздалая реакция Кули-хана на задержку в оглашении текста проклятия, допущенную Хафизом или на недостаточную выразительность его чтения.

162. Все последние заключенные в квадратные скобки слова в рукописях С и В отсутствуют (Т, 583).

163. Т. 583 — “огонь Халиля.”

164. Рукопись Т 584 описывает этот эпизод в несколько иных выражениях.

165. Под еретиком имеется в виду Джами. Эти слова себзеварца доказывают его крайний шиитский фанатизм, т. е. подчеркивают новую опасность, надвинувшуюся на Восифи.

166. Имеются в виду созвездия.

167. Т 588, В 310, С 240^v.

168. Имеется в виду занятие Исмаилом Герата.

169. В другом случае (см. выше стр. 353) это имя носит женщина, что, может быть, здесь определяет пол танцовавшего лица — носителя этого имени. Трудно сказать, идет ли речь в обоих случаях об одном лице или о разных. Имя Джуджук носила также жена Бади-аз-замана, умершая в зуль-хидже 912 г. х. (апрель 1507 г. х. э.). См.: *Хондемир*, цит. раб., стр. 309.

170. Это тот проповедник, причиной казни которого был Мирза Байрам (см. выше, стр.371-372).

171. *** Т 589, В 310.

172. Интересен контекст для термина “кровники”, которым квалифицирует их Мухибб Али ***. См. также выше, стр. 343.

173. В описании этого бегства значительную роль играют отдельные части всего жилого комплекса — “хавили” правителя. Сопоставление упоминания этих отдельных частей (как в этом рассказе, так и в отмеченной выше истории с бегством Восифи и Гияс-ад-дина после убийства в мешхедской бане) может дать известное представление о плане “хавили” того времени.

174. Очевидно, имеется в виду Хусейн-Ваиз Кашифи.

175. *** Т 597, В 315, С 246. Под термином “махтуме” имеется в виду, очевидно, окончание определенного периода обучения, под “мафтухе” — начало следующего периода. Как видно, эти события отмечались специальным семейным торжеством. Как любезно указал мне В. И. Беляев, под “кафийе” имеется, очевидно в виду грамматическое сочинение *** Ибн-аль хаджиба, а под *** комментарий на него Абд-ар-рахмана Джами. См. Brockelmann, GAL, I 303 и 304, 13. Подробнее об учебных пособиях см. ниже.

176. В течение этого эпизода несколько раз подчеркивается тот факт, что Восифи является учеником Хусейн-Ваиза и снова приводится упомянутый выше отзыв Хусейн-Ваиза о Восифи.

177. *** См. также “Мемуары”, 218.

178. *Бартольд*, цит. раб., стр. 143.

179. См. “Навои в рассказах современников,” стр. 134.

180. Опять-таки свидетельство Хондемира. См. “Родоначальник ... и т. д.,” стр. 210. Текст, повидимому, слишком краток для каких-либо реальных выводов.

181. См. франц. перевод, II, 38.

182. “Саламан и Абсаль,” изд. Фальконер, стр. 10, стих 15.

183. В которой был привязан избитый Восифи.

184. Цит. литография, стр. 357, 4-я часть 3-го тома. Глава носит название ***

185. Под термином *** вероятно, имеются в виду менее значительные люди, входившие в свиту сановников.

186. Накануне он, вероятно, остановился вне Герата.

187. Полагаю, что именно они имеются в виду под словом “гази”. Хондемир избегает термина “кизилбаш”, который употреблялся только их противниками.

188. Цит. раб., стр. 118, 129, 130.

189. Другой цикл антишиитских рассказов имеется в гл. 8-ой “Мемуаров.”

190. См. выше, стр. 335.

191. Выше, стр. 336.

192. См. выше, стр. 376.

193. Стихи помещены в гл. 17 мемуаров, рассказ Бинои о его поездке в Ирак (часть этого рассказа см. “Навои в рассказах современников” рассказы XV и XVI).

194. Так один раздел специально посвящен “поношению шиитства” ***. См. также т. III истории персидской литературы Броуна, стр. 521. На стр. 519 часть текста этого раздела.

195. См. “Мемуары”, стр. 213. сл.

196. См. “Мемуары”, стр. 216.

197. Некоторые сведения о жизни и деятельности Восифи в Средней Азии приведены в упоминавшейся уже моей работе “Мемуары”.

198. См. “Мемуары”, стр. 243 и 269.

199. См. “Тезкире Хасана Нисори”, Труды отдела Востока Эрмитажа, III, стр. 299,

200. Так, например, эта датировка сводит на нет исправляемую с 916 г. на 919 г. х. по старой сталинабадской рукописи (см. “Мемуары”, стр. 241) и по рукописи В 653 (л. 95) Института Востоковедения Академии Наук СССР датировку гл. 8.

201. См. “Мемуары”, стр. 225 и 225.

202. См. “Мемуары”, стр. 256-257 и 269.

203. См. “Мемуары”, стр. 226.

204. См. “Мемуары”, стр. 241.

205. См. выше.

206. См. “Мемуары”, стр. 231, где все нижеперечисленные произведения Восифи охарактеризованы подробнее.

207. Поэт Ахли [Ширази] (умер в 942/1535-36 г.), автор трех известных больших касыд типа масну, посвященных Навои, Юсуф-шаху — брату иракского правителя Якуб-бека, и Исмаилу Сефеву, был приятелем Восифи и присутствовал, как мы видели выше, на интимном

маджлисе в доме Восифи. Очевидно, под его непосредственным влиянием Восифи и написал свое подражание на “четверичную” оду Джебели, являющееся очень хорошим образцом сложной техники масну.

208. В “Мемуарах”, стр. 243 они мною не точно названы “одами”.

209. Т 85, В 44, С 50. ***

210. См. “Мемуары”, стр. 236. Весьма интересно упоминание “зиаратгахских людей”. Дело идет, очевидно, о каком-то прошении, поданном этой группой Гератских жителей новым сефевидским властям Герата. Выше было еще одно упоминание о “зиаратгахцах” (стр. 377). Это — “зиаратгахские ходжи”, которые в контексте выступают как особенно привлекательная жертва для экспроприации имущества под видом преследования суннитов. Нисбу “зиаратгахи” носил также хафиз, убитый кизилбашами при оглашении “победной грамоты” Исмаила Сефеви (см. выше, стр. 384).

211. См. “Мемуары”, стр. 247.

212. См. “Мемуары”, стр. 256-257.

213. “Мемуары”, стр. 253, Т. 529, С. 214.

214. А не сам Джами, как по недоразумению указано в моей работе “Мемуары”, стр. 258.

215. Имеется в виду Восифи.

216. См. “Мемуары”, стр. 232 и 248. Отдельные критические мнения о литературных произведениях также часто встречаются в записках Бабура.

217. Сведения, заимствованные из биографии Авиценны, отмечены ниже условным сокращением Авиц.

218. Т 390, В 263, С 159. Это только небольшая часть (начало).

219. В переводе невозможно отразить постоянную игру слов, применяемых и в общих их значениях и в терминах грамматических.

220. Декламация в широком смысле слова “хафизы” касалась не только корана, но и других прозаических текстов см. выше, эпизод с оглашением грамоты Исмаила Сефевы, не говоря о стихах.

221. Так, Восифи кончил курс корана не менее чем в пять лет.

222. *** ум. в Каире в 1193 г. х. э. Его сочинение ***, касыда в 1173 бейта, посвященная семи способам чтения корана, пользовалась чрезвычайной известностью, многократно комментировалась. См.: Хаджи Хальфа, III, 43.

223. См. “Мемуары”, стр. 240.

224. Последовательность: азбука — коран — сарф — нахв засвидетельствована также Н. Ханыковым для более позднего времени в мактабах и медресе Бухары (обучение в медресе начиналось с сарфа). См.: Н. Ханыков. Описание бухарского ханства, 1843, стр. 222.

225. *** см. “Мемуары”, стр. 246. Этот труд под руководством Восифи изучал узбекский царевич Науруз Ахмад. Возможно, что это был облегченный учебник, которым пользовались в тех случаях, когда обучение не преследовало углубленных целей.

226. См.: *Хаджи Хальфа*, VI, 389.

227. Цит. раб., стр. 219.

228. *** Ибн аль-Хаджиба, ум. 646/1248. См.: *Брокельман*, GAL , I, 303 и 304,13.

229. Стр. 380

230. См.: *В. И. Беляев*, Арабские рукописи бухарской коллекции Азиатского Музея Института Востоковедения АН СССР, Ленинград, 1932.

231. Цит. раб., стр. 219.

232. GAL, I, 305, II.

- 233.** См. “Мемуары”, стр. 205. По контексту ясно, что речь идет о какой-то чрезвычайно распространенной, общеизвестной книге.
- 234.** Цит. раб., стр. 219.
- 235.** См.: *Хаджи Хальфа*, VI, 420,
- 236.** Цит. раб., стр. 219.
- 237.** См.: *Хаджи Хальфа*, I, 308.
- 238.** См.: *Хаджи Хальфа*, V, 306.
- 239.** Цит. раб., стр. 215.
- 240.** Цит. раб., стр. 217. Название “Инаят” носят многочисленные комментарии на известнейшую книгу “Хидаят” Абубекра Маргинани (ум. 593/1196). См.: *Х. Хальфа*, VI, 483, 485, 490, 494.
- 241.** Это уже другая тирада, следующая после первой, приведенной выше.
- 242.** См.: GAL, I, 295, 4A
- 243.** См. Цит. раб., стр. 220.
- 244.** Фольклор и литература Бадахшана, Институт Востоковедения АН СССР. Рукопись.
- 245.** *Хаджи Хальфа*, III, 235.
- 246.** GAL, I, 466.
- 247.** “Мемуары”, стр. 205.
- 248.** Цит. соч., стр. 221.
- 249.** См.: *В. И. Беляев*, цит. раб., стр.
- 250.** *Хаджи Хальфа*, II, 128.
- 251.** См. “Навои в рассказах современников”, стр. 150.
- 252.** См. “Мемуары”, стр. 216, сл.
- 253.** Таких юношей называли “ходжазаде”. Ср. “Навои в рассказах современников”, стр. 137-138.

- 254.** В 1492 г. он присутствует и на пиру Маджд-ад-дина. См. “Навои в рассказах современников”, стр. 134.
- 255.** “Мемуары”, гл. 35, Т 663, В 283. Аналогичной формулировкой описаны музыкальные достоинства Гияс-ад-дина; см. выше, стр. 321.
- 256.** См. “Навои в рассказах современников”, стр. 148, где этот рассказ приведен подробнее.
- 257.** См. “Навои в рассказах современников”, стр. 134. Эти юноши перечислены в особой группе, отдельно от поэтов, музыкантов, остроумцев и т. д .
- 258.** См. “Мемуары”, стр. 238. В отличие от своих Гератских собратьев шахрисабзец Максуд был неграмотен. Это, впрочем, не мешало ему знать и понимать стихи.
- 259.** См. выше, стр. 378. Последнее имя могло принадлежать женщине. В отличие от этих людей, именам всех четырех присутствовавших на этом маджлисе поэтов предпослано обозначение “маулана”.
- 260.** См. выше, стр. 345.
- 261.** См. “Навои в рассказах современников”, стр. 142.
- 262.** “Навои в рассказах современников”, стр. 125.
- 263.** См. выше, стр. 353.
- 264.** Эпизод взят из главы 34 “Мемуаров”, которую я предполагаю включить целиком в подготовляемую в настоящее время работу.
- 265.** См. “Мемуары”, стр. 232.
- 266.** Для этих самаркандских эпизодов см. “Мемуары”, стр. 226, сл., 238, 247.
- 267.** Это, вероятно, нельзя распространить на певцов, музыкантов и танцоров, которых приглашали скорее как профессионалов. Они выступали с равным успехом и там и здесь.

268. При этой передаче выпущены частично или целиком вводные придаточные предложения, расширяющие и определяющие с риторической целью какой-либо элемент соответствующих главных предложений; также опущены все многочисленные цитаты из корана и хадисов. Выпущенная часть составляет около половины всего текста маншура.

269. Имеется в виду Фаридун-Хусейн.

270. Текст во всех трех рукописях совпадает за исключением некоторых совершенно несущественных разночтений.

271. Маншур на пожалование пустошей и рудников ташкентского вилайета См. “Мемуары”, стр. 268.

272. Т 380^v, В 255^v, С 155^v.

273. Последнее выражение мне не вполне ясно.

274. Т.е. постоянно пребывает в почтительной позе с опущенной головой.

275. Цит. раб., стр. 139.

276. “Мемуары”, 244, 253.

277. В основу положено чтение В и С; из разночтений по Т даны только наиболее существенные.

278. Игра слов: *** и ***. Слово *** не дано, кажется, ни в одном из персидских и арабских словарей в том значении, которое диктуется здесь контекстом, т. е. в смысле звука, издаваемого верблюдами. Лишь в словаре Ягелло есть глагол *** — лаять. Студенты-таджики Филологического Факультета ЛГУ без всяких колебаний подтвердили наличие этого глагола в их языке (канибадамский и самаркандский диалекты) не только в этом значении, но также и применительно к крику верблюда. Последнее значение они подкрепили хорошо известной таджикской поговоркой *** “верблюд закричал — река вспенилась”: имеется в виду не

особенно громкое ворчание-хрюканье верблюда в спокойном состоянии.

Очевидно, что игра слов, составляющая “нукте” проповеди, предусматривает одинаковое или почти одинаковое произношение слов *** и *** в устах носителей Гератского говора конца XV в.

Примечания

Текст приводится по изданию:

Очерки жизни гератского общества на рубеже XV-XVI вв. // Государственный Эрмитаж. Труды отдела Востока, Том IV: Пер. А. Н. Болдырева. — Л., 1947.

ЗАЙН-АД-ДИН МАХМУД ВАСИФИ

**УДИВИТЕЛЬНЫЕ
СОБЫТИЯ**

БАДАИ' АЛ-ВАКАИ'

“Удивительные события”. Название переводят так же, как “Диковинки происшествий”, или “Чудеса происшествий”. Имеет сочинение и второе название — “Склад происшествий” (***) “Вади'ат ал-хакайик”). Автор Зайн ад-Дин Махмуд бен Абд ал-Джалил Васифи (***). Наряду с лакабом Зайн ад-Дин он имел еще два — Асир ад-Дин Камал (***) и Камал ад-Дин (***); имел он, кроме Васифи, также и вторую нисбу— Ансари (***)¹.

Родился Васифи около 1485 г. в Герате и умер в промежутке между 1551 и 1566 гг. в Ташкенте, где и похоронен. Отец Васифи, Абд ал-Джалил, был, вероятно, чиновником-секретарем или писцом. Он имел в Герате собственный дом и был человеком средней обеспеченности. Васифи пришлось немало скитаться и путешествовать. Герат, Мешхед, [173] Джам, Нишапур, Самарканд, Бухара, Сауран, Йассы (г. Туркестан), Ташкент, Шахрухийа, Шахрисабз — вот отдельные вехи на его пути. В его сочинении мелькают названия таких известных в Средней Азии мест, как Фаркат, летовки Йар-Йайлак, Лягяган, Шараб-хане, река Чирчик, гора Казгурд (Казыкурт), селение Тульки-Баш и другие. В 1537 г., во время похода на казахов, он вместе с узбекскими войсками Убайдаллах-хана дошел до Иссык-Куля. Много занятий переменил Васифи за свою жизнь: был домашним учителем, воспитателем малолетних отпрысков при тимуридских и шайбанидских дворах, имамом мечети, придворным литератором в должности “учителя, имама и кази-аскара”. В 1518 г. он принудительным путем был доставлен в Шахрухийу к Кельди-Мухаммад-хану, сыну Суйунч-ходжа-хана, а после смерти Суйунч-ходжа-хана (23.VII 1525 г.) вместе с Кельди-Мухаммад-

ханом переехал в Ташкент, в котором и оставался до смерти, выезжал из города вместе с ханом лишь по случаю военных походов или на левые. После смерти Кельди-Мухаммада (1532/1533 г.) Васифи был назначен воспитателем его сына Абу-л-Музаффар Хасан-султана и находился при втором сыне Суйунч-ходжа-хана Науруз-Ахмад (Барак)-хане (умер 23.IX 1556 г.), воспитателем которого он был в более раннее время. Обстоятельства смерти Зайн ад-Дина Васифи не известны. В 1551 г. Васифи составил запись о смерти Фаридун-Мухаммад-Талиба, своего сына, как предполагает А. Н. Болдырев ².

Какое образование получил Васифи, точно не известно. В Герате он учился в медресе. Однако гораздо большее значение для усвоения и развития литературных знаний Васифи имела литературная среда Герата. Он вращался в среде образованных и просвещенных людей и с детских лет усваивал комплекс знаний, необходимых не только для успешного применения шаблонно-традиционных средств арабско-персидской литературной техники, но и для творческого развития самой литературы. Наблюдательность, масса ярких впечатлений, жизненный опыт и завидная память в совокупности с теоретическими познаниями позволили ему занять особое место в истории литератур народов Средней Азии.

В молодости он хорошо изучил искусство составления муамма — литературной шарады, благодаря чему получил возможность встретиться с Алишером Навои незадолго до смерти поэта. В своих мемуарах Васифи приводит несколько рассказов о Навои. В этих рассказах Алишер Навои предстает как обыкновенный человек в кругу друзей-единомышленников в повседневной жизни со всеми достоинствами и недостатками. В этом особая ценность рассказов Васифи о Навои, так как другие современники или биографы позднейшего времени обычно

[174] образ великого поэта передают в виде какой-то абстрактной схемы, “стилизованной иконы”.

Со многими крупными и мелкими литераторами встречался Васифи после этого. Он общался с музыкантами, художниками и другими деятелями искусства: с одними дружил, с другими вступал в полемику, чаще, по его словам, одерживал верх, но терпел и неудачи.

Написал Васифи свои мемуары на среднеазиатском фарси. В позднейшее время они были переведены на староузбекский язык³. “.. Васифи заложил основы нового литературного стиля, отвергавшего традиционную риторику, черпавшего свои языковые средства из народно-разговорной речи таджиков”⁴. Эта правильная оценка роли Васифи в формировании нового направления в персидско-таджикской литературе потребует, очевидно, лишь незначительных коррективов. Простота языка, прозрачность литературной речи присущи и некоторым литературным произведениям до Васифи. Таков, например, “Гулистан” Са’ди и некоторые жития-тазкира суфийских пиров. Агиографические сочинения, которым сейчас историками, лингвистами, литературоведами уделяется так мало внимания ввиду их чуждой нам с точки зрения сегодняшнего дня религиозно-идеологической заостренности, не выделялись и не вычленялись так уж строго, а обывателем тех веков — и подавно, из общего потока литературной продукции. Такие сочинения были популярнейшим чтивом не только среди ближайшего окружения суфийских пиров, но также и среди широких кругов простого люда, среди ремесленников, торговцев, крестьян, низшего духовенства и т. д. Назначение такой литературы определяло простоту языка, на котором она создавалась. Произведения этого жанра могут найти аналогию в “Житии протопопы Аввакума”. Таким образом, стиль, опорной базой которого являлась разговорная

речь персов и таджиков, не прекращал своего существования до, во время и после Васифи. Однако Васифи своими мемуарами дал мощный толчок развитию его, поднял его на новую ступень. В этом особая заслуга Васифи.

Как уже было сказано, “Бадаи’ ал-вакаи” — это мемуары. В них автор на фоне исторической эпохи в занимательной форме рассказывает отдельные эпизоды из своей жизни. Они неисчерпаемый источник для изучения истории, в особенности для бытовой и литературной истории Средней Азии и Хорасана конца XV — первой половины XVI столетия. Особую ценность они представляют в связи с тем, что в них запечатлены идеология, мировоззрение, мировосприятие и миропонимание не представителя феодальных кругов, а выходца из средних городских слоев. В мемуарах мы найдем немало обличительных [175] страниц, рассказов, разоблачающих порочность и жестокость правителей и их окружения. Не следует, однако, думать, что таково основное содержание мемуаров. Васифи был сыном своей эпохи и возвыситься над общим уровнем не смог. Его сочинению присуща система взглядов, свойственная литературному деятелю феодальной эпохи. Не чужд он был и саморекламы. Многие эпизоды из его мемуаров имеют целью самовосхваление. Не избежал он и панегирического восхваления царственных особ. Но, несмотря на все это, отдельные страницы его сочинения потрясают своей разоблачительной силой. Однако этих страниц не так много, да и написаны они могли быть только в тех ограниченных случаях, когда написанное никак не задевало интересы класса феодалов в целом, а воспринималось как осуждение отдельного, “недостойного” лица или политического противника.

Мемуары писались в течение длительного времени, несколько раз переделывались и по первоначальному замыслу предназначались в

дар разным лицам, которым они и посвящались. В конце концов “Бадаи’ ал-вакаи” было посвящено и в 1538/1539 г. н. э. поднесено шестилетнему Хасан-султану, сыну Кельди-Мухаммад-хана. Хасан-султан вскоре умер, и Васифи опять спрятал свою рукопись, чтобы дальше работать над ней. В 1566 г., когда было составлено тазкира Хасана Нисари “Музаккир ал-ахбаб”, “в среднеазиатских городах еще не было в обращении списков “Удивительных событий”⁵. Со временем, однако, положение изменилось: до Октябрьской революции “Бадаи’ ал-вакаи” было широко распространено в Средней Азии и являлось одним из самых популярных литературных произведений.

Кроме мемуаров, перу Васифи принадлежит много стихов, официальных документов, легендарная биография Авиценны и ряд других произведений, дошедших до наших дней в составе “Удивительных событий”.

Как уже было сказано, мемуары Васифи являются ценным источником для изучения истории Ирана, Афганистана и советской Средней Азии, они содержат много интересного материала, относящегося к тимуридам и шайбанидам, немало сведений о взаимоотношениях шайбанидов с сефевидами.

О казахах известия содержатся в двух местах “Бадаи’ ал-вакаи” — это сообщение о том, что шайбаидский хан (по-видимому Убайдаллах-хан) совместно с Кучум (Кучкунчи) -ханом и султанами собрались в Йассы для организации похода на казахов, и “Реляция о победе над казахами” (***). Поход на казахов, по-видимому, состоялся зимой 1516/1517 г. О его результатах Васифи [176] ничего не сообщает, говорит лишь о возвращении шайбанидов из него. Не в пример этому лаконичному сообщению интересна реляция, представлявшая собой

манифест, который оглашали в населенных пунктах, принадлежавших победителю владений.

Реляция была заимствована в состав мемуаров из сборника текстов типа *инша* различного происхождения под названием “Бадаи’ ал-кавинин”, который, возможно, не принадлежал Васифи ⁶. В ней сообщается о походе узбеков на казахов, который имел место в 1537 г. и в котором Зайн ад-Дин Васифи, видимо, принимал участие. Хотя в тексте документа и нет указания на год, однако целый ряд косвенных и прямых данных позволяет утверждать, что здесь описан именно поход 1537 г. Этот поход получил отражение в таких сочинениях, как “Та’рих” Шах Махмуд бен Мирза Фазил чораса, “Бахр ал-асрар” Махмуда бен Вали, “Та’рих-и Кашгар”, “Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф” и других. Реляция содержит любопытнейшие известия, которых нет ни в одном из названных сочинений. Документ сообщает о том, что действия между Убайдаллах-ханом и Абд ар-Рашид-ханом были согласованы. В нем намечается маршрут, по которому узбеки преследовали казахов, с указанием, какие пункты проходили, в какие числа месяца и дни недели, говорится о строительстве казахским ханом Тахиром крепости для обороны от калмаков; сообщается, что страна, на территорию которой вступили узбеки, имела название Казахстан. Все эти известия имеют важное значение. Для изучения истории казахского народа материалы “Бадаи’ ал-вакаи” не привлекались. Исследователь биографии и сочинения Васифи А. Н. Болдырев первый обратил внимание на значение этого документа и дал в своей книге о Васифи в примечаниях пересказ реляции с отдельными заметками и несколько отрывков текста в переводе. Исследовали творчество Васифи и пользовались его мемуарами Б. Дорн, П. И. Лерх, В. В. Бартольд, А. М. Беленицкий, В. Л. Вяткин, С.

Айни, А. А. Семенов, А. Мирзоев, Е. А. Давидович, А. К. Аренде, Б. Г. Гафуров, С. А. Storey, Yan Rypka и многие другие.

В книгохранилищах Советского Союза имеется немало списков “Бадаи’ ал-вакаи”. А. Н. Болдырев насчитывает их тридцать один, из них три — переводы этого сочинения на староузбекский язык. За рубежом пока не обнаружено ни одного списка ⁷. В последнее время изучение творчества Зайн ад-Дина Васифи значительно продвинулось вперед благодаря, прежде всего, исследовательской деятельности [177] А. Н. Болдырева, опубликовавшего ряд статей ⁸, биографию, исследование творчества Васифи и критический текст его сочинения. Более подробные известия о самом авторе, его произведении, рукописях его сочинения и библиографию читатель найдет в работах А. Н. Болдырева, на основе которых была составлена настоящая заметка.

Комментарии

1 А. Н. Болдырев. Зайнаддин Васифи, стр. 18, 315.

2 Там же, стр. 242—243.

3 СВР, I, стр. 172, номер описания 398.

4 А. Н. Болдырев. Указ. соч., стр. 12.

5 Там же, стр. 244.

6 Зайн ад-Дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи'. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева. АН СССР, ИНА, “Памятники литературы народов востока. Тексты, большая серия, V”. М., ИВЛ, 1961, стр. 34—35.

7 Там же, стр. 14.

8 А. Н. Болдырев. Мемуары Зайнад-Дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков. ТОВЭ, т. II. Л., 1940, стр. 203—274; Персидские переводы “Маджалис-ан-нафаис” Навои. УЗ ЛГУ, № 128, серия востоковедческих наук, вып. 3, 1950; “Тезкирэ” Хасана Нисари как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XVI в. ТОВЭ, т. III. Л., 1940; Алишер Навои в рассказах современников. “Алишер Навои”, сборник статей. АН СССР, ИВ. М.—Л., 1946, стр. 121—152; Очерки из жизни Гератского общества на рубеже XV—XVI вв. ТОВЭ, т. IV, Л., 1947, стр. 313—422.

|357| РАССКАЗ, ВОСХВАЛЯЮЩИЙ ВАЗИРА ХАЗРАТ УБАЙДАЛЛАХ-ХАНА...

|422| И срок задержки в той Ка'бе ¹ надежд, и цели стремления мужей затянулись на один месяц. Наконец, [этот] бедняк и Маулан Эмир Хусайн ² и сын казия Ташкента ³ испросили разрешение и отправились в Ташкент, а оттуда ушли в Туркестан ⁴. Случайно хан ⁵ и Кучум-хан и прочие султаны Самарканда прибыли в Туркестан для [организации] набега на казахов. Ходжа Афак ⁶, который был вазиром Султан Абу-Са'ида ⁷, по случаю болезни задержался в Сабране. У [этого] бедняка установилось общение с ним и [затем оно] достигло степени единения и искренней привязанности, вершина которой не доступна воображению.

Бейт

*С духом его и моим духом [еще] в предвечности
Случилось так, что [они] стали близки.*

Он убедил [этого] бедняка [отправиться] в Самарканд, и я ушел в Самарканд вместе с ним при возвращении хаканов.

|1308| РЕЛЯЦИЯ О ПОБЕДЕ НАД КАЗАХАМИ

Хвала тому, кто ключами мечей победы и могущества открыл нам и нашим братьям двери, достижения цели /1309/ и освежил [178] водами источников победы сады великолепия и пышности, [тому], кто срезал шипы многобожия серпами острых сабель войск ислама по-

средством победы и истребления и наслал молнии мечей наших партий на врагов и поразил их, и он могуч в [своей] силе *и молитве* для того, кто поддержал его в день Бадра ⁸ и Хунайна ⁹ и победил неверие в ряду сражавшихся, и для его рода и его общины, которые боролись за Аллаха своим имуществом и жизнями с рассвета и до захода [солнца] ¹⁰.

Хвала, и слава, и славословие чрезмерные достойны [того] всемогущего, который для защиты от набега войска, прибежища тьмы, напитанной амброй ночи, накинул на верх голубой крепости небесного свода одежду рассыпанного войска звезд и острием дротиков копьеносцев ярких падающих звезд окрасил в алый цвет кровью негров ночи край степи горизонта, и [тому] государю, который послал быстроходного вестника /**1310**/ полумесяца на разведку в сторону войска негров и отпустил авангард [войска] в золоченых шапках хакана озаряющего мир солнца, которым является рассвет, для грабежа и ограбления беглецов того войска, прибежища тьмы, [тому] всемогущему, который своим подчиняющим себе весь мир и обязательным для исполнения приказом пленил грабителей хакана дня — созвездия Большой и Малой Медведиц, которые суть девственницы и добродетельные женщины, [находящиеся] за завесой царского [шатра] голубого неба ¹¹, и по обычаю грабежа похитил Овна ¹² и Тельца ¹³, которые суть из числа выючных животных и скота степи небесного свода.

После изложения этого слова и изложения этой мысли достоин восхваления [тот] предводитель, который, рассыпав из меда уст на камень неблагородных сверкающие [звезды] башни счастья и даже жемчуг шкатулки мученической кончины, создал жемчужину короны вершины благородства и, разостлав месяц мирозавоевательного знамени, выбросил упорных в пучину колодца.

Тот, который [собою] в [этом] мире закрыл двери пророческой миссии.
[Который] поразил [своим] чудом души врагов,
/1311/ Двухнедельную луну по-царски рассек на две части
[И] отважно разбил [боевые] ряды полной луны.

Да благословит его Аллах и род его и всех его сподвижников.

После этого [следует] уведомление мнению украшающего мир и устраняющего трудности, благородного высокого господина, прибежища могущества, великого хана и великодушного хакана, самого верного из султанов в словах и в вере, самого достойного [179] из царей в верности и истине, средства восхода лучей мира и благоденствия и причины обилия следов справедливости и благодеяния, водружающего знамена победы и одоления, поднимающего штандарты справедливости среди человечества, неба, в котором восходит луна халифата и благодаря справедливости которого блистает звезда святости.

Небесная сфера могущества, шах мира, Искандер эпох, Му'изз ад-дин ⁴, Абу-л-гази Убайдаллах-бахадур-хан.

Да увековечит Аллах тень его господства на перекрестке обоих миров, и да увековечит он совершенство дара его благосклонности до дня страшного суда.

[И уведомление это] таково, что всегда все приязненные помыслы и постоянно [все] доброжелательные намерения [автора] были и пребывают расходуемыми и обращенными на то, /1312/ чтобы с помощью благоволения господнего и посредством вспомоществования всеславного — /1312/ да возвысится достоинство его — выявлялось из-за занавеса сокровенности облегчение средств соединения и способов служения этого искренне преданного друга тому высокому господину,

который всегда олицетворяет собой завоевания миропокоряющих знамен и влечет за собой единение со счастьем и владычеством, от которого безусловно зависит и [с которым] связаны благоденствие положения всех людей и спокойствие сердец массы знатных и черни.

И хвала и признательность Аллаху, который [поступает] в соответствии с [выражением]: *«Когда Аллах захочет что-либо, он подготавливает для этого предпосылки»* ¹⁵.

В первый день священного месяца мухаррама ¹⁶ у подножия горы Казгурд ¹⁷, которое стало местом разбивки палаток победоносных войск, [Убайдаллах-хан в соответствии с кораническим выражением] *...и во времена ночи прославляй Его и среди дня* ¹⁸ возносил мольбу к чертогу внимающего молитвам об [указании] средства, которое повлекло бы за собой искоренение и подчинение основ могущества того племени мятежных нечестивцев и бунтующих еретиков — общества лицемерных казахов, которые, уповая на избыточность [своей] численности, /**1313**/ и обилие мощи и могущества, и на неприступность высот гор и возвышенностей холмов, поставили ногу в круг мятежа и непокорности и высунули голову из ворота смуты и беспорядка, и почли пресечение дыхания мусульман безнаказанным и разграбление их имущества удобным. И прибыл гонец от того брата, самого любимого, счастливого и призираемого оком хазрата творца цветов сада творения, света зрачка знания и предвидения, луны, освещающей ночь и **[180]** увеличивающей день, испепеляющего врагов шаха обитаемой четверти земли ¹⁹, водружающего знамя справедливости и благодеяния, отражающего мрак тирании и мятежа, отмеченного милостями повелителя, помощи которого ищут, Абд ар-Рашид-хана ²⁰, и доставил послание от [этого] упомянутого хана.

Пришло из неизвестности письмо, запечатанное печатью. Его содержание — это известие: «Настал удобный момент».

Когда у подножия [горного] прохода Ак-Богуз ²¹ были заключены с тем самым любимым братом подкрепленные условиями /**1314**/ и верой договор и соглашение относительно отражения тех врагов, в соответствии с предписанием [коранического выражения] *не нарушайте клятв после их закрепления* ²², [они] обратились к снаряжению и вооружению для отражения казахов, и в день четверг двадцать шестого священного месяца мухаррама ²³ с огромным, устрашающим горы и ужасающим моря войском знамени прибежища победы двинулись с берега реки Сайрам ²⁴ в сторону Казахстана ²⁵, и местность Никин ²⁶, что из числа древних городов и [который] сейчас разрушен, стала местом, где были раскинуты победоносные шатры, и [количество] веревок и кольев, [при помощи которых разбиваются палатки], превзошло в том месте [число] звезд и метеоритов. В том месте группа из мулазимов счастливого знамени прибыла в тенистый чахарбаг Узун-Ахмада²⁷, и это — благословенный сад, от [зависти к] которому на сердце Ирама²⁸ — рана, и прохлада которого подобна лику изящных красавиц, и воздух которого подобен кокетливым взглядам пленительных возлюбленных. Там до слуха мулазимов достигло [известие], что группа врагов пришла к светозарному мазару /**1315**/ Кочкар-Ата ²⁹ — да облегчит Аллах покой души его и да обеспечит ему удобства в покоях райского сада — и остановилась на йайлаке Сугун-Сумр ³⁰.

Из благородных людей войска неустрашимых, опережающие стремени *в тот день, когда встретились два отряда* ³¹, Кумай-бий и Турды-Мухаммад-бий, каждый из которых крокодил, в море сражения переплывающий океан, и упрямец, в месте сечи и битвы подобный огню, с полком из отважных войск-мстителей за обиды, которые ветром

атаки легко устраняют перед собою тяжелую гору, и в [то] время, когда огонь сжигает ложь, [они] острием стрелы прищипливают золоченый купол солнца к лазоревой сфере небес, были командированы для того, чтобы до прихода врагов укрепить горный проход Сунгак ³² и перехватить им путь. Эти двое вышеупомянутые разведали [положение дел[181] противника и] отправили известие, что то племя через [горный проход] Кочкар-Ата направилось к Иссык-Кулю, и это такое море, плюющиеся пеной разъяренные верблюды волн которого постоянно сражаются с дромадерами определяющего судьбу властелина, и сбрасывая с горы верблюжьего горба седло сущности досок судов, атакуют индуса-каравановожатого Сатурна ³³. Кейван ³⁴ для ловли его рыб каждую ночь делает сети из отражения усеянного звездами голубого небесного свода и по желанию его крокодила, [способного] выпить океан, бросает в него рыболовный крючок из молодого месяца.

Стих

*Страшная вода, в которой не бывает в безопасности [любая] птица,
Самая маленькая волна [которой] увлекает в пучину с ее берега мельничные
жернова.*

Августейшие войока, подобно небесному року, выступили вслед за ними из Кочкар-Ата. [Когда] племя неприятеля увидело скопление полков усмиряющих океан войск и плеск волн вздымающегося моря битвы, [то] стало искать прибежища в крепости Джатан ³⁵, которую построил у подножия одной горы Тахир-хан ³⁶ для отражения войск калмаков. Высота ее такова, что взлететь птице мечты на ее вершину — из /1317/ высказываний нелепостей, и достижение лассо зрения до карниза ее верхних апартаментов — из числа [абсурдных] мечтаний;

тяжесть ее сломала спину подземной коровы ³⁷ и острое быстрого меча той горы разорвало грудь льва неба ³⁸.

Стих

*Если бы солнце осталось за той громадной горой,
Где бы в [этом] мире увидел человек солнце до дня страшного суда?*

Стих

*[Лишь] через тысячу лет достиг бы [камень] крыши Сатурна,
Если бы кто-нибудь сбросил его с той горы.*

Считая ту неприступную крепость и ту прочную твердыню убежищем, и пристанищем, и средством избавления, в [182] соответствии с [кораническим выражением], *и они думали, что их защитят их крепости* ³⁹, они для укрепления ее собрали много камней и ветвей.

В намаз-и дигар ⁴⁰, когда Джамшид солнца разбил палатка света в стране Магриба ⁴¹, победоносные войска пришли к подножию той горы, и вестники неведомого донесли до уха рода неприятелей возглас: *«Где бы вы ни были, захватит вас смерть, если бы вы были даже в воздвигнутых башнях»* ⁴². /1318/ [Враги] *точно они ослы распуганные, что убежали от побеждающего* ⁴³, бежали оттуда и направились в [сторону] Буркачха ⁴⁴. После их бегства шестнадцатого [числа] месяца сафара ⁴⁵ на берегу реки Узункулук ⁴⁶ пришло известие о прибытии Абд ар-Рашид-хана.

Из поразительных дел [необходимо указать на] то , что до этого [момента] мы абсолютно не имели сведений о [местонахождении] друг друга, несмотря на то, что между [этими] двумя сторонами непрерывно

были в движении посланники. Но один из них не довел путь до цели, и дело дошло до того, что мы была опечалены встречей друг с другом и стали товарищами в долине упования [на бога] ⁴⁷. Но, доверяя тому самому договору и соглашению, выступили [дальше], и в день семнадцатый ⁴⁸ вышеупомянутого месяца в местности Сан-Таш ⁴⁹ произошла встреча.

Когда всепобеждающее и победоносное войско увидело свежие следы врагов, оно ступило на путь поспешания и дорогу ускорения [движения и] в намаз-и дигар того же дня настигло врагов в начале Буркачха, и /1319/ это — ров широкий и глубокий, и в глубине его — вода, от стыда перед которой море Оман ⁵⁰ выпустило на лido пену удивления и само собою ушло вглубь, и бескрайняя река Млечного пути от смущения перед ней пересохла, подобно озеру Сава ⁵¹.

Стих

*Глубина в нем до того дошла,
Что на дне его не стала видна земля.
Опустилась на землю как покрывало,
Из-под ее складок стало видно небо.*

Все враги в [соответствии] с [кораническим] приказом *поистине, лицемеры — в нижнем слое* ⁵² превратили тот напоминающий ад ров в свое убежище и пристанище и, взойдя на высоты его, укрепили пути и проходы ветвями и камнями, и наутро в день четверг восемнадцатого ⁵³ месяца сафара, до того как Искандар солнца востока сел верхом на светлой масти коня небес и извлек из ножен свой безжалостный, воспламеняющий мир [183] и сжигающий темноту меч, тот опытный в делах, искушенный в битвах и наторевший в сражениях, самый любимый

/1320/ и отважный брат Абд ар-Рашид-хан, гарцуя на Рахше ⁵⁴ единого-душия на поле дружбы, соблаговолил сказать: «В этой стране вы по отношению к нам [находитесь] на [положении] гостя. И так подобает и следует [поступить], чтобы мы раньше вас ударили в сабли и начали дело» ⁵⁵. И относительно этого он сделал много замечательных высказываний. Наконец на том порешили, [и] львы леса отваги и предводительства, и крокодилы моря энергии и бесстрашия, каждый из которых много раз похищал у других приз в состязаниях на поле мужества и смелости и ристалище ловкости и проворства, подоткнули полу мужества за пояс отваги и, уповая на милости творца и слыша от вестников неведомого призыв *и убивайте их, где встретите* ⁵⁶, ступили на то ужасное место и в [тот] губительный водоворот и излили [свое] превосходство на плеск волн боя и сражения и скопление полков смуты и мятежа так, что от гула и громких звуков литавр людей ислама и от шума и рева тех нечестивцев /1321/ отражение и завихрение упали в таз вращающегося небесного овода, и стремительные птицы летящих стрел, рот которых был открыт от жажды крови врагов, не пили воду ниоткуда, кроме как из источников зрения врагов, и вороны луков, которые по углам выжидали такого удобного случая, не несли в гнезда [никакой] пищи, кроме их мертвых тел. Каждое мгновение наконечники кровожадных стрел доводили до их сердца известие: «Смерть, от которой вы убегаете, — она встретит вас» ⁵⁷, и каждое мгновение язвительный хатиб ⁵⁸ свирепого в мести острого меча читал им на ухо совершенную хутбу ⁵⁹ [коранического выражения]: «...Кто защитит неверующих от мучительного наказания?» ⁶⁰ Когда зонт освещающего мир солнца поднял на золоченых веревках в месте полудня хакана сжигающего мир дня, грабители рока и судьбы опрокинули палатки тех подлых притеснителей, обрезав [поддерживавшие их] веревки. В конце

концов [враги в соответствии с повелением Корана], *поистине ложь исчезающая!* ⁶¹, не будучи в состоянии оказывать сопротивление натиску храбрецов [боевых] дел и победоносных героев, /**1322**/ показали спину и обратили лицо в сторону бегства, и много других после бегства стали пищей меча и мишенью рока, и все виды их имущества и утвари из коней, и скота, и челяди, и сидящего, и стоящего, и немого, и свободно пасущегося перешли во владение победоносного войска, и уничтожение наглецов и искоренение тех невежественных притеснителей имели такой [сокрушительный] характер, что жители и обитатели [соседних] городов и стран были спасены и гарантированы от ужаса страха перед теми **[184]** неверующими. *Слава Аллаху, который оправдал свое обещание* ⁶², *и поддерживавшему раба своего, и сделавшему могущественным войско свое, и разбившему партии [врагов].*

Стих

*О боже! Так как от тебя эта победа и разгром,
То даруй нам победу, а врагу — плен.
От тебя — дары, и победа, и почет, и ласка,
От нас — слабость, и сокрушенность, и нужда.*

Благодаря пророку и его роду преславных да пребудут постоянно авангард войска победы и одоления и блеск счастья триумфа и благоприятствования приближающимися /**1323**/ к [высокому] положению и славе и необходимым звездам счастья и могущества. Вторично так заявляем озаряющему сердца, освещающему, как солнце, действующему, как философский камень, что кроме существования этого низкого мятежного племени не было препятствий к счастью целовать и лобызать высокий порог и возвышенное преддверие обители святости и

прибежища чистоты, который есть умножающий свет ока *обладателей
благоденствий и пронизательности* ⁶³ и слава венца и вершины высокопоставленных монархов. Поскольку прах [этих] препятствий благодаря вспомоществованию и милости всевышнего и помощи высшего хранителя из атмосферы соединения и служения устранен, впоследствии этот желающий счастья преданный друг [никогда] не отвернет голову смирения и повиновения от предела повеления того высокого господина и [всегда], как тень, будет поспешать в последовании и повиновении озаряющему мир солнцу того господина.

Строка

Что бы ты ни повелел, я покорно готов повиноваться.

Комментарии

1 *Ка'ба* — храм в Мекке, который служит основным местом паломничества мусульман. Здесь имеется в виду г. Шахрисябз, в который еа месяц до этого Васифи прибыл вместе с несколькими другими лицами ради посещения Шайх Мухаммад Садика, награждаемого Васифи пышными титулами.

2 *Маулана Эмир Хусайн* — брат хорасанского богослова-суннита Сейид Шамс ад-Дин Мухаммада Курти, благодаря покровительству которого и вместе с которым Васифи бежал из захваченного сефевидами Герата в Мавераннахр в составе каравана из 500 человек. Караван вышел из Герата в последний день мухаррема 918 г. х., т. е. 17. IV 1512 г. н. э. В дальнейшем Сейид Шамс ад-Дин продолжал оказывать Васифи покровительство в Мавераннахре и Туркестане, и они вместе скитались по Средней Азии и пытались пробить себе дорогу в феодальных кругах (Болдырев. Зайнаддин Васифи, стр. 99 и далее).

3 *...сын казия Ташкента...* — По имени не назван.

4 *...ушли в Туркестан...* — Приезд Васифи в Туркестан датируется декабрем 1516 — январем 1517 г., а следовательно, и поход шайбанидов на казахов можно отнести к зиме 1516/17 г. (Болдырев. Зайнаддин Васифи, стр. 183).

5 А. Н. Болдырев полагает, что этим ханом был Убайдаллах (Болдырев. Зайнаддин Васифи, стр. 183). Возможно, однако, что этим ханом был Суйунч-Ходжа-хан, который был провозглашен хаканом после смерти Мухаммад Шайбани-хана, а затем отказался от престола в пользу Кучкунчи (Кучум)-хана. Тем не менее и после отказа от трона Суйунч-Ходжа-хан пользовался огромным весом среди шайбанидских

султанов, а право наследования трона после смерти Кучкунчи-хана было специально оговорено за сыном Суйунч-Ходжа-хана, Джанибек-ханом (Семенов. Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр, стр. 114, 134, 147).

6 Ходжа Афак. — Васифи дает его полное имя в форме Ходжа Джалал ад-Дин Афак («Бадаи' ал-вакаи'», стр. 102) и во втором варианте — Ходжа Низам ад-Дин Афак (там же, стр. 103). Его общественное положение ясно из перевода; он был покровителем Васифи.

7 Султан Абу-Са'ид — сын Кучкунчи-хана, с 1530 по 1533 г. был хаканом, т. е. верховным правителем шайбанидского государства.

8 Бадр — караванная станция в 20 милях на запад от Медины и в 40 милях на север-северо-запад от Мекки. В долине того же названия, замкнутой со всех сторон горами и холмами и богатой колодцами, в которой и находится названная караванная станция, произошла (предположительно 13 января 624 г.) битва между мекканцами и мусульманами, возглавлявшимися Мухаммадом. Мусульмане, намеревавшиеся совершить нападение на мекканский караван, столкнулись здесь с более чем втрое превосходившими их в численности мекканцами. По преданию, мусульманам оказали поддержку ангелы во главе с архангелом Гавриилом. Мухаммад после долгого и упорного боя провозгласил общую атаку и с проклятиями швырнул в курейшитов горсть песка. Это, якобы, произвело на мекканцев такое страшное впечатление, что они бросились в панике врассыпную. Мусульмане одержали крупную победу. Бадр — один из немногих географических пунктов, упоминаемых в Коране (Мюллер. История ислама..., т. I, стр. 123—127).

9 Хунайн — равнина в одном дне пути от Мекки по дороге в Та'иф, где произошла битва между мусульманами под руководством Мухам-

мада и объединением бедуинских племен *хавазин*, окончившаяся победой мусульман. Один из немногих географических пунктов, упоминаемый в Коране (Е 1, v. II, р. 335—336).

10 Курсивом дан перевод фраз и выражений на арабском языке.

11 В тексте употреблен термин *бинат ан-на'ш* *** «дочери погребальных носилок, плакальщицы», каковым обозначаются созвездия Большой и Малой Медведиц. В более узком смысле этот термин обозначал семь главных звезд Большой Медведицы, которые «представляли как погребальную процессию, возглавляемую предводителем плакальщиц» (Омар Хайям. Трактаты, стр. 331, прим. 11). Словом «завеса» переведен термин *сарапарда* *** которым обозначается завеса из ковров и дорогих тканей, натягиваемых на канатах на четырех столбах в виде четырехугольника, внутри которого помещается царский шатер.

12 Имеется в виду созвездие Овна.

13 Имеется в виду созвездие Тельца.

14 *Му'изз ад-Дин* — лакаб Убайдаллах-хана, букв. «прославляющий веру».

15 Арабская некораническая фраза.

16 *Мухаррам* — первый месяц мусульманского лунного года. События, по-видимому, происходили в 944 г. х., т. е. в 1537 г. н. э. 1-е мухаррема 944 г. х. приходится на 10. VI 1537 г. н. э.

17 *Казгурд* — Казыкурт, известная гора в верховьях Бадама. В. И. Масальский называет ее Туркестанским Араратом (Масальский. Туркестанский край, стр. 52, 604, 606; Болдырев. Зайнаддин Васифи, стр. 222, 344, 346).

18 Коран, XX, 130.

19 *...обитаемой четверти земли...* — термин арабской географической науки, заимствованный и другими народами, исповедовавшими ислам. «По примеру греков они [арабы. — В. Ю.] считали населенной только одну четвертую часть северной полусферы земли, «обитаемую четверть», и держались мнения о невозможности жить в жарких или чрезмерно холодных странах. Если у греков или в средневековой Европе эта теория объяснялась плохим знакомством со странами к югу от экватора, то арабы благодаря морским путешествиям хорошо знали такие части Африки, как Занзибар и Мадагаскар, где встречали много населенных пунктов; тем не менее устаревшая теория продолжала излагаться у них без всяких изменений» (Крачковский. Арабская географическая литература, стр. 21—22).

20 *Абд ар-Рашид-хан* — чагатаид, сын Султан Са'ид-хана, сына Султан Ахмад-хана. Султан Са'ид-хан в 1514 г. отобрал у Мирза Абу-Бакр доглата Кашгарию и создал там новое государство во главе с ханами-чагатаидами, в источниках получившее название *Могулия* ***. Родился в 1510 г., наследовал отцу в 1533 г., умер, по анонимному сочинению «Тарих-и Кашгар», в 967 г. х., т. е. в 1559/1560 г. н. э., по сочинению Амин-Ахмада Рази «Хафт иклим», царствовал 33 года, т. е. умер в 973 г. х., т. е. 1565/1566 г. н. э., по «Бахр ал-асар» Махмуда бен Вали — в 975 г. х., т. е. в 1567/1568 г. н. э., по «Тарих-и Хайдар» Хайдара Рази — в 978 г. х., т. е. в 1570/1571 г. н. э. (Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, стр. 237), по анонимному тюркоязычному сочинению «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» — на четвертый год после смерти Мухаммад Шарифа, последовавший в 973 г. х., т. е. 1565/1566 г. н. э. («Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф», рукопись ЛО ИНА АН СССР. С 582, л. 1496), т. е. Абд ар-Рашид хан умер в 977 г. х., т. е. 1569/1570 г. н. э. Положил конец вражде чагатайских ханов с шай-

банидами и вступил с ними в союз против казахов, с которыми вел упорную борьбу за территорию современной Киргизии, являвшуюся важной базой скотоводства для подвластных ему могулов. Различные восточные источники сообщают о сокрушительном поражении, нанесенном Абд ар-Рашид-ханом казахам, однако они называют имена различных ханов, предводительствовавших казахами в этом сражении, и по-разному локализуют эту битву. Объясняется это тем, что авторам, писавшим об Абд ар-Рашиде, хорошо были известны основные события из его жизни, изложенные в «Та'рих-и Рашиди», и очень плохо — последующие. Можно предположить, что Абд ар-Рашид-хан сражался с казахами несколько раз. Несомненно, что одно сражение было им дано в 1537 г. Анонимное тюркоязычное сочинение «Тазкира-йи Хазрат Ходжа Аламдар Сахаба Джанбаз-ходжамнин тазкиралари» сообщает, что «в году девятьсот сорок четвертом семнадцатого [числа] месяца ашура ночью в понедельник Ходжа Мухаммад Шариф один пришел на мазар Хазрат Йусуф-Кадир-хана и молился, прося [у бога] позволения Абд ар-Рашид-хану отправиться в поход». (Названное сочинение, рукопись ЛО ИНА АН СССР, В 731, л. 119а). «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» также приводит вышеназванную дату, но без указания года («Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф», л. 147а). Оба сочинения сообщают, что затем Ходжа Мухаммад Шариф и Абд ар-Рашид-хан вместе посетили еще несколько мазаров, после чего хан выступил в поход на киргизов и разбил их. Причиной этого похода было убийство киргизами сына Абд ар-Рашид-хана Абд ал Латиф-султана. По другим источникам известно, что Абд ал-Латиф был убит казахами. Следовательно, «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» сообщает о походе Абд ар-Рашид-хана на казахов, которые, как известно из других источников, действовали в союзе с киргизами. Можно пред-

положить, что Абд ар-Рашид-хан сражался с казахами по крайней мере еще один раз после 1537 г. По «Та'рих-и Кашгар», он с этой целью вступил в союз с шайбанидом Науруз-Ахмад (Барак)-ханом, который, будучи ташкентским владельцем, с 1540 г. включил в междоусобную политическую и военную борьбу шай-банидов, в 1551 г. захватил Самарканд, где объявил себя ханом и стал чеканить от собственного имени монету, умер от пьянства в 1556 г. («Та'рих-и Кашгар», рукопись ЛО ИНА АН СССР, С 576, лл. 626, 63а). Из «Абдаллах-наме» Хафиз-и Таныша известно, что Науруз-Ахмад-хан постоянно поддерживал дружеские отношения с Абд ар-Рашид-ханом и отправлял к нему своих опальных сановников в ссылку в Карангу-Таг — горный хребет в Кашгарии к югу от Хотана, где производилась разработка залежей нефрита. По-видимому, за этот период Абд ар-Рашид-хан дал еще одно или несколько сражений казахам, что, однако, не привело к укреплению власти чагатаидов на территории современной Киргизии; они, в конце концов, потеряли ее совершенно и там укрепились усилившиеся киргизские племена.

21 Ак-Богуз — перевал, местонахождение которого установить не удалось.

22 Коран, XVI, 93.

23 Двадцать шестое мухаррама 944 г. х. приходится на 5. VII 1537 г. н. э. и действительно на четверг.

24 Сайрам — левый приток р. Арысь, берущий начало в Таласском Алатау и питающийся его снегами (Мушкетов. Туркестан, т. I, стр. 404).

25 Казахстан — по-видимому, первое упоминание этого термина в мусульманских источниках.

26 *Никин* *** — по-видимому, искаженное переписчиками написание *** *Йанги* — название города Тараза, появившееся в послемонгольское время.

27 *Чахарбаг Узун-Ахмада* — «вероятно, мазар на реке Узун-Ахмад, правом притоке Нарына, ниже Сусамырского ущелья» (Болдырев. Зайнаддин Васифи, стр. 346, прим. 349). Термин *чахарбаг* букв. значит «четыре сада» и первоначально означал большой сад, состоящий из собственно сада, парка, лужайки и огорода. Такие *чахарбаги* обычно имели проточную воду, устраивались за городом или в отдаленных местах и служили дачными местами.

28 *Иреж* — сказочный райский сад.

29 *Кочкар-Ата* — как явствует из текста, так называется мазар в долине Сугун-Сумр.

30 *Сузун-Сумр* — по-видимому, известная в Киргизии долина Сусамыр (известна еще Махмуду Кашгарскому).

31 Коран, III, 149, 160; VIII, 42.

32 *Сунгак* — горный проход, отождествить который не удалось.

33 *Сатурн*. — См. примечание к слову Кейван.

34 *Кейван* — персидское название планеты Сатурн, которая, по астрономическим представлениям иранцев, находилась на седьмой небесной сфере, «последнем небе», «за которым находилась сфера неподвижных звезд и горный рай», т. е. планета находилась на самом дальнем небе, в символике «мусульманских» литератур она служила показателем предельной высоты и обычно использовалась в соответствующих метафорических высказываниях. Кейван «в представлениях древних иранцев и вообще астрологов средневековья... самая злосчастная планета» (Фирдоуси. Шах-наме, т. I, стр. 615, 623).

35 *Джатан* — крепость, которая, как явствует из текста, была построена казахским ханом Тахиром для защиты от набегов калмаков и местоположение которой установить не удалось. По спискам «Бадаи' ал-вакаи'» даются различные варианты написания этого названия.

36 *Тахир-хан* — сын Адик-султана, сына Джанибек-хана, казахский хан.

37 *...сломала спину подземной коровы...* — имеется в виду корова, на рогах которой, согласно мусульманской мифологии, держится земля. Корова эта стоит на рыбе, а рыба плавает в мировом океане. Здесь метафора, эта гора была столь тяжелой, что сломала спину корове, которая держит на рогах землю.

38 *...разорвало грудь льва неба...* — имеется в виду созвездие Льва. Здесь метафора, т. е. гора эта была столь высока, что доставала до звезд.

39 Коран, IX, 2.

40 *Намаз-и дигар*. — Букв, «другой намаз», или «второй намаз». Третья в течение дня обязательная для мусульманина молитва, совершаемая около двух часов дня.

41 *Магриб* — здесь запад.

42 Коран, IV, 80.

43 Коран, XXIV, 51.

44 *Буркачха* — местность, отождествить не удалось.

45 *Сафар* — второй месяц мусульманского лунного года. 16 сафара 944 г. х. приходится на 25 июля 1537 г. н. э.

46 *Узункулук*. — Отождествить не удалось.

47 Это место следует понимать в том смысле, что шайбаниды и чагатаиды — недавние враги — не доверяли друг другу, а так как гон-

цы их с письмами исчезали, то это привело к взаимному подозрению во враждебных намерениях.

48 17 сафара 944 г. х. приходится на 26 июля 1537 г. н. э.

49 *Сан-Таш* — местность к западу от Иссык-Куля, которую нельзя отождествить с известным перевалом Сан-Таш к востоку от Иссык-Куля; название, по-видимому, происходит от озера Сон-Куль. (Болдырев. Зайнабдин Васифи, стр. 346—347, прим. 349).

50 *Море Оман* — Индийский океан.

51 *Сава* — озеро. Находится вблизи от города того же названия в Центральном Иране. По преданию, озеро Сава в ночь, когда родился Мухаммад, ушло под землю, что должно символизировать окончательное крушение зороастризма. Город Сава находится на пути из Казвина в Кум, в 22 фарсах от Казвина и в 9 фарсах от Кума (E I, v. IV, pp. 182—184).

52 Коран, IV, 144.

53 18 сафара 944 г. х. приходится на 27 июля 1537 г. н. э. Однако это был не четверг, а пятница.

54 *Рахш* — кличка богатырского коня героя «Шах-наме» Рустама.

55 Это заявление Абд ар-Рашид-хана следует понимать в том смысле, что территория современной Киргизии являлась «законным» владением чагатаидов Кашгарии.

56 Коран, II, 187.

57 Коран, XII, 8.

58 *Хатиб* — проповедник, читающий в мечети по пятницам и в праздничные дни хутбу.

59 *Хутба* — представляет из себя «своего рода ектинью-поучение, которое начинается провозглашением единства Аллаха и призывом благословения на пророка и его семейство; затем следует

моление за царствующего повелителя правоверных и в заключение нравственное поучение с цитатами из Корана и изречений Мухаммеда» (Мухаммед Юсуф мунши. Муким-ханская история, стр. 239, прим. 34).

60 Коран, XVII, 28.

61 Коран, XVII, 83.

62 Коран, XXXIX, 74.

63 Коран, XXXVIII, 45.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ДЛЯ ПРИМЕЧАНИЙ

1. Список литературы и источников на русском и национальных языках

Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Ташкент, 1966,

Абдурахман-и Тали'. История Абулфейз-хана. Перевод с таджикского, предисловие, примечание и указатель профессора А. А. Семенова, ИВ АН УзССР. Ташкент, 1959.

Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. “Труды ИИАЭ АН КазССР”, т. V, археология. Алма-Ата, 1958, стр. 3—215.

Азимджанова С. А. К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957.

Айни Садриддин. Воспоминания. Перевод с таджикского Анны Розенфельд. Отв. редактор А. А. Семенов, “Литературные памятники”, АН СССР. М.— Л., 1960.

Акимушкин О.Ф. Персоязычные источники по истории Восточного Туркестана. “Филология и история тюркских народов” (тезисы докладов). Тюркологическая конференция. ЛО ИНА АН СССР, ЛГУ, Восточный факультет. Л., 1967, стр. 49—50.

Акрамов А. М. Сокращенная версия “Избранных историй книги побед”. ОНУ, 1964, №5.

Его же. “Таварих-и гузида, нусрат-намэ” как источник по истории Узбекистана XV — начала XVI века. ОНУ, 1963, № 8.

Алиев Г. Ю. Легенда о Хосрове и Ширин в литературах народов Востока. М., 1960.

Альхамова З. А., Давидович Е. А., Литвинский Б. А., Массон М. Е. Историко-археологическое изучение мавзолея Юнус-хана в Ташкенте. “Труды САГУ”, “Археология Средней Азии”. Новая серия, вып. 61, кн. 6. Ташкент, 1953, стр. 171—197.

Андреев М. С. Чильтаны (***) в среднеазиатских верованиях. Сб. “В. В. Бартольд...”, стр. 334—348.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. “Живая старина”, 1896, вып. III—IV, стр. 277—456.

Его же. Опыт выяснений этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая старина», год IV, 1894, вып. III—IV, стр. 391—486.

«Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960.

«Атлас Азиатской России». Изд. Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. [СПб.], 1914.

Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Его же. Из истории взаимоотношений кочевых узбеков с тимуридами. «Ученые записки ЛГУ», № 304, серия востоковедческих наук, вып. 14, 1962, стр. 79—93.

Его же. К изучению политической истории Киргизии XV века. ОНУ, 1961, № 5, стр. 29—34.

Его же. Неизвестная версия «Шейбани-наме» Бенаи. ОНУ, 1965, № 2.

Бабур-наме (Записки Бабура). Перевод М. Салье, отв. ред. С. А. Азимджанова. ИВ АН УзССР. Ташкент, 1958.

Бартольд В. В. Абулхайр. Сочинения, т. II, ч. 2. М., 1964, стр. 489—490.

Его же. Аму-Дарья. Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 319—325.

Его же. Андижан. Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 326.

Его же. Бадахшан. Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 343—347.

Его же. Гиссар (Хисар). Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 401—402.

Его же. Ислам. Общий очерк. Пг., 1918; Сочинения, т. VI. М., 1966, стр. 79—139.

Его же. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.

Его же. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927; Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963, стр. 167—433.

Его же. История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казахского высшего педагогического института в 1926/27 учебном году. Ташкент, 1928; Соч., т. V. М., 1968.

Его же. История Туркестана. Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 109—168.

Его же. К вопросу о погребальных обрядах у тюрков и монголов. ЗВО РАО, т. XXV, вып. 1—4, 1921, стр. 55—76; Сочинения, т. IV. М., 1966, стр. 377—396.

Его же. Кеш. Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 460—461.

Его же. Киргизы. Исторический очерк. Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 471—543.

Его же. К истории Мерва. ЗВО РАО, т. XIX, 1909, стр. 115—138; Сочинения, т. IV. М., 1966, стр. 174—195.

Его же. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914; Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 95—233.

Его же. К истории Хорезма в XVI в. «Туркестанские ведомости». Ташкент, 1903, № 20; Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 257—259.

Его же. Мавераннахр. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 477.

Его же. Новый источник из истории Хорезма. «Известия Узбекского филиала АН СССР», № 2. Ташкент, 1941.

Его же. О погребении Тимура. Сочинения, т. II, ч. 2. М., 1964, стр. 423—454.

Его же. Отец Едигея. «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», т. I, (58). Симферополь, 1927; Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 797—804.

Его же. Отчет о командировке в Туркестан. ЗВО, РАО, т. XV, вып. II—III. СПб., 1904, стр. 173—280.

Его же. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894 гг. ЗИАН, ОИФ, сер. VIII, т. I, № 4. СПб., 1897; Сочинения, т. IV. М., 1966, стр. 19—91.

Его же. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей). Сочинения, т. II, ч. 2. М., 1964, стр. 265—302.

Его же. Очерк истории Семиречья. Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 21 — 106.

Его же. Очерк истории туркменского народа. Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 547—626.

Его же. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче. СПб., 1911 (Анийская серия, № 5); Сочинения, т. IV. М., 1966, стр. 313—338.

Его же. По поводу статьи «Догадка о прошлом Отрара». ПТКЛА, год IV 1899.

Его же. Рец. на «The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat...». ЗВО РАО, т. X. СПб., 1897, стр. 215—226.

Его же. Рецензия на «Таарих-и Эмение. История владельцев Кашгарии, сочинение Муллы Мусы, бен Мулла Айса, сайрамца, изданная Н. Н. Пантусовым». Казань, 1905, ЗВО РАО, т. XVII, вып. IV. СПб., 1907, стр. 0188—0195.

Его же. События перед хивинским походом 1873 года из рассказа Хивинского историка. «Кауфманский сборник». М., 1910.

Его же. Тохаристан. Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 514—515.

Его же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия: ч. 1. Тексты. СПб., 1898; ч. П. Исследование. СПб., 1900; Сочинения, т. 1. М., 1963.

Его же. Улугбек и его время. ЗИАН, ОИФ, т. XIII, № 5. Пг., 1918; Сочинения, т. II, ч. 2. М., 1964, стр. 25—196.

Его же. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке. Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. ЗИРГО по Отделению этнографии, т. XXXIV. СПб., 1909, стр. 293—308; Сочинения, т. II, ч. 2. М., 1964, стр. 388—399.

Его же. Хорезм. Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 544—552.

Беленицкий А. М. Историческая топография Герата XV в. «Алишер Навои». Сб. статей под ред. А. К. Боровкова. М.—Л., 1946, стр. 175—202.

Его же. К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху, СВ, т. V, 1948.

Его же. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (XIV—XV вв.). (Образование института «суюргал»). ИМ, 1941. № 4, стр. 43—58.

Березин И. Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И. Березиным (Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным, т. I. Казань, 1849).

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоненисейских тюрк VI—VIII вв. Восточно-тюркский каганат и киргизы. М. — Л., 1946 (АН СССР, «Труды Института востоковедения», т. 45).

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ред. текста, вступительные статьи и комментарии А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера, т. I—III. М.—Л., 1950—1953.

Его же. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Составители Л. М. Гумилев, М. Ф. Хван. Географ. Общ. Союза СССР, Чувашское гос. изд-во. Чебоксары, 1960.

Болдырев А. Н. Алишер Навои в рассказах современников. «Алишер Навои». Сборник статей. ИВ АН СССР. М. — Л., 1946, стр. 121 — 152.

Его же. Зайнабдин Васифи — таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Под ред. А. Е. Мирзоева. ИЯЛ АН ТаджССР. Сталинабад, 1957.

Его же. Мемуары Зайн ад-Дина Васифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков. ТОВЭ, т. II. Л., 1940, стр. 203—274.

Его же. Очерки из жизни Гератского общества на рубеже XV—XVI веков. ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 313—422.

Его же. Персидские переводы «Маджалис-ан-нафаис» Навои. УЗ ЛГУ, № 128, серия востоковедческих наук, вып. 3, 1950.

Его же. «Тезкирэ» Хасана Нисари как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XVI в. ТОВЭ, т. III. Л., 1940.

Боровков А. К. «Бадаи' ал-лугат». Словарь Тали' Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. ИНА АН СССР, ИВЛ. М., 1961.

Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности. М., 1956.

Брегель Ю. Э. Хорезмские туркмены в XIX веке. М., 1961.

Его же и Наджип Э. Н. Новое издание важного источника по истории туркмен. ПВ, 1959, № 1, стр. 169—173.

Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий с включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Составил Лазарь Будагов. Т. I. СПб., 1869; т. II. СПб., 1871. Переиздание стереотипное, ИВЛ, М., 1960.

Бурхан уд-Дин-и хан-и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения. Перевод с персидского П. П. Введенского, Б. И. Долгополова и Е. В. Левкиевского; под ред., с предисловием и примечаниями А. А. Семенова. Ташкент, 1926.

Валидов А. З. Восточные рукописи в Ферганской области. ЗВО РАО, т. XXII, вып. III—IV. Петроград, 1915.

Его же. Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия. ПТКЛА, год двадцатый, 1915, стр. 68—118.

Валиханов Ч. Ч. Записка о киргизах. Собрание сочинений, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 301 — 379.

Его же. [Кашгарский дневник, I]. Собрание сочинений, т. II. Алма-Ата, 1962, стр. 176—205.

Его же. Образец причитаний. Собрание сочинений, т. I. Алма-Ата, 1961.

Его же. О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарин), в 1858—1859 годах. Собрание сочинений, т. П. Алма-Ата, 1962, стр. 265—414.

Его же. [Родословное древо кайсацких ханов и султанов]. Собрание сочинений, т. III. Алма-Ата, 1964, стр. 484—488.

Вамбери Г. История Бохары или Трансоксиани с древних времен до настоящего. Т. I—II. СПб., 1873.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1—3. СПб., 1863—1866; ТВОРАО, ч. IX—XI.

Его же. Монеты бухарские и хивинские. ТВОРАО, т. IV, СПб., 1859, стр. 328—456.

Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

Владимирцов Б. Я. Монгольское «*nokur*». «Доклады АН СССР», 1929, стр. 281 —288.

Его же. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Волин С. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 8. Алма-Ата, 1960, стр. 72—92.

Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968.

Вяткин В. Л. Батыр Срым. М.—Л., 1947.

Его же. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, 1902, стр. 1—83.

Его же. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941.

Его же. Шейхи Джуйбари. I. Ходжа Ислам. Сб. «В. В. Бартольд...»

Гордлевский В. А. Бахауддин Накшбенд Бухарский (К вопросу о наслоениях в исламе). Сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932». Л., 1934, стр. 147—169.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

Григорьев В. В. Землевладение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан. Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев. Вып. II. Дополнения. Отдел 1 — историко-географический. СПб., 1873.

Его же. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. «Россия и Азия». Сб. исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом. СПб., 1876, стр. 170—258.

Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.

Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров. Материалы по этнографии, вып. 1. Л., 1961.

Давидович Е. А. Две денежные реформы в государстве шейбанидов. «Труды САГУ», новая серия, вып. XXIII, гуманитарные науки, кн. 4. Ташкент, 1951, стр. 105—141.

Данилевский [Г. И.] Описание Хивинского ханства. ЗИРГО, кн. V, 1851, стр. 62—139.

Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. История. М., 1965.

Думан Л. И. Аграрная политика Цинского (Маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. ТИВАН, т. XX. М. — Л., 1936.

Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда. «Труды СТАЭ», т. I, 1950 (МИА, № 15), стр. 147—186.

Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М. — Л., 1950 («Труды ИЭ». Новая серия, т. IX).

Жуковский В. А. Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мер-ва. СПб., 1894 (МАР, вып. 16).

Жунисбаев К. Кадыргали Джалаири. В сб.: «Великие ученые Средней Азии и Казахстана (XIII—XIX вв.)». Изд-во «Казахстан». Алма-Ата, 1965.

Зайн ад-Дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи'. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева. ИНА АН СССР. «Памятники литературы народов Востока, тексты, большая серия, V», ИВЛ. М., 1961.

Зелеман К. Г. Легенда про Хаким-Ата. «Известия ИАН», серия V, т. IX, № 2. СПб., 1898, стр. 105—150.

Залеман К. Г. и Розен В. Ф. Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям Библиотеки Императорского Санкт-Петербургского университета. ЗВО РАО, т. II, 1887.

Зимин Л. А. Кала-и-Дабуси. ПТКЛА, год XXI, 1917, стр. 43—64.

Его же. Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности. Сб. «В. В. Бартольд...», стр. 197—214.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). ИНА АН СССР. М., 1964.

Его же. Русские архивные материалы об Амурсане. «Памяти Б. Я. Владимирцова», стр. 289—313.

Иакинф [Н. Я. Бичурин]. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб., 1834.

Ибрагимов С. К. Еще раз о термине «казак». «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 8. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960, стр. 66—71.

Его же. Некоторые данные к истории казахов XV—XVI веков. «Изв. АН КазССР, серия истории, экономики, философии, права», вып. 3, 1956, стр. 107—113.

Его же. Некоторые источники по истории Казахстана XV—XVI вв. «Вестник АН КазССР», 1956, № 9, стр. 51—60.

Его же. Новые материалы по истории Казахстана XV—XVI вв. «История СССР», 1960, № 4, стр. 152—158.

Его же. Сочинение Мас'уда бен Османи Кухистани «Тарихи Абул-хаир-хани». «Известия АН КазССР», серия ист., арх. и этн., вып. 3(8). Алма-Ата, 1958, стр. 85—102.

Его же. «Фатухат-хани» Бинаи как источник по истории Казахстана второй половины XV в. XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, ИВЛ. М., 1960.

Его же. «Шейбани-наме» Бинаи как источник по истории Казахстана XV века. «Труды сектора востоковедения АН КазССР», т. I. Алма-Ата, 1959, стр. 190—207.

Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии. Л., 1940.

Его же. Восстание китай-кипчаков 1821 —1825 гг. М. — Л., 1937.

Его же. К вопросу об исторической топографии Старого Сайрама. Сб. «В. В. Бартольд...», стр. 151 —164.

Его же. Очерк истории каракалпаков. «Материалы по истории каракалпаков» (ТИВАН, т. VII. М.—Л., 1935, стр. 9—89).

Его же. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.), ИВ АН СССР, ИВЛ. М., 1958.

Его же. Сайрам. Историко-археологический очерк. «Ал-Искандерийя». Сборник Туркестанского восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 гг.). Ташкент, 1923, стр. 46—56.

Его же. Хивинские хроники XIX в. Муниса-Агехи как источник по истории туркмен. МИТТ, II, стр. 23—28.

Его же. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVIII вв. М. — Л., 1954.

«История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957.

«История Узбекской ССР», т. I, кн. первая, Ташкент, 1955.

«История Узбекской ССР», т. I, с древнейших времен до середины XIX века. Ташкент, 1967.

Каллаур В. Древние города и селения (развалины) в Перовском уезде в долине рек Сыр-Дарьи и Яны-Дарьи. ПТКЛА, год VIII, 1903, стр. 59—69.

Его же. Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асана) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 году. ПТКЛА, год V, 1900, стр. 6—16.

Его же. Мавзолей Кок-Кесене, в Перовском уезде. ПТКЛА, год VI, 1901, стр. 98—101.

Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XXII, Оренбург, 1910.

Его же. Отчет о поездке в Шахрохию и местность «Канка». ПТКЛА, год XVIII, вып. 2, 1913, стр. 112—123.

Его же. Развалины Кал'а-и Дабуси. ПТКЛА, год XXI, 1917, стр. 32—37.

Каульбарс А. В. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. ЗИРГО, т. IX. СПб., 1884, стр. 74—79.

Кисляков Н. А. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в. «Труды ИЭ», новая серия, т. LXXIV. М. — Л., 1962.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические надписи как источник для истории народов Средней Азии. М., 1964.

«Книга Большому Чертежу». Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. Л., 1950.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. ИВ АН СССР. М. — Л., 1958.

«Коран». Законодательная книга мохаммеданского вероучения. Перевод и приложения к переводу Г. Саблукова. 3-е изд. Казань, 1907.

«Коран». Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963.

Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. I—III. СПб., 1880 (Материалы для географии и статистики России).

«Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области с некоторыми указаниями на их историческое прошлое». «Сборник материалов по мусульманству». Под ред. В. И. Ярового-Равского. СПб., 1899, стр. 3—47.

- Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Избранные сочинения, т. IV. М.—Л., 1957.
- Кун А. Л. Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г. ИИРГО, т. X, отд. II, СПб., 1874, стр. 47—58.
- Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии (с древних времен до второй половины XIX века). М., 1950.
- Лебедева Е. П. К вопросу о родовом составе монголов. Сб. «Памяти Б. Я. Владимирцова...», стр. 219—227.
- Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I. Известия географические; ч. II- Исторические известия; ч. III, Этнографические известия. СПб., 1832.
- Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870.
- Лыкошин Н. С. Догадка о прошлом Отрара. ПТКЛА, год IV, 1899.
- Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд. СПб., 1899.
- Макшеев А. И. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае. ЗИРГО, т. VI. СПб., 1880.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. — Л., 1951.
- Малявкин А. Г. Уйгурское Турфанское княжество в XIII в. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 15. Алма-Ата, 1962, стр. 61—67.
- Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

Его же. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.). «Изв. АН КазССР», серия историческая, № 49, вып. 4, 1948, стр. 119 -145.

Марков Г. Е. Очерк истории формирования северных туркмен. (М.), 1961.

Масальский В. И. Туркестанский край (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского т. XIX). СПб., 1913.

Массэ А. Ислам. Очерк истории. Перевод с французского. М., 1961.

«Материалы по истории каракалпаков». «Труды ИВ АН СССР» т VII М. — Л., 1935.

Миклухо-Маклай Н. Д. К истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI веке. «Краткие сообщения ИВ АН СССР». М., 1952, № 4.

Его же. Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. «УЗ ИВ АН СССР». М.—Л., 1958.

Его же. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии. Вып. 2, биографические сочинения. М., 1961.

Мингулов Н. Н. Мухаммад-Хайдар дуглат. В сб.: «Великие ученые Средней Азии и Казахстана (VIII—XIX вв.)» Алма-Ата, 1965.

Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Перевод с таджикского с примечаниями чл.-корр. АН УзССР проф. А. А. Семенова. ИВ АН УзССР. Ташкент, 1957.

«Материалы по истории русско-монгольских отношений». 1607—1636. Сб. док. М., 1959.

«Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М. — Л., 1939; т. II, XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова. М. — Л., 1938.

Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. ИНА АН СССР, ИВЛ. М., 1962.

Мукминова Р. Г. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в. «Изв. АН УзССР», 1954, № 1, стр. 70—81.

Ее же. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Ташкент, 1966.

Ее же. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в. «Труды ИВ АН УзССР», вып. III. Ташкент, 1954.

[Муравьев Н.]. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. I—П. М., 1822.

Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 г., т. I. СПб., 1886; т. II. СПб., 1906.

Мухаммед-Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели профессора А. А. Семенова, ИВ АН УзССР. Ташкент, 1956.

Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. Перевод с нем. Под ред. Н. А. Медникова. Т. I—IV. СПб., 1895—1896.

Низами Ганджеви. Хосров и Ширин. Составитель научно-критического текста Л. А. Хетагуров. Баку, 1960.

Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

Омар Хайям. Трактаты. Перевод Б. А. Розенфельда. Вступ. статья и комментарии Б. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича. ИНА АН СССР, ИВЛ. М., 1961.

Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. ИВ АН СССР, ИЯЛ АН ТаджССР, ИВЛ. М., 1960.

Певцов М. В. Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, Северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 годах. СПб., 1895.

Петров К. И. Киргизско-кипчакские отношения. «Изв. АН КиргССР», серия общественных наук, т. III. вып. 2, 1961, стр. 81 —106.

Его же. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961.

Его же. Очерк Происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963.

Его же. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1961.

Петрушевский И. П. Городская знать в государстве Хулагуидов в XIII— XIV вв. СВ, т. V, 1948.

Его же. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII — XIV веков. ЛО ИВ АН СССР. М. — Л“ 1960.

Его же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949.

Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Струве Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.

Плано Карпини. История монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1911.

Плано Карпини. История монгалов. «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957.

Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. М., 1947.

Его же. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. Четвертое путешествие в Центральной Азии. СПб., 1888.

«Прошлое Казахстана в источниках и материалах». Сборник I (V в. до н. э.— XVIII в. н. э.). Под ред. С. Д. Асфендиарова и проф. П. А. Кунте. М.—Алма-Ата, 1935.

Пугаченкова Г. А. Миниатюры «Фатх-наме» — хроники побед Шейбани-хана из собрания Института по изучению восточных рукописей АН УзССР. «Труды САГУ», вып. IX. 1950.

Ее же. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и тимуридов. «Труды САГУ», новая серия, вып. XXIII, гуманитарные науки, кн. 4, Ташкент, 1951, стр. 143—168.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей, Т. I, кн. 1, перевод с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания А. А. Семенова. М. — Л., 1952; т. I, кн. 2, перевод с персидского О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция А. А. Семенова. М. — Л., 1952; т. II, перевод с персидского Ю. П. Верховского, примечания Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, редакция И. П. Петрушевского. М.—Л., 1960; т. III, перевод с персидского А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М. — Л., 1946.

Ромаскевич А. А. Иранские источники по истории туркмен XVI—XIX вв. МИТТ, т. II, М. — Л., 1938.

Его же. Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей Библиотеки Петроградского университета. ЗКВ, т. I, 1925.

«Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей». Под ред. В. П. Семенова. Т. XVIII, Киргизский край. Составили: А. Н. Седельников, Л. П. Осипова, А. Н. Букейханов, С. Д. Чадов, Н. А. Бородин, Т. П. Белоногов, В. П. Семенов, Н. П. Столпянский, СПб., 1903.

Рычков П. И, Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

Сайфиев Н. Нахли и его творчество. Автореферат на соискание уч. ст. канд. фил. наук. Самарканд, 1963.

Салахетдинова М. А. Сведения о киргизах в «Абдулла-намэ» Хафиз-и - Таныша. «Изв. АН КиргССР», серия общественных наук, т. И, вып. 3 (История), Фрунзе, 1960.

Ее же. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и Ходжаган» как источник по истории киргизов. «Изв. АН КиргССР», вып. 1 (История), 1959, стр. 93—125.

Салье М. Кемал-ад-Дин Бинаи и его покровители. «Дар», Альманах Союза Советских писателей Узбекистана. К XX-летию УзбССР. Ташкент, 1944.

Самойлович А. Шейбани-намэ. Персидский unicum библиотеки Хивинского хана. ЗВО РАО, т. XIX, 1910, стр. 0164—0176.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. «Уч. записки Мордовского гос. ун-та», вып. XI, Саранск, 1960.

«Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузом и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. ИВ АН СССР, М. — Л., 1941.

Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. СВ, т. V. М.—Л., 1948, стр 137 —153.

Его же. Бухарский шейх Баха-уд-дин. 1318—1389. (К его биографии). По персидской рукописи. «Восточный сборник», стр. 202—211.

Его же. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбанихана. МИТУСА, вып. I, Сталинабад, 1954 («Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. XII), стр. 3—37.

Его же. К вопросу, кто был автором ***. [Сборник] *** В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.

Его же. Материальные памятники арийской культуры. В сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925.

Его же. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии, Сталинабад, 1944.

Его же. Некоторые данные по экономике империи Султана Хусейн-мирзы (1469 — 1506). «Изв. отд. общ. наук АН ТаджССР», вып. IV, 1953.

Его же. Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета. Ташкент, 1935.

Его же. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства. «Труды САГУ», серия II, вып. 1, Ташкент, 1929.

Его же. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. МИТУСА, вып. II, Сталинабад, 1954 («Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. XXV).

Его же. Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр. МИТУСА, вып. 1. Сталинабад, 1954 («Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. XII), стр. 109—150.

Его же. Рассказ шугнанских исмаилитов о бухарском шейхе Бехауд-дине. ЗВО РАО, т. XXII, Пг., 1915, стр. 321—326.

Его же. Ташкентский шейх Хаванд-Тахур («Шейх-Антаур») и приписываемый ему «Кулях». ПТКЛА, год XX [вып. 1], 1915, стр. 25—31.

Его же. Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии, Ташкент, 1926.

Его же. Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов. МИ-ТУСА, вып. 1, Сталинабад, 1954 («Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. XII), стр. 39—83.

«Словарь к арабской хрестоматии и Корану». Казань, 1881.

«Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР». Под ред. и при участии А. А. Семенова, т. 1, Ташкент, 1952.

«Таарих-и Эмение. История владетелей Кашгарии, сочинение Муллы Мусы бен Мулла Айсы, сайрамца». Издание Н. Н. Пантусова, Казань, 1905.

«Таварих-и гузида — Нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений кандидата филол. наук А. М. Акрамова». Ташкент, 1967.

Тагирджанов А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ. Т 1, Издательство ЛГУ, 1962.

Тенишев Э. Р. Еще раз о происхождении лобнорцев. УП Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). М., 1964.

Тизенгаузен В, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

Тихонов Д. И. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане. СВ, V. М. — Л., 1948.

Его же. Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в. «УЗ ИВ АН СССР», т. IX, М. — Л., 1954.

Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

Его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л., 1948.

Его же. Тирания Аброя. «Исторические записки», № 3, М., 1938.

Трофимов И. И. Хронологическая таблица мусульманских династий. Ташкент, 1897.

Умняков И. И. «Абдулла-наме» Хафизы Таныша и его исследователи. ЗКВ, т. V, Л., 1930, стр. 307—328.

Его же. Некоторые сведения из «Абдулла-намэ» Хафизы Таныша (XVI в.). «Труды Самаркандского гос. пед. ин-та», т. И, вып. 2, 1941.

Усманов К. А. Восстание в Кашгаре. «Труды Московского Института Востоковедения», сб. 5, 1947.

Его же. К вопросу о роли русской исторической науки в изучении Синьцзяна (XIX в.). «Труды Московского Ин-та Востоковедения». Вып. № 6, Изд-во МИВ, 1951.

Его же. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 г. «Вопросы истории», 1947, № 2.

Федоров-Давыдов Г. А. «Аноним Искандара» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда». В сб.: «История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора С. П. Толстова». Изд-во «Наука». М., 1968.

Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950.

Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. от начала поэмы до сказания о Сохрабе. Издание подготовили Ц. Б. Бану, А. Лахути, А. А. Стариков. «Литературные памятники», АН СССР. М., 1957.

Его же. Шахнаме, т. II, от сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина. Перевод Ц. Б. Бану-Лахути, комментарии А. А. Старикова. «Литературные памятники», АН СССР. М., 1960.

Ханыков Н. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.

Хорезми. Мухаббат-наме. Пер. Э. Н. Наджиба, ИВЛ, М., 1961.

Чулошников А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. I. Древнее время и средние века. Оренбург, 1924.

Шаниязов К. Из истории расселения племени карлуков. «Сборник работ аспирантэв Отдел, общественных наук АН УзССР», вып. II, Ташкент, 1958, стр. 223—259.

Шапшал С. М. К вопросу о тарханных ярлыках. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию». Сб. статей, АН СССР, М., 1953, стр. 302 — 316.

Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводный текст, перевод, введение и примечание Н. П. Шастиной. ИВ АН СССР. М. — Л.. 1957.

Шастина Н. П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. Со. «Советское востоковедение». АН СССР. М. — Л., 1949, стр. 383—395.

Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. ИВ АН СССР, М., 1940.

Юдин В. П. Известия «Зийа' ал-кулуб» (***) Мухаммад Аваза о казахх XVI века. «Вестник АН КазССР», Алма-Ата, 1966, № 5(253), стр. 71—76.

Его же. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахскими и другими соседними народами. «Изв. АН КазССР». Серия общественных наук, 1965, вып. 3.

Его же. Рецензия на работу Б. А. Ахмедова «Государство кочевых узбеков» (М., 1965). «Изв. АН. КазССР. Серия общественная», 3 966, № 2, стр. 85—89.

Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941.

Его же. Развалины Сыгнака (Сугнака). «Сообщения ГАИМК», т. II, Л., 1929, стр. 123—159.

Его же. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. МИУТТ, ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1932, стр. 1—60.

Его же. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. «Алишер Навои», сб. статей под ред. чл.-корр. АН УзССР А. К. Боровкова. ИВ АН СССР. М. — Л., 1946, стр. 5—30.

Ягелло И. Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910.

* * *

Акрамов А. М. Мухаммад Солих. Тошкент, 1966 (на узб. яз.).

Акрамов А. М. «Таварих-и гузида нусрат-наме» кулёмасининг Лондонда сакланаётган нусхаси хакида. В сб.: Шаркда оид материаллар. Тошкент, 1966 (на узб. яз.).

Ахмедов Б. Махмуд ибн Вали. Тошкент, 1963 (на узб. яз.).

Ахмедов Б. Узбекларнинг келиб чиқиш тарихидан (XV асрда кучманчи узбеклар давлати). Тошкент, Узбекистан ССР фанлар академияси нашриёти, 1962 (на узб. яз.).

Ахмедов Б. А. Хофиз Таниш ва унинг «Шарафномаи шохий» («Абдулла-нома») асари. В кн. «Хофиз Таниш ибн Мир Мухаммад Бухорий. Абдулланом». 1-жилд. Тошкент, 1966 (на узб. яз.).

Ахмедов Б., Муниров К., Хофиз Таниш Бухорий. Тошкент, 1963 (на узб. яз.).

Эсирлэр садаси. Кона уйгур эдебиятинин нэмунилири. Топлигучилар: М. Хэмраев, В. Юдин, С. Моллаудов, Й. Мухлисов. Алмута, 1963 (на уйг. яз.).

Жалилов А. Мусо Сайромий. Тошкент, 1968 Сна узб. яз.).

«XIX аср Хива давлат хужжатлари». Т. II, Узбекистон ССР фанлар академиясининг корреспондент аъзоси М. И. Иулдашев тахрири остида Узбекистон ССР фанлар академияси нашриёти. Узбекистон ССР фанлар Академияси, Абурайхон Беруний номидаги шаркшунослик институти. Тошкент, 1960.

Ибрагимов С. К. Казак, тарихынын кейбир жана деректери жонинде. «Изв. АИ КазССР, серия ист., арх. и эти.», вып. 1 (9), 1959, стр. 75—78 (на каз. яз.).

«Казак тилинин тусиндирме создиги». Жалпы редакциясын баскарган филология гылымдарынын докторы проф. И. К. Кенесбаев. Казак ССР Гылым академиясы, Тюмен эдебиет институты, Казак ССР Гылым академиясынын баспасы. Алматы, т. I. А-К., 1959, т. II, К-Я, 1961.

Маматохунов У. Уйгур адабиёти классиклари. Тошкент, 1960 (на узб. яз.).

Marqulan Э1kei.*** . «Эдебиет және искусство», № 4. Алматы, 1941 (на каз. яз.).

Мирзоев, Абдулгани. Бинои. Академия и Фанои РСС Тоҷикистон. Институти забон ва адабиёт. Нашриёти давлатии Тоҷикистон. Сталинобод, 1957 (на тадж. яз.).

Муниров К. Мунис, Огахий ва Баёнийнинг тарихий асарлари. Тошкент 1960 (на узб. яз.).

Муниров К. Огахий. Илмий ва адабий фаолияти. Тошкент, 1959 (на узб. яз.).

Сайфиев Н. «Абдуллонома» — хамчун сарчашмаи адаби. «Изв. АН ТаджССР», отделение общественных наук, № 4 (35). Душанбе, 1963 (на тадж. яз.).

Хасанов Х. [Уринбоев А.]. Хофиз Абру, Хайдар мирза, Филипп Ефремов. Тошкент, 1964 (на узб. яз.).

Хофиз Таниш ибн Мир Мухаммад Бухорий. Абдуллонома. 1-жилд. Тошкент, 1966 (на узб. яз.).

2. Литература и источники на западноевропейских языках

Barthold W. Abu'l-Khair. E. I, vol. I.

Barthold W. Caghatai Literature. В статье «Turks». E. I, vol. IV, 1931.

Barthold W. Khwarizm. E. I, v. II, pp. 908—912.

Becker C H. «Bilal», EI, v. I, pp. 718—719.

Beveridge H. The Khojas of Eastern Turkistan. «Journal of the Asiatic Society of Bengal». Vol. LXXI, Part I, № 1 and 2, 1902. Calcutta.

Bloch E. Catalogue des manuscrits persans de la Bibliotheque Nationale. Paris, t. I, 1905.

Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century, vol. I—II, London, 2d. ed., 1910.

The British Museum Quarterly. Vol. XXIX, № 3—4, summer, 1956.

Brockelmann C. Geschichte der arabischen Litteratur, Bd. II, Berlin, 1902.

Deguignes J. Histoire generate des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux, t. I—IV, Paris, 1756-1758.

Dutreuil de Rhine L — L. Mission scientifique dans la Haute Asie, 1890—1895. Troisieme partie. Histoire—linguistique — archeologie—geographie par F. Grenard. Appendices scientifiques. Paris, 1898.

«The Encyclopaedia of Islam». A dictionary of the Geography, Ethnography and Biography of the muhammadan peoples, vv.I—IV, Leiden — London, 1913—1934.

Ethë H. Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office. Vol. I, Oxford, 1903.

Ethe H. Neupersische Litteratur. «Grundriss der Iranischen Philologies. Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn. Strassburg, Bd. II, 1896—1904.

Histoire des conquetes de Tamerlan intitulee Zafarnama par Nizamuddin Sami avec des additions empruntees an Zubdatu-t-tawarih-i Baysunguri de Hafiz-i Abru. Ed. critique par F. Tauer, t. I. Texte persan du Zafarnama, Praha, 1937; t. II. Introduction, commentaire, index. Praha, 1956.

Histoire des Mogols et des Tatares' par Aboul-Ghazi Bchadour Khan, publiee traduite et annotee par le Baron Desmaisons. T. I, Texte, St.-Pbg., 1871; t. II, Tra-duction, St.-Pbg., 1874.

Hartmann M. Ein Heiligenstaat im Islam. Das Ende der Caghataiden und die Herrschaft der Chogas in Kasgarien. Der Islamische Orient, VI—X, Berlin, 1905.

Howorth H. H. History of the Mongols from the 9 th to the 19th century, pt. I. The Mongols proper and the Kalmuks, London, 1876; pt. II. The so-called Tartars of Russia and Central Asia. Division I—II, London, 1880.

Ivanov W. Concise descriptive catalogue of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta, 1924.

Juynboll Th. W. Kadi, E. I. II, p. 606.

Lansdell H. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv, vol. I—II. London, 1885.

Macdonald D. B. Fatwa. El, v. II, p. 92.

Macdonald D. B. Mufti. El, v. II, p. 92.

Nemeth J. Wanaerung des mongolischen Wortes nokur «Genosse»,— «Acta Onentaha» Bd. III, Budapest, 1953, 1—2, pp. 1 — 23.

d'Ohsson C Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz khan jusqu'a Timour bey ou Tamerlan, t. I—IV, ed. 3, Amsterdam, 1842

Parker E H. The kalmucks.— «The China review: or notes and queries on the Far East.» Published every two months, v. XXIII, 1898 — 1899, Hongkong — London, pp. 14—21.

Raquette G. Eine kaschgarische Wakf Urkunde aus der Khodscha-Zeit Ost Turkestans von G. Raquette. Lunds Universitets Arsskrift, N. F. Avd. I Bd. 26, Nr. 2, ss. 3—24.

Rieu Ch. Catalogue of persian manuscripts in the British Museum. Vol. I. London, 1879.

Rieu Ch. Catalogue of the turkish manuscripts in the British Museum. London, 1888.

Rieu Ch. Supplement to the Catalogue of the persian manuscripts in the British Museum by... London, 1895

Sachau Ed., Ethe H Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library begun by Prof. Ed. Sachau, continued, completed and edited by H. Ethe. Oxford, 1899.

Shaw. R. The History of the Khojas of Eastern Turkistan summarised from the Tazkira i khwajagan of Muhammad Sadiq Kashgari, by the late

Robert Barkley Shaw . Edited with Introduction and Notes by N. Elias. Published as Suoplement to the Journal of the Asiatic Society of Bengal Vol. LX\ I, Part I. Calcutta, 1897.

SkraincF. H, Ross E. D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates fiom the Earhst Time, London, 1899.

Stein A. On ancient Central Asian tracks. London, 1933.

Tauer Felix. Hafizi Abru sur l'Historiographie. Melanges d'Orientahsme offerts a Henri Masse A l'Occasion de son 75 eme Anniversaire. Publications de rUmversete de Teheran, N» 843. Teheran. Jmprimer.e de l'Universete, 1963.

The Tankh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia. An English version, ed , with commentary, notes and map by N. Elias. The translation by E. Demson Ross, London, 1895.

Validi Ahmet Zeki. Em turkisches Werk von Haydar Mirza Dughlat. Bulletin of the Scool of Oriental and African Studies (Univeisity of London). Vol. VIII, part 4, 1937.

Walsh JohiiR. The Tuikish Manuscripts ii New College, Edinburgh by.. Edmburg «Onens», Vol. 12, Leiden, E Y. Brill, 1959

Yule H. Cathay and the way thither; being a collection of medieval rotices of China, transl. and ed. by H. Yule With a preliminary essa\ on the intercomse between China and the western nations previous to the discovery of the Cape loute, vol. I—II, London, 1866.

3. Литература и источники на восточных языках

*** Рукопись ИВ АН УзССР, № 7585.

«Та'рихи Шайбани». Рукопись ИВ АН УзССР, № 1505. ***

«Та'рих и 'аламара-йи 'Аббаси» Искандера Мунши. Тегеран, 1314 г. х. (Литограф, изд.). ***

*** «Тазкира йи Хазрат Ходжа Атамдар Сахаба Джанбаз-ходжамнин тазкиралари». Рукопись ЛО ИНА АН ССР, N В 731.

*** Рукопись ЛО ИНА АН СССР, № Д 191.

*** Литография Гулам Хасан Арифджанова. Старый Ташкент, раби II 1331 г х.

*** Рукопись ИВ АН УзССР, № 7638.

*** Рукопись ИВ АН УзССР, № 395.

*** Рукопись ЛО ИНА АН СССР, А 232.

*** «Хазинат ал асфийа», т. I, II

*** Рукопись ЛО ИНА АН СССР, В 771.

*** Рукопись ИВ АН УзССР, № 2094.

*** Рукопись ИВ АН УзССР, № 629.

*** Рукопись ИВ АН УзССР, № 1439.

*** Рукопись ИВ АН УзССР, № 2471.

*** Рукопись ЛО ИНА АН СССР, С 1602.

*** Рукопись Отдела востоковедения и письменного наследия АН ТаджССР, № 579. (на уйг. яз.) 1948

*** Рукопись ИВ АН УзССР, № 14.

*** Рукопись ИВ АН УзССР, № 89.

*** Рукопись ЛО ИНА АН СССР, С 1492.

*** Рукопись ЛО ИНА АН СССР, С 1602.

*** Рукопись ИВ АН УзССР, № 2501.

*** «Мусаххир ал билад» Мухаммадйара бен Араб каттагана Рукопись ЛО ИНА АН СССР, № С 465.

*** Рукопись ЛО ИНА АН СССР, В 2504.

*** Рукопись ИВ АН УзССР, № 3737.

*** Рукопись Отдела востоковедения и письменного наследия АН ТаджССР, № 2065.

*** — Абд ар Рахман Джамии. Нафахат ал-унс.

*** Рукопись ИВ АН УзССР, № 1682.

*** Приложение к газете «Вакт» № 2057 (на татар. яз.).

Приложение к газете «Вакт» № 2103, 2111, 2120 (на татар. яз). ***

1957

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

«В. В. Бартольд» — «*** В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927.

«Восточный сборник» — «*** Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского». М., 1914 (ТВЛИВЯ, вып. XLIII).

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

ЗВО(И)РАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества». СПб. Пг.

ЗИАН — «Записки Императорской Академии наук».

ЗИРГО — «Записки Имп. Русского Географического общества», СПб. (1849—1917).

ЗКВ — Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР).

ИАН — Императорская Академия наук. СПб.

ИВ АН — Институт востоковедения АН СССР.

ИВЛ — Издательство восточной литературы.

«Изв. АН КазССР» — «Известия Академии наук Казахской ССР». Алма-Ата.

«Изв. АН КиргССР» — «Известия Академии наук Киргизской ССР». Фрунзе.

«Изв. АН ТаджССР» — «Известия Академии наук Таджикской ССР».

«Изв. АН УзССР» — «Известия Академии наук Узбекской ССР». Ташкент.

ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии.

ИМ — «Историк-марксист». М.

ИНА — Институт народов Азии АН СССР.

ИИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества». СПб.

ИЭ — Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

ИЯЛ — Институт языка и литературы.

КВР — «Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР», т. I. Сталинабад, 1960.

КРО — «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках (Сборник документов и материалов)». Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1961.

ЛГУ — Ленинградский государственный университет.

МАР — «Материалы по археологии России».

МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР».

МИРМО — «Материалы по истории русско-монгольских отношений».

МИТТ — «Материалы по истории туркмен и Туркмении».

МИТУСА — «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии».

МИУТТ — «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР».

ОИФ — Отделение истории и филологии.

ОНУ — Общественные науки в Узбекистане.

ОТР — Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I, история. М., 1965.

«Памяти В. Я. Владимирцова» — [Сборник] «Филология и история монгольских народов». Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. Ин-т востоковедения АН СССР, ИВЛ. М., 1958.

ПВ — «Проблемы востоковедения». М.

ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии». Ташкент.

ПТР, I — О. Ф. Акимушкин, В. В. Кушев, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мугинов, М. А. Салахетдинова. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог), часть 1. М., 1964.

САГУ — Среднеазиатский государственный университет. Ташкент.

СВ — «Советское востоковедение». М. — Л., I—VI. М.

СВР т. I — «Собрание восточных рукописей АН УзССР».

СМИЗО, I и II — Тизенгаузен В. Г. «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды», т. I; «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды», т. II.

СТАЭ — Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция.

ТВЛИВЯ — «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков».

ТВОРАО — «Труды Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества». СПб.

ТИВАН — «Труды Института востоковедения АН СССР».

ТОВЭ — «Труды Отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа». Л.

«УЗ ИВ АН СССР» — «Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР».

«УЗ ЛГУ» — «Ученые записки ЛГУ».

Примечания

Текст приводится по изданию:

Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). — Алма-Ата: Наука, 1969.